Владислав Иноземцев

Как санкции ударят по России

Русский Европейский интеллектуал

Нассим Талеб, знаменитый американский интеллектуал и финансист, автор нашумевших бестселлеров «Черный лебедь» и «Антихрупкость», говорил, что формулировать теории ныне имеют моральное право только практики. Которые «едят то, что готовят». То есть — в реальной жизни ставят свой успех в прямую зависимость от эффективности своих концептуальных построений.

Владислав Иноземцев — почти идеальный пример «талебовского человека», глубокого теоретика и смелого практика в одном флаконе.

Биография Иноземцева весьма примечательна. Он родился в Горьком (Нижнем Новгороде), детство провел в Белоруссии, в 15 лет (!) поступил на экономический факультет МГУ, который окончил с отличием. В 20 лет он уже был главой Научного студенческого общества МГУ. А в 1990-е сделал карьеру банкира, в неполные тридцать став председателем правления Московско-Парижского банка. Так что практику современной рыночной экономики и финансовых систем он освоил давно и прочно.

В первом десятилетии XXI века, потребовавшем совершенно нового осмысления глобальных процессов в приложении к туманной российской действительности, Владислав Иноземцев смещается в область теории. В эти годы он заводит близкое знакомство с наиболее влиятельными и актуальными интеллектуалами мира — от Дэниела Белла до Френсиса Фукуямы. Становится одним из ключевых российских идеологов модернизации, постиндустриального и постэкономического общества. (Замечу, всё это — в тридцать с небольшим).

Далее на очереди — политика. Где синтез теории и практики — предварительное условие осмысленного действия и залог выживания. Иноземцев смыкается с российской оппозицией, системной и несистемной. В 2012 году подписывает, вместе с несколькими десятками единомышленников, обращение «Путин должен уйти». (Владимир Владимирович, как мы знаем, к обращению не прислушался; возможно, напрасно). Участвует в трудах и делах разных партий: «Правое дело», «Гражданская платформа», «Гражданская сила»…

Иноземцева наших дней уже можно назвать ключевым нашим идеологом европейского выбора России. Автор книги, которую вы сейчас читаете, не только знает и понимает, что Россия — это Европа. Но и может это объяснить — столь же убедительно, сколь и доходчиво, и узким профессиональным сообществам, и широким народным массам. Эта книга содержит тому немало доказательств.

Иноземцев досконально вникает в любой вопрос, которым занимается, он совершенно лишен поверхностности, верхоглядства, столь присущих многим российским (и не только российским) интеллектуалам. Владислав Леонидович — страж факта и кладезь фактуры. Когда я хочу узнать, как изменилась за последние 10 лет ВВП Китая, на чем зиждится экономика Австрии или насколько российская оборонная промышленность зависит от иностранных технологий, я выбираю один из двух вариантов: а) покопаться в Интернете; б) спросить у Иноземцева. Второе решение — всегда гораздо более быстрое, а главное, надежное, ибо Иноземцев достовернее Интернета. И, если он только не слишком занят, я стремлюсь реализовать план б).

Но, в то же время, автор этой книги — вовсе не начетчик, становящийся заложником информационного вала. Любую проблему, которая ему интересна, он стремится понять, проанализировать и осмыслить с разных сторон, во всей ее глубине и полноте. Вот почему Иноземцев рождает немало новых идей, и при том ни одна из них не выглядит ни случайной, ни скороспелой.

Владислав Леонидович всегда привлекал меня (мы знакомы хоть и не близко, но довольно давно) свежестью подхода к любой теме, постоянной готовностью к интеллектуальным экспериментам, аналитической и синтетической дерзостью, — но без разудалого авантюризма. Иноземцев практически всегда свеж, в нем нет ни грана нафталина, он избавлен от идеологических штампов, которыми заражены многие и многие наши эксперты.

По своему опыту я знаю, как сложно в современной России быть независимым публичным интеллектуалам. Выдвигать свои собственные идеи и теории и проповедовать их, дистанцировавшись от всех лоббистских кланов и групп влияния. Владислав Иноземцев — независимый публичный интеллектуал par excellence. Он смог отстоять территорию своей свободы и занимается тем, что ему нравится, что он считает действительно важным. В нашем постсоветском мире такое удалось, увы, немногим.

Эта книга — собрание лучших текстов Владислава Иноземцева за 2010–2014 годы. Тексты очень разные и по тематике, и по формату. Но они объединены общей идеологией автора. Эта идеология — европеизм. Перед нами — сборник трудов русского проевропейского интеллектуала, готового и способного всесторонне аргументировать свою позицию и помочь нам избавиться от идеологического мусора, которым заваливает нас тотальная государственная пропаганда.

Что-то вызовет у вас прилив практического интереса, что-то покажется более схоластическим. Но, внимательно прочитав книгу (лучше два раза, одного маловато будет), вы получите ответы на многие проклятые вопросы.

Например:

• Почему Россия все же должна стать членом Евросоюза и как надо покончить с евразийством?

• Почему в современной России невозможна модернизация?

• На чем построена сила путинского режима в чем его роковые слабости?

• Во сколько и во что обойдутся нам присоединение Крыма и другие новейшие внешнеполитические авантюры?

• Как выжить Украине?

• Почему изоляция российской экономики приведет к ее скорому краху?

• Правда ли, что широко разрекламированное нашей властью импортзамещение — фикция и блеф?

• Действительно ли Россия необратимо теряет лидерство в космосе? А на Земле?

• Что такое BRICS и почему этот альянс ни черта не поможет России?

• Превратится ли наша страна в сырьевой придаток Китая?

• Что такое «Русский мир — 1» и как он воюет с «Русским миром-2»?

• Чем станет Россия к 2030 году?

Многие из статей сборника публиковались во влиятельных изданиях по всему миру — от американской The Washington Post до российских «Ведомостей». Но, мой взгляд, были пока недостаточно прочтены, увидены и услышаны. Что, увы, закономерно: оголтелый пропагандист в сегодняшней российский реальности имеет больше шансов добраться до широкой аудитории, чем независимый публичный интеллектуал.

Надеюсь, что книга, заботливо сделанная издательством «Алгоритм», восполнит этот пробел.

В общем, наслаждайтесь.

Станислав Белковский

Предисловие

Не скрою: предложение издательства «Алгоритм» опубликовать под одной обложкой часть моих материалов, которые на протяжении этого года вышли в разных газетах и журналах в России, Европе и Соединенных Штатах, было для меня совершенно неожиданным — и потому особенно приятным.

Еще более неожиданным оказалось то, что сотрудники издательства сами собрали те статьи, которые показались им наиболее интересными. Пользуясь правом автора, я несколько скорректировал список, внеся в него ряд текстов, печатавшихся на иностранных языках и не переводившихся на российских интернет-ресурсах. Кроме того, каждой части сборника, организованного по тематическому принципу, я позволил себе предпослать по одному тексту, опубликованному за три-пять лет до наших дней — отчасти чтобы показать, что высказанные в последних статьях суждения являются предметом долгих размышлений, отчасти чтобы похвастаться, насколько точными выдались данные несколько лет назад прогнозы.

Большая часть статей представляет собой точное воспроизведение текстов, опубликованных в газетах и журналах, выходные данные которых приведены в конце каждой статьи. В некоторых случаях, когда речь идет об иноязычных публикациях, использованы русские тексты в том виде, с которого они переводились для направления в издательства и редакции.

Общая тональность книги вышла, разумеется, минорная — но давайте будем надеяться, что уходящий 2014 год станет не только годом испытаний и выбора, но и годом, с которого в жизни страны и многих ее граждан начнутся значимые перемены. И они, я убежден, окажутся позитивными — ведь из того состояния, в котором мы находимся, единственным направлением движения может быть движение к лучшему.

Владислав Иноземцев.

Варшава, 5 октября 2014 года

*От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму***(2010)**

В последние годы многие исследователи и журналисты все чаще начинают сравнивать Россию с Советским Союзом: говорят о вновь ставшей неприкасаемым классом бюрократии, об однопартийной системе, демонтаже демократических норм, «телефонном праве», атаках на свободу слова и даже о возрождении «русского империализма». Путинскую эпоху уже уподобляют периоду брежневского застоя. Однако вряд ли что-нибудь может быть более ошибочным, чем подобные суждения.

Российская Федерация 2010-х годов — это не Советский Союз конца 1970-х.

С одной стороны, в них много похожего. На место вертикально выстроенной КПСС пришла партия «Единая Россия», на 46 % укомплектованная чиновниками разных уровней. Место Верховного Совета заняла Государственная Дума, избираемая по партийным спискам, заранее утверждаемым в Кремле. К выборам допускаются только те партии, которыми власть умеет управлять. Митинги несогласных жестоко разгоняются полицией. Телевидение открыто цензурируется. Суды выносят выгодные власти или нужные ей в данный момент решения. В экономике Россия стала еще более «позднесоветской»: ее экспорт состоит из нефти, газа и иного сырья уже не на 55 %, как при Брежневе, а на все 80 %. Зато бюрократов в стране со 142 миллионами населения уже в 1,2 раза больше, чем было в СССР с его 287 миллионами граждан. И в рядах российских милиции и служб безопасности сегодня задействовано больше людей, чем было во всем Советском Союзе. Все крупнейшие корпорации прямо или косвенно контролируются государством. Во внешней политике крах СССР рассматривается как «геополитическая катастрофа XX века», а суверенитет постсоветских государств, кажется подчас, считается условным.

С другой стороны, сегодняшняя Россия радикально отличается от Советского Союза. Каким бы уродливым ни казался правящий режим, он возвышается над парадоксально свободной страной. Россияне беспрепятственно выезжают из страны и возвращаются в нее; более 5 миллионов живут за границей, не теряя российского гражданства. Россия открыта миру экономически (внешнеторговый оборот по итогам 2009 года составил в пересчете по рыночному курсу валют 40,7 % ВВП против 37,1 % во Франции и 18,3 % в США), культурно и информационно. Западные газеты продаются, а спутниковые телеканалы принимаются во всех крупных городах, где сегодня в общей сложности постоянно живут уже более 300 тысяч граждан западных стран. Интернет, в отличие, например, от Китая, никак не ограничивается. Критика власти больше не опасна, хотя особых дивидендов и не приносит. Русские получили свободу заниматься бизнесом — и в стране существует 1,5 миллиона мелких и средних частных предприятий. Они стали собственниками своих квартир, построили почти 4 миллиона частных домов и могут покупать земельные участки любых размеров. Появились частные банки и промышленные компании, чьи владельцы в 2009 году заняли 13 из первых ста строк в мировом рейтинге миллиардеров по версии журнала «Forbes».

Что же это за общество?

Современная Россия — уникальная страна. Причудливое переплетение квазисоветских и псевдозападных черт породило ситуацию, в которой, говоря словами известного российского историка Алексея Миллера, «живя в заведомо несоответствующей демократическим стандартам России, чувствуешь себя лично свободным» (Миллер, Алексей. «От демократии XIX века к демократии XXI: каков следующий шаг?» // Иноземцев Владислав (ред.) Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века, Москва: Издательство «Европа», 2010, с. 101). И это действительно так. Путинская модель намного совершеннее брежневской — причем по меньшей мере сразу в двух аспектах.

Во-первых, в советское время власть могла доминировать только в закрытой стране и с помощью опоры на идеологию, которая казалась жителям Запада убогой и примитивной, но до некоторых пор разделялась в Советском Союзе многими, если не большинством. Люди в СССР знали немного о жизни в Европе и Америке и при этом ориентировались на великую цель, которую должен достичь советский народ. В такой ситуации коммунистическая верхушка выстраивала авторитарную «вертикаль власти», борясь с инакомыслием и распространением любых информации и мнений, оспаривающих ее «руководящую и направляющую» роль, что можно счесть довольно естественным: подобные эксперименты проводились и еще проводятся во многих странах мира. Сегодня ситуация изменилась до наоборот: идеология рухнула, а на ее место пришла худшая форма капиталистической беспринципности; никто не ждет достижения новых рубежей в будущем, находя какие-то поводы для гордости и самоуважения в близком или отдаленном прошлом; Россия совершенно открыта, большинство жителей побывали за границей, а образ и уровень жизни там хорошо знакомы россиянам; можно высказывать любые точки зрения, критиковать власть, свободно получать и распространять информацию. И в этой среде за последние десять лет масса авторитарных принципов и инструментов брежневской эпохи были восстановлены практически без всякого значимого сопротивления со стороны общества.

Во-вторых, советская система была основана на бедности и распределении самых примитивных благ. Реформаторы времен горбачевской перестройки и западные советники первого демократического правительства России были уверены в том, что преодоление дефицита товаров и появление у людей собственности станут заслоном на пути реванша авторитарных сил. Однако этого не случилось. Экономический рост 2000-х годов, ставший заслугой не путинской власти, а благоприятной глобальной конъюнктуры, повысил уровень жизни граждан и сделал их лояльными режиму, в то время как представители среднего и высшего классов осознали, что безопасность их состояний зависит от политической лояльности. В итоге была совершена уникальная для современного мира сделка по обмену экономического благосостояния на политическую «стабильность», которой очень гордится бывший президент и нынешний премьер-министр В. Путин и которую он считает своей главной заслугой перед страной. Для поддержания этой стабильности правительство защищает «национальных производителей» таможенными барьерами, избегает вступления в ВТО и позволяет десяткам тысячам бизнесов пользоваться преимуществами квазимонопольного положения на рынках. Стремительный рост издержек (внутри России металлы и строительные материалы стоят дороже, чем на мировых рынках, а себестоимость добычи газа в 2000–2009 годах выросла более чем в 7[!] раз) приводит к повышению розничных цен до европейского уровня, что отчасти компенсируется перераспределением в пользу малообеспеченных граждан нефтегазовых доходов.

Таким образом, современному поколению российских лидеров удалось создать модель, о которой их коммунистические предшественники не могли и мечтать. Они поставили под практически полный контроль гигантские богатства страны; во много раз повысили благосостояние чиновников, которые стали базой для доминирования правящей элиты; de facto упразднили свободные выборы и отменили право на демонстрации и забастовки; сделали судебную власть зависимой от правящей бюрократии и по сути породили отделенное от народа сообщество, живущее на закрытой территории и даже по городским улицам передвигающееся без соблюдения каких-либо правил. При этом режим допустил немыслимые для советского времени свободы слова и передвижения, позволил гражданам заниматься бизнесом, иметь значительную частную собственность и даже критиковать правителей как заблагорассудится. Мы получили свободное общество с авторитарной властью — симбиоз, невозможный сточки зрения классической западной социологической теории. Что это: преходящая аномалия или свидетельство ошибочности представлений, которые казались неоспоримыми многие десятилетия?

Секрет становления российского авторитаризма

Чтобы ответить на этот вопрос, следует понять, почему российское общество согласилось с ограничением свобод, которым оно было так привержено в годы перестройки? Ответ видится мне в обесценении коллективных действий.

В свое время выдающийся польско-британский социолог Зигмунт Бауман назвал жизнь современного человека «процессом индивидуального решения системных противоречий» (Бауман, Зигмунт. Индивидуализированное общество [пер. с английского под редакцией и со вступ. статьей Владислава Иноземцева], Москва: Логос, 2002, с. 86). Если говорить предельно кратко, секрет путинской России состоит как раз в резком расширении «социального пространства», на котором гражданам позволено индивидуально решать системные противоречия.

Масштаб и непреодолимая сила перестройки, инициированной в 1985 году, были обусловлены составом ее сторонников, которые в иных условиях никогда не смогли бы действовать в унисон. Советская система не позволяла проявить себя слишком многим и слишком разным людям и социальным группам. Носители отличных от общепринятых взглядов преследовались; инициативы были наказуемы; альтернативная культура зажималась; религиозная жизнь подавлялась; люди не могли выехать за границу, узнать правдивую историю собственной страны, в полной мере проявить свою национальную принадлежность. Профессор-атеист и истово верующий православный крестьянин имели почти равные основания быть недовольны системой — также как имели такие основания ортодоксальный еврей и великорусский шовинист. При этом «индивидуальные ответы» на существовавшие вызовы по сути были невозможны: границы закрыты, самиздат запрещен, религиозное и этническое самоопределение подавлены. На все это наслаивались уравнительное распределение и убогая экономика, работавшая сначала на оборону, и лишь потом — на удовлетворение минимальных потребностей граждан, и система партийно-советской бюрократии, требовавшая согласования почти каждого шага и делавшая крайне некомфортной жизнь несогласных.

Как только Михаил Горбачев заговорил о переменах, его намерения нашли миллионы сторонников. Некоторые хотели реформы и обновления системы, некоторые — ее полного разрушения, но все понимали: никто не решит своих частных проблем, не разрушив рамок, сковывавших все общество в целом. Поэтому шахтеры, которые ныне сотнями гибнут в забоях от нежелания толстосумов-хозяев раскошелиться на нормальное оборудование шахт, с энтузиазмом выступали вместе с первыми кооператорами за радикальные перемены, а местечковая бюрократия, не имевшая возможности «развернуться», бросала на стол партбилеты и провозглашала независимость национальных республик. Система, не устраивавшая почти всех, не могла выжить.

Современная российская система не повторяет ошибок советской. Во-первых, она исторгла из себя миллионы активных граждан, покинувших страну на протяжении конца 1980-х и всех 1990-х годов — людей с активной жизненной позицией, практически наверняка пополнивших бы ряды диссидентов нового типа. Во-вторых, она открыла перед массой своих жителей возможность обогащения, самореализации в бизнесе, горизонтальной и вертикальной мобильности, дало всем право свободно выезжать из страны и возвращаться в нее. В-третьих, она нашла тонкий баланс интересов и возможностей, дав талантливым и активным зарабатывать деньги в коммерческом секторе, а тупым, но исполнительным — в рядах коррумпированной бюрократии. В-четвертых, она позволила чиновникам низовых уровней вершить произвол до тех пор и в тех пределах, в каких это не противоречит устоям системы. И не нужно списывать ее успехи на разнузданную пропаганду — последняя выглядит скорее излишней и искусственной на этом фоне. Это советской власти приходилось тратить огромные усилия на убеждение граждан в том, что она лучшая из лучших. Сегодня этого можно не делать просто потому, что в стране не осталось граждан. Ее в основном населяют люди, желающие есть и спать, зарабатывать деньги и свободно действовать в своем ограниченном пространстве, видеть реалии другого мира, но удовлетворяться (и даже гордиться) своими (а порой и тем, на что они даже не претендуют). Обычная жительница провинциального российского городка, приехавшая в первый раз в Париж, сказала экскурсоводу: «А в Москве-то машины куда покруче будут!». Даже в том, что ей самой никогда не будет принадлежать, она видит плюс — а не минус, — собственной страны. Путин может спать спокойно. Под ним — абсолютно деструктурированное общество, liquid postmodernity, не способная к самоорганизации и не имеющая общих задач и единых целей.

Базовый принцип новой системы

Почему же новое российское общество оказалось таким текучим и дезинтегрированным? Ответ кроется, на мой взгляд, в особом характере элиты и тех «социальных лифтов», которые в нем сформировались. Если в большинстве не только западных, но и успешно модернизирующихся обществ существуют несколько элитных групп (политическая, предпринимательская, интеллектуальная, военная, и т. д.) то в России в период перехода к рынку их разделенность оказалась утраченной. Некоторые (ученые и военные) на время стали ненужными, их труд практически перестал достойно оплачиваться, а общественные ценности сместились в сугубо материалистическую область. Другие (как политики) на время оказались наедине с народом, требовавшим от них тех благ, которые они не могли ему дать. Бизнес же, чья элита сформировалась в основном отнюдь не на основе меритократических принципов, стал определять социальные ценности и по мере своего усиления проникать во властные структуры. На этом первом этапе — в основном завершившемся к началу 2000-х годов — государственный аппарат был в значительной мере зависим от бизнеса, но далеко не вполне жил по его идеологическим принципам.

Катастрофа служилась именно в последние десять лет. Вместе с Путиным к руководству страны пришли относительно молодые люди, стремившиеся к обогащению и только к нему, и уже понявшие, какие возможности для этого открывает государственная власть. Бизнесмены, ранее пришедшие власть, в мгновение ока стали нежелательными — власть сама стала предпринимателем. Начал формироваться как государственный бизнес (именно в первые годы путинского правления многие крупные компании вернулись под контроль государства, а позднее возникли и госкорпорации), так и бизнес чиновников (и на федеральном, и на региональном уровне). Если в 1990-е годы мало кого удивляло, что губернатора содержала та или иная банковская или промышленная группа, то в 2000-е считалось нормальным, что через пару лет после назначения нового главы региона или министра его родственники и друзья контролируют заметную часть территориального или отраслевого бизнеса. Вскоре по тому же пути пошла и элита «силовиков» — в итоге милиция стала самым коррумпированным институтом, приватизация ненужного военного имущества сделала чиновников Минобороны миллионерами, а цены закупок военной техники и снаряжения выросли за десятилетие в 8-11 раз (!). И сегодня купить во Франции готовый вертолетоносец «Мистраль» обойдется дешевле, чем в России построить катер береговой охраны. Немного времени потребовалось и для того, чтобы деньги и только деньги стали основным предметом вожделения и в среде ученых и журналистов…

К концу 2000-х годов сформировался главный базовый принцип новой российской реальности: свободная конвертация власти в деньги и собственность и обратно. Элита стала консолидированной и единой. Это элита власти, воспринимающей собственную деятельность не как служение обществу, а как вид бизнеса. Парадоксально, но эта элита довольно открыта: в нее постоянно кооптируются все новые люди, а некоторое количество тех, кто покидает властные коридоры, посвящают себя «чистой» коммерции. Поэтому европейцам, с недоумением наблюдающим за неэффективностью российской бюрократии, следовало бы перестать удивляться: бюрократия на деле очень эффективна — просто у нее иной критерий эффективности и иные представления о должном.

Перспективы

Сегодня можно с уверенностью сказать: Россия — это совершенно особая социальная общность, живущая по своим законам и правилам. Это не слепок с западной демократии, немного «не дотягивающий» до оригинала. Это не восточная деспотия, немного «скорректированная» с учетом европейской истории ее подданных. Это не «воскресший» Советский Союз с его вселенской идеологией. Это не образец «авторитаризма развития», потому что экономика страны развивается не от добывающей к постиндустриальной, а ровно в обратном направлении. Это не… Список можно продолжать очень долго…

Современная Россия — это социальная система, сформировавшаяся в результате быстрого краха всех ценностных ориентиров и целей, который произошел в мире, где доминантной выступает примитивная материалистическая мотивация. Путь, который выбрала Россия, был найден ею самой, но в мире менее циничном и меркантильном чем нынешний, он вряд ли бы состоялся. Без готовности европейцев покупать российские нефть и газ у любых полукриминальных посредников, без радостного желания западных политиков трудоустроиться в «Газпром» или хотя бы успеть расшаркнуться перед Путиным, без готовности инвесторов вкладывать деньги в спекулятивные пузыри на российском фондовом рынке и рынке недвижимости, без офшоров, через которые российские предприниматели и чиновники — первые открыто, а вторые инкогнито — владеют сегодня почти 70 % крупных промышленных предприятий собственной страны путинская Россия не смогла бы существовать. И то, что она существует — скорее не случайность, а закономерность. И она будет существовать еще долго, так как недовольство системой во многом картинно; нелояльным гражданам открыты возможности для неполитической реализации или свободного выезда из страны; те же, кто хочет продолжать возмущаться, не запрещают даже этого — просто у них почти нет аудитории, которую эти протесты могли бы на что-то подвигнуть…

Россия начала XXI века — это общество, с полной прямотой реализовавшее те циничные принципы, которые в менее заметной форме присутствуют и в современных западных странах: примат денег в «эру потребления», условность культурных норм, продажность всех и вся, управляемость толпы, широкое применение технологий массового убеждения и зомбирования, и т. д. Единственная проблема этой системы заключена в том, что она не способна порождать интеллектуальный класс и генерировать знания, которые как никогда ранее востребованы в современном мире. Интеллектуальный класс не нужен стране, где главным ресурсом являются природные богатства, но может потребоваться в будущем, когда глобальная экономическая конкуренция станет еще более жесткой. Этого не видел и не видит Путин, но хорошо понимает президент Дмитрий Медведев — безусловно, самый разумный человек путинской «команды». Он не хочет демонтажа сложившейся системы, но понимает, что она малосовместима с технологическим прогрессом. Начнет ли он реальные реформы? На этот вопрос сейчас никто не в состоянии ответить. Но смогут ли они изменить систему, не разрушая ее? Как ни печально это покажется либералам и демократам, шансов на это в нынешней России куда больше, чем в России позднесоветской…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму» // Неприкосновенный запас, 2010, № 6 (74), с. 172–179.

Также текст публиковался в газете Le Monde diplomatique под названием «Россия: свободное общество под авторитарным контролем» (см.: lnozemtsev, Vladislav. «Russie, une societe Iibre sous controle authoritaire» // Le Monde diplomatique, 2010, № 10 (Octobre), pp. 4–5) и ее изданиях на многих европейских языках (lnosemzew, Wladislaw. «Putins Freiheit» // Le Monde diplomatique, 2010, № 10 (Oktober), pp. 1, 16–17; lnozemtsev, Vladislav. «Rüssia: uma sociedade sem cidadäos» // Le Monde diplomatique, 2010, Il Serie, № 48 (Outubro), pp. 4–5; lnozemtsev,Vladislav. «Una societä Iibera sotto controllo autoritario» // Le Monde diplomatique, 2010, № 10 (Ottobre), pp. 6–7; lnoziemcew, Wtadystaw. «Rosja: od zbyt krotkiej pierestrojki do nie kończącego się putinizmu» // Le Monde diplomatique Edycja Polska, 2010, № 10 (56), pp. 8–9; Inozemtsev, Vladislav. «Russia should't work but it does» // Le Monde diplomatique English edition, 2010, № 11 (November), pp. 12–13; Иноземцев Владислав. «Русия — общество без граждани»//Монд дипломатик българско издание, 2010, № 10(71), с. 2–3, и т. д.)

Россия на пути к новому средневековью

(2014)

Драматизм и трагичность событий на Украине не располагают к без эмоциональному анализу ситуации, но без него все же не обойтись. Никто из действующих лиц большой политической игры, ведущейся внутри и вокруг Украины, не безгрешен — но мне менее всего безразлична позиция моей собственной страны. Позиция, которая выглядит, на мой взгляд, отчасти умилительно непоследовательной, но отчасти и вопиюще опасной.

Сначала о непоследовательности. Что случилось в феврале 2014года в Киеве? Народная революция, приведшая к государственному перевороту и утверждению на Украине новой власти. Просматривается ли в ней иностранное участие или поддержка? Да, они заметны. Имели ли такие события исторические прецеденты? Конечно, и самый яркий — череда революций 1917 года в России, где произошел сначала внутриэлитный, а потом популистский переворот, идеология и организаторы которого поддерживались рядом европейских стран. Как сейчас в Кремле относятся к лидерам октябрьского переворота? Не слишком критично — главному террористу даже собираются восстановить памятник на Лубянке. А к интервентам, напавшим на Советскую Россию? Как к агрессорам, а не борцам за гуманитарные ценности. Если подойти с теми же мерками к событиям на Украине, легко понять, кто в сегодняшнем мире непревзойденный специалист по «двойным стандартам».

Каждая современная нация начинала свою историю с революции. Каждая революция несла с собой насилие и «перегибы». Не адептам СССР и выходцам из ВЧК осуждать киевских повстанцев. Но это не самое важное.

Куда существеннее огромный диссонанс между риторикой и действиями российских руководителей и сложившейся мировой практикой. Современная международная система (родившаяся в огне религиозных войн XVII века) основана на принципе суверенитета и невмешательства государств в дела друг друга. Принцип этот нарушался и нарушается довольно часто и под разными предлогами — но международное право становится все более определенным, и сегодня сложился консенсус, согласно которому вмешательство в дела других стран оправданно либо как ответ на агрессию, либо как мера по защите собственных граждан, либо как реакция на массовое насилие и геноцид. Есть классические примеры. В 1991 году международная коалиция начала войну против Ирака в ответ на его агрессию в отношении Кувейта. В 1976 году Израиль нарушил суверенитет Уганды при проведении антитеррористической операции в Энтеббе, спасая удерживавшихся в самолете заложников. В 1978 году Вьетнам ввел войска в Кампучию, свергнув режим Пол Пота, жертвами которого стали 2 млн граждан этой страны. Мир либо не осудил, либо открыто приветствовал эти интервенции.

В случае России и Украины эти примеры нерелевантны. Украина не начинала военных действий против какой-либо страны. На ее территории не происходило и не происходит геноцида или этнических чисток. Наконец, никто из наших граждан не пострадал в ходе украинской революции (среди убитых в киевских стычках были граждане Белоруссии и Грузии, но не России). Даже если счесть Украину failed state, это не основание для вмешательства. Не имея таких оснований, российские власти пошли по скользкому пути.

Отечественные политики говорят об угрозе безопасности «русских» и даже «русскоязычных». Слышны разговоры о «братских народах», «общей истории» и «православных корнях». По сути дела, Москва de facto заявила о цивилизационных, а не правовых основаниях для интервенции.

Современная международно-правовая система исходит из гражданской, а не этнической или религиозной идентификации человека. Государства обязаны защищать своих граждан, но не представителей своей титульной нации или последователей своей доминирующей конфессии. Исключением выступает только Израиль, позиционирующий себя как еврейское и, по сути, религиозное государство. Россия пока не определяет себя как русское и православное государство — если она попытается это сделать, страна просто перестанет существовать. У России нет оснований «защищать» за своими границами «соотечественников», «русскоязычных» или «православных». Можете представить себе, что произойдет, если Ким Чен Ын решит защитить южнокорейских соотечественников от угроз американского военного присутствия? А почему бы Парижу не вмешаться в дела какой-нибудь из стран Западной Африки, где права «франкоязычных» нарушаются чуть ли не каждый день? Да и какой-нибудь мусульманской стране давно пора вторгнуться в Голландию или Германию, где положение правоверных далеко от идеального. Но никто не хочет войны всех против всех — и поэтому российские обоснования вмешательства в украинские дела совершенно несостоятельны.

Несостоятельна и ссылка на то, что «право наций на самоопределение никто не отменял». Это право определено Декларацией Генеральной Ассамблеи ООН «0 предоставлении независимости колониальным странам и народам» (резолюция от 14 декабря 1960 года № 1514) и касается народов колоний. Русское меньшинство на Украине не является лишенным государственности этносом — и вполне может воссоединиться с соотечественниками, просто переехав в Россию (что случалось с меньшинствами в условиях распада государств или изменения их границ довольно часто). В ином случае реализация «права наций на самоопределение» трактуется как сепаратизм — и государственные власти имеют право его пресечь (как это случилось не так давно в отношении задумавшегося о «самоопределении» чеченского народа).

Сомнителен и тезис о «гражданах России», во множестве проживающих на Украине. На момент распада СССР получить российское гражданство, не будучи прописанным на территории РСФСР, было весьма проблематично. За последующие годы массового переселения российских граждан на Украину не отмечалось — скорее шел обратный процесс. Значит, наши

«граждане» в восточных регионах соседней страны — это люди, получившие паспорта «по упрощенной процедуре» и имеющие как минимум два гражданства. Следовательно, Россия присваивает себе право «защищать» интересы лиц, являющихся в первую очередь гражданами другой страны, что создает почву для крайне широкого толкования и большого числа новых конфликтов.

Вывод из сказанного прост. Россия в своем мессианизме с легкостью и непринужденностью отходит от современных правовых канонов в пользу реанимации этнической и религиозной идентичности в качестве чего-то более существенного, чем принадлежность к политической нации. Это значит, что те, кто считает нашу страну отставшей от Европы на 30–40 лет, сильно ошибаются. Масштаб отставания — не менее 365 лет (именно столько времени отделяет нас от Вестфальского договора, прекратившего в Европе религиозные войны и предоставившего властям каждой страны право принятия окончательного решения о судьбах своих граждан). Вероятно, следующим этапом нашей политической эволюции станет оправдание крестовых походов. Тем более что догмат о непогрешимости «папы» уже консенсус-но принят…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Самоопределение Москвы» // Ведомости, 27 марта 2014 г., с. 6.

Украинская авантюра дорого обойдется Путину

Кремль, похоже, сам «купился» на сказки, которые он выдумал для собственного народа: на рассказы о том, что восточные регионы Украины выступают двигателем экономики страны, тогда как западные области живут за их счет. Между тем статистика рисует существенно иную картину.

Часто упоминается, что на Донецкую область в 2013 году пришлось 12,4 % украинского ВВП, в то время как доля пяти западных областей (Закарпатской, Ивано-Франковской, Волынской, Тернопольской и Львовской) в совокупности составила лишь 12,1 %. Однако куда реже отмечается, что Донецкая область получила почти 31 % всех трансфертов, которые центральное правительство распределило между региональными властями. Фирмы, зарегистрированные в этом регионе, возместили из бюджета Украины 129 % уплаченного ими в 2013 году НДС. На протяжении многих лет украинское правительство масштабно субсидировало поставки природного газа из России; Киев платил «Газпрому» до $410 за 1 тыс. куб. м, в то время как газ перепродавался промышленности по $220–240 за тысячу «кубов». Около $2 млрд. ежегодно выделялось на «развитие» местной угольной промышленности. В эпоху Виктора Януковича многие обернувшиеся политиками управленцы были весьма успешны в перераспределении национального богатства в пользу своего родного края: в 2013 году совокупный объем направленных на восток Украины субсидий составил 14 % регионального валового продукта. В недавно ставшим российским Крыму субсидии обеспечивали 63 % доходной части местного бюджета. В то же время самым крупным нетто-плательщиком в бюджет Украины в пересчете на душу населения выступала малоприметная Полтавская область, расположенная в самом центре страны.

Устройство властной системы Украины позволяло легко перераспределять финансовые потоки и тем самым отмахиваться от необходимости технологического прогресса. Энергоемкость украинских химических и металлургических предприятий сегодня в 4–5 раз выше, чем аналогичных производств, действующих в странах ЕС. На протяжение более чем 20 лет украинские металлургические компании так и не смогли отказаться от мартеновских печей и перейти на более энергоэффективные способы плавки стали. Компания ArcelorMittal, которая владеет сейчас крупным заводом в Кривом Роге, сократила число занятых на предприятии более чем на 20 тыс. человек, до 34 тыс. работников, но ее менеджеры говорят о том, что если бы удалось добиться европейского уровня производительности, персонал не превышал бы 7 тыс. человек. Без правительственных субсидий большинство предприятий региона обанкротятся — особенно если цены на газ продолжат повышаться, а на металлы пойдут хотя бы немного вниз.

Союзники, как правило, обходятся России недешево. Ближайшая союзница Москвы — управляемая Александром Лукашенко Белоруссия — получает около $7 млрд. в год через субсидируемые цены на энергоносители, и еще около $2 млрд. ежегодно в виде российских кредитов и помощи. Два маленьких клиентских государства, которые Россия отторгла от Грузии в ходе августовской войны 2008 года, Южная Осетия и Абхазия, получили около $1,8 млрд. напрямую от России и почти $800 млн. «частных» инвестиций по линии российских госкорпораций. Если добавить сюда среднеазиатские государства, совокупный объем российских трат на своих союзников может оказаться превосходящим $12 млрд. в год.

Однако все это померкнет, если дело дойдет до серьезного вмешательства на Украине. В 2013 году Киев потратил на разного рода субсидии восточным регионам страны около $6,5 млрд. Если Москва под тем или иным предлогом решится аннексировать восточные области Украины, необходимость показать себя щедрым инвестором и обеспечить быстрое и существенное повышение жизненного уровня местного населения потребует средств, как минимум в три раза превосходящих этот объем. На прошлой неделе российские официальные лица говорили об экстренной помощи Крыму в размере до $1 млрд., не исключая доведения ее до $5 млрд. на протяжении 2014 года. Такие предложения очень напоминают российскую политику в отношении Южной Осетии или Белоруссии — огромные суммы растрачиваются безвозвратно вполне осознанно.

Сближение с Россией — как показывает опыт многих ее союзников — не открывает перед Украиной перспектив быстрого экономического роста, в то время как они могут появиться в случае дрейфа в сторону ЕС. Украине стоит пойти путем Польши, Чешской Республики и Словакии. В последние годы существования СССР валовый региональный продукт на душу населения в Украинской Советской Социалистической Республике был на 6 % выше, чем в социалистической же Польше. Сегодня польский подушевой ВВП втрое выше украинского. Украина — единственная постсоветская страна, которая даже по официальным статистическим данным не вернулась к тому уровню жизни, который был достигнут в советские времена, и это страна, граничащая с государствами, где граждане живут в два, а то и в три раза лучше, чем четверть века тому назад. И вполне естественно, что украинцы видят свое будущее в Европе — не столько потому, что демократия выглядит предпочтительнее авторитаризма, а верховенство закона — предпочтительнее бюрократического произвола, сколько в силу того, что только европейские технологии и европейские инвестиции могут дать толчок экономическому развитию Украины и сделать жизнь ее граждан более обеспеченной.

Стремясь лишить Украину ее восточных территорий, Россия пытается достичь цели, которая политически ничем не может быть оправдана — но в то же время она намерена добиться результата, который явится экономически контрпродуктивным. В свое время Владимир Ленин писал, что политика является наиболее концентрированным выражением экономики. Если бы Владимир Путин внимательно относился к подобным суждениям, он понял бы, что включение востока Украины и Крыма в состав России, и даже их превращение в квазиавтономные клиентские государства потребует от России десятков миллиардов долларов в год и к тому же создаст ненужных конкурентов российским металлургам, угольщикам, химикам, туроператорам и представителям многих других отраслей экономики.

Россия сегодня — это страна нулевого экономического роста и сокращающегося населения. Ежегодно она теряет до $70 млрд. вследствие оттока капитала. Ее модель сырьевой рентной экономики дает сбои. Поэтому нет ничего удивительного в том, что

власть ищет выход во внешней экспансии. Однако вне зависимости от того, сколь успешными будут военные упражнения Москвы, присоединение Украины или ее значительной части приблизит конец путинской империи.

Как ни парадоксально, европейская Украина без Крыма (и даже без Донбасса) будет экономически намного более успешной, чем Украина в ее современных границах, но при этом по-прежнему балансирующая между Европой и Россией. Борясь за восточную часть Украины, Россия пытается захватить финансово несостоятельные экономики, напоминающие части ее собственной. И если в итоге часть Украины проголосует за присоединение к России, проигравшими окажутся ее собственные жители и россияне — но отнюдь не основная часть украинского народа.

Печатается в авторском переводе по тексту статьи: Inozemtsev, Vladislav. «Russia's Path to Poverty» //The Washington Post, 14 марта 2014 г., с.A17

В такой же весенний день 17 марта двадцать три года назад прошел референдум о сохранении Советского Союза, распад которого президент Владимир Путин считает главной геополитической катастрофой XX века. Символично, что в его годовщину мы подводим результаты крымского референдума, от которого до конца современной (и пока еще «стабильной») России может остаться не намного больше времени, чем от прежнего референдума до конца СССР.

Нет сомнения, что референдум в Крыму даст положительный ответ на вопрос о присоединении Крыма к России. Практически наверняка «просьба трудящихся» будет удовлетворена — российский парламент давно превратился в полный аналог Верховного Совета брежневского Союза. Но что может последовать за этими событиями?

Российская Федерация середины 2010-х годов — это не СССР начала 1980-х. В 1980 году объем экспорта не превышал 2,6 % ВВП. Инвестиции составляли 33,4 % ВВП, и все они обеспечивались за счет внутренних источников. Доля импорта из-за пределов соцлагеря составляла менее 1 % промежуточного и конечного потребления. В стране использовалось 82 % добывавшейся нефти. Не существовало ни трансграничных инвестиций, ни фондовой биржи. Доллар и его курс были абстрактными понятиями.

В 2013 году объем российского экспорта составил 25,6 % ВВП, а инвестиции — менее 20 %. Доля импорта по десяткам позиций товарной номенклатуры превышает 50 %, а по некоторым приближается чуть ли не к ста. Две трети добываемой в стране нефти идет на экспорт. За границу выезжает 15–16 млн человек в год, более 3 млн имеют виды на жительство в зарубежных государствах. Капитал может свободно уходить из страны — и делает это в возрастающих объемах. Колебания курса валют ощущает каждый россиянин.

Поэтому экономика, несомненно, скажет свое слово в этом процессе.

Цена проекта «Крым»

Вознамерившись «восстановить историческую справедливость», отторгнув Крым от Украины, Кремль вряд ли считал прямые расходы на этот проект. Между тем принятый в январе 2014 года бюджет Республики Крым должен был наполняться дотациями из Киева на 63 %.

Значит, при украинских пенсиях и пособиях на содержание этой территории требуется более $200 млн. При российских размерах социальных пособий цифра вырастет как минимум втрое. Плюс инфраструктурные расходы — еще около $2 млрд в год.

Приток туристов в Крым в ближайшие 1–2 года уменьшится в разы, значит, дыра в бюджете вырастет. Полукриминальные элементы, пришедшие к власти на полуострове, будут заинтересованы в еще больших дотациях. Следовательно, Крым обойдется Москве в $4–5 млрд в год. Но это не проблема, это только начало проблем.

Россия, аннексируя Крым, начинает пересматривать границы в Европе, и причем не такие, которые существовали только де-юре, как между Грузией и Россией по реке Псоу, но и такие, которые никто не оспаривал. Это приведет к ответу со стороны Запада. Конечно, никто не введет войска НАТО в Донбасс, но последствия нельзя недооценивать.

Прежде всего США и ЕС введением санкций против российских чиновников и «государственных бизнесменов» дадут своим компаниям понять, что иметь дело с Россией опасно. Российская сторона ответит «симметрично», чем подтвердит эти опасения. Итогом станет сокращение притока капитала в страну и бегство средств самих россиян за рубеж.

К концу 2014 года отток капитала приблизится к $200 млрд, а валютные резервы сократятся более чем на треть. Инвесторы массово будут сбрасывать российские акции. Индекс РТС уйдет ниже отметки в 800 пунктов, и поддерживать его государство не сможет. У значительного числа крупных фирм возникнут сложности с обслуживанием зарубежных кредитов — а не надо забывать, что объем таких кредитов российских компаний и госорганов ($732 млрд по состоянию на 1 января) превышает объем резервов ($510 млрд на ту же дату) на 44 %. Властям придется выбирать между платежеспособностью и курсом рубля. Конечно, не в пользу курса. Соответственно, не стоит ждать инфляции менее чем в 10 % по итогам года.

Рейтинговые агентства пересмотрят российские кредитные рейтинги, и цена новых займов для наших компаний возрастет. Соответственно, подорожают и кредиты на внутреннем рынке, умножатся дефолты по личным и корпоративным долгам. Государству придется спасать компании («Мечел» — только первая ласточка) и докапитализировать банки.

Естественно, новые инвестиционные программы будут свертываться. Я бы оценил сокращение инвестиций по итогам 2014 года в 15–17 %. Начнут снижаться цены на российские недвижимость и активы.

Я не верю в то, что наши олигархи, убоявшись санкций, начнут переводить активы в Россию: то весьма вольное отношение к собственности, которое сейчас демонстрирует новая власть в Крыму, свойственна и российским властям, а многие условности теперь скорее всего будут отринуты.

В любом случае государство вынуждено будет вбрасывать десятки миллиардов долларов в экономику, чтобы не допустить обвального спада. И это, подчеркну, даже без жестких западных санкций.

Железный занавес

Хотя таких санкций, видимо, не случится. Европе нужны (пока) наши нефть и газ, но она попробует диверсифицировать поставки, и это несложно: с 2000 по 2013 год Россия увеличила добычу газа на 26 %, а Катар — в 7,3 раза. О перспективах американского сланцевого газа тоже известно хорошо: прирост добычи составил в США за последние пять лет 230 млрд куб. м, в России — 67 млрд. Европейцы просто будут переходить на поставки газа из других стран.

При этом Россия не может переориентировать поставки: заводов по сжижению западносибирского газа так и нет, как нет и контракта с Китаем. Пропускная способность транспортных артерий, по которым углеводороды могут поставляться на Восток, — не более 15 % от той, что имеется на западном направлении.

В результате за два-три года экспорт газа и нефти в Европу сократится на 20–40 %, а он обеспечивает сейчас около 55 % бюджетных доходов. Отсюда — пугающая перспектива недофинансирования российской соцсферы.

Никто не закроет импорт в Россию привычных нам товаров, никто не будет воздвигать против нас «железного занавеса». Мы сами начнем его создавать, теша себя иллюзией о том, что от протекционизма наша промышленность «поднимется с колен». Не поднимется — потому что ее сейчас просто нет. С 1985 по 2012 год число выпущенных в России грузовых автомобилей, зерноуборочных комбайнов и тракторов сократилось соответственно в 5,87, 14,1 и 34,0 раза, а, например, часов и фотоаппаратов — в 91 и 600 (!) раз.

Мы вообще не производим современной электронной техники, компьютеров и средств связи, на десятилетия отстали в фармацевтике и машиностроении. В последние годы до 55 % импорта из ЕС составляли машины и оборудование, заменить которые в России нечем.

Призывать страну к автаркии могут только безответственные люди. Еще раз повторю: чем активнее мы будем отгораживаться от мира, тем быстрее придет конец путинской модели, ведь остальной мир для нас будет опасен своей успешностью, а не угрозами. Если кто забыл, то Советский Союз рухнул тогда, когда ему уже никто не угрожал, но бесперспективность его авторитарной модели стала очевидной.

Сегодня власть проявляет феноменальную самонадеянность, полагая, что Крым для России (и, что самое сомнительное, для россиян) важнее экономической успешности государства. Признание Москвой крымского референдума — это указание на то, что власть готова управлять открытой, сытой и надеющейся на лучшее будущее страной в условиях сокращения ее экономического потенциала. Есть ли у нее методы такого управления? В Кремле убеждены, что есть. Руководители СССР в середине марта 1991 года были уверены в том же самом.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Не надо жертвовать Россией ради Крыма» // РБК-Daily, 27 марта 2014 г., с. 4.

Полные драматизма события на Украине оцениваются в России с разных точек зрения — но под одним углом на них не смотрит практически никто. Когда возмущенные украинцы возводили баррикады на майдане Незалежности и жгли покрышки, российские политики могли воспринимать происходящее не только с опаской, но и с удовлетворением: анархия в центре столицы и непредсказуемость будущего — весомые аргументы в пользу того, что любой строгий порядок лучше любого буйного протеста. Однако на новом витке противостояния осуждение вождей революции трансформировалось в поддержку ее оппонентов. И с этого момента отечественные политики вступили на новую, очень опасную, территорию.

Вся «информация», которая сегодня льется на российского зрителя с экранов телевизоров, оказывается не просто примером двойных стандартов — она выглядит столь вопиющим лукавством, что скоро может обернуться крайне неприятными параллелями и опасными выводами. Попытаюсь пояснить, что именно я имею в виду.

Раздвоение позиции

В городах востока Украины два месяца назад начались митинги и демонстрации, в ходе которых звучат прямые призывы к насилию. Замечу, что состоявшееся двумя годами раньше, 6 мая 2012 года, на Болотной площади в Москве куда менее опасное для общественного спокойствия действо было квалифицировано как массовые беспорядки, более 20 его участников провели почти полтора года в следственных изоляторах, а некоторые были осуждены к реальным срокам заключения в 2,5–4 года. Между тем в отношении участников противоправных акций в Донбассе никто из российских руководителей не произнес ни одного слова осуждения.

В марте в восточной части Украины «активисты» взяли штурмом ряд правительственных зданий — включая отделы внутренних дел, офисы Службы безопасности Украины и здание донецкой областной государственной администрации. За 10 лет до этого в Москве 30 мирных и безоружных граждан, состоявших в Национал-большевистской партии, заняли приемную Министерства здравоохранения, и, несмотря на то что они не причинили помещению никакого ущерба, семь человек были вскоре приговорены к пятилетним срокам. Применительно к донецким экстремистам из Москвы пока звучат лишь слова понимания, оправдания и, по сути, полного одобрения их действий.

Дальше — больше. В апреле противостояние на Украине приобрело явные черты гражданской войны. Были расхищены оружейные склады, вооруженные «граждане» вступили в борьбу с представителями официальной власти и за несколько дней захватили в заложники, ранили и убили более десятка сотрудников украинских силовых структур и военных. Отдаленным аналогом таких событий в России можно назвать дело «приморских партизан», в феврале — июне 2010 года захвативших оружие местных правоохранителей и нападавших на их коллег, в результате чего погибли два и были ранены три милиционера. В ходе судебного процесса над участниками группы, завершившегося на этой неделе, они получили сроки от 22 лет до пожизненного. В то же время применительно к Украине наши политики и средства массовой информации и по сей день занимаются последовательной героизацией мятежников.

«Активисты», нарушающие в Донбассе все мыслимые законы, заявляют о необходимости проведения референдумов об отделении своих регионов от Украины и уже создали самопровозглашенные структуры власти Донецкой и Луганской «народных республик». В России такие деяния подпадают под ст. 280 (1) Уголовного кодекса и предполагают наказание в виде заключения на срок до 5 лет — причем речь идет только о призывах, а не о насильственных действиях (которые могут караться сроками до 20 лет). Те же действия неустановленных лиц в соседней стране получают полную и однозначную поддержку со стороны Кремля — причем не только риторическую, но и как минимум дипломатическую.

Наконец, ни у кого нет поводов сомневаться, что с середины апреля в восточной части Украины действуют хорошо экипированные незаконные вооруженные формирования (участие в которых по ст. 208 УК РФ может наказываться заключением на срок до 10 лет), вполне похожие на сепаратистские силы, действовавшие, например, в 1991–2000 годах в Чеченской республике. Как мы знаем, на протяжении многих лет Россия вела в Чечне полномасштабную войну. С учетом этого не странно ли слышать слова президента Путина о том, что «если киевский режим начал применять армию против населения внутри страны, то это, без всяких сомнений, очень серьезное преступление»? Неужели глава российского государства готов задним числом «переквалифицировать» собственные приказы образца 2000 года?

Иначе говоря, поддерживая мятежников на востоке Украины, Кремль сегодня de facto дезавуирует свой собственный курс на утверждение «порядка», которого придерживался все 15 лет путинского правления. В России также живет много русскоязычных, давно лишенных российской властью тех же прав, за которые борются люди в Донецке и Харькове: прав на честные прямые выборы глав своих регионов и проведение референдумов; легальной возможности требовать больших автономии и самостоятельности регионов в условиях формально федеративного государства. Возникает очевидный вопрос: не угрожает ли Россия не столько Украине, сколько самой себе, тиражируя на всех телеканалах героические образы восставших? Не обернется ли такое воспевание экстремизма его распространением в самой России? Если тем русскоязычным можно, почему нельзя этим?!

Кремль — школа демократии

Вторая проблема состоит в том, что Кремль стал крайне активно учить соседнюю страну принципам демократии и соблюдения прав человека, пытаясь делать то, что обычно Запад пытался делать по отношении к России. И все было нормально до тех пор, пока Москва четко занимала позицию: никому не позволено вмешиваться в дела «суверенной демократии». Но сейчас все поменялось: Россия сама указывает Киеву, на каком языке говорить на Украине и какой должна быть ее конституция. Значит ли это, что принцип невмешательства списан в утиль? Но тогда может ли, например, Китай, указывать Москве на то, что и российский федерализм выглядит убогим и несовременным, если не позволяет организовать на Дальнем Востоке всенародный референдум о присоединении «китаеязычных» областей к Поднебесной? И может ли Германия счесть нарушением прав человека то, что несколько сотен граждан, которые, если они захотят штурмом взять мэрию Калининграда и поднять над ней флаги Пруссии, скорее всего, надолго окажутся в тюрьме?

Россия, называя несимпатичное ее правящей элите руководство Украины не иначе как «киевской хунтой», обвиняет ее в национализме и фашизме, не обращая внимания как минимум на несколько обстоятельств. Во-первых, не Украина, а Россия отделила от своей соседки Крым и дестабилизирует ситуацию на востоке страны на основании того, что данные территории населены русскими и русскоязычными: это означает, что не Киев, а Москва ведома идеей построения моноэтничного государства, как того требуют националистические принципы. Во-вторых, агрессию сейчас проявляют в большей мере не украинские, а русские националисты. В-третьих, что легко можно заметить, самые известные идеологи европейских ультраправых — от Виктора Орбана до Марин ле Пен — в последнее время зачастили в «антифашистскую» Москву, а не в «фашистский» Киев. Утверждая консервативный национализм и реваншистскую идеологию в качестве государственного «символа веры», Кремль подкладывает мощную мину под российскую государственность, так как наша страна всегда была куда более многонациональной, чем Украина.

Ведя лукавую пропагандистскую кампанию, направленную на подрыв территориальной целостности соседнего государства, сегодняшняя Россия не только торпедирует сложившийся мировой порядок — она дезавуирует большую часть принципов и представлений, лежавших в основе того внутреннего порядка, который сложился в годы путинского правления. Этот порядок можно любить или отвергать, но нельзя сомневаться в его существовании. Политика, которую проводит ныне Кремль, создает впечатление, что отечественные власти лишены любой способности оценить, повторяя известную фразу, «как слово наше отзовется». А отозваться оно может не только международными санкциями, но и внутренней хаотизацией — которая проявится, как только спадет начальный ажиотаж от «взятия» Крыма (или Донецка, или Харькова). И тогда бумеранг, смело направляемый сегодня державной дланью в стан неприятеля, вернется домой…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Лукавое слово» // Ведомости, 30 апреля 2014 г., с. 6–7.

Под собою не чуя страны…

События на востоке Украины приобретают характер гражданской войны, что само по себе прискорбно, но при этом гражданская война разворачивается на границах России и ведется одной из сторон под пророссийскими лозунгами, что не может не вызывать особого беспокойства.

Россияне — хотя этого не слишком хотят признавать — становятся жертвами конфликта; на границах Украины и России заметно все большее количество потенциальных беженцев; да и вмешательство нашей страны в разгорающуюся войну по-прежнему остается вероятным. Однако немногие обращают внимание на другую опасность, которой чревато это вооруженное противостояние непосредственно у границ РФ.

Сегодня принято считать, что в результате украинской революции к власти в Киеве пришла «фашистская хунта».

Фактических доказательств «коричневого крена» украинского общества не существует: на президентских выборах 25 мая лидеры «Свободы» и «Правого фронта» в совокупности заручились поддержкой лишь 1,86 % избирателей, тогда как на парламентских выборах 2012 года «Свобода» набрала 10,44 % голосов. В то же время у нас, в России, националистические настроения набирают силу, и чем дольше продлится конфликт на востоке Украины — тем более мощными они могут оказаться. И это не досужие размышления, а вывод, который можно сделать в том числе и на примере имперских ранее государств, болезненно переживавших распад своих «міровъ».

В 1954 году в Алжире, который в то время был частью Франции, вспыхнуло вооруженное восстание против властей метрополии. Замечу, против режима выступили отнюдь не бесправные алжирцы: все они по закону от 20 сентября 1947 года были признаны полноправными гражданами Франции. Но Алжир казался французам настолько естественной частью Франции, что в провинции началась полномасштабная война. Эта война породила своих героев (среди которых был, например, и Ж.-М. Ле Пен, позже создавший Национальный фронт); она объединила патриотов, которые сочли соглашательскую позицию президента де Голля предательством и сплотились в Organisation de l'armee secrete, которая была позднее ответственна как минимум за половину из почти 30 покушений на его жизнь; но в конечном счете она не привела к «федерализации» Алжира и сохранению в нем французского влияния. Франция вынуждена была репатриировать 900 тысяч своих соотечественников, дальнейшая жизнь которых в Алжире оказалась невозможной.

На мой взгляд, наша страна рискует повторить этот путь. Вместо того чтобы, проведя переговоры с украинскими властями, потребовать введения в регион миротворцев ООН, делается ставка не столько на мирных украинцев, привыкших говорить на русском языке, сколько на радикальных элементов, стремящихся прийти к власти на востоке страны. Учитывая 85 %-й уровень поддержки, с которым россияне относятся к присоединению Крыма, можно предположить, что в отношении «сторонников федерализации» значительная, пусть и меньшая, часть наших сограждан также испытывает симпатию. Впрочем, как бы то ни было, это не изменит результата: Россия будет стараться прямо не вмешиваться в конфликт, а украинская армия после некоторого времени, которое необходимо для восстановления ее управляемости, «зачистит» сопротивление в Донбассе. Десятки тысяч людей, враждебно настроенных по отношению к Украине, вынуждены будут переселиться в Россию, где найдут приют и лидеры повстанцев. В такой ситуации борцы за защиту и расширение «русского Міра» могут положить начало настоящей националистической волне — только русской, а не украинской.

Украина сегодня стремится в ЕС и НАТО, где национализм не слишком приветствуется (последние выборы в Европарламент не обеспечат ультрас никаких значимых постов и влияния). Россия, напротив, обособляется и выстраивает свою идентичность вокруг «особости» и «уникальности». В такой ситуации прилив мощно «заряженных» на национализм повстанцев с востока Украины может стать катализирующим фактором.

Меня удивляет, насколько спокойно наша власть относится к такой перспективе. В Москве и Санкт-Петербурге в последние недели продолжались задержания граждан, по мнению правоохранителей, причастных к т. н. «болотному делу» двухлетней давности. Они — де опрокидывали туалеты и излишне сильно нажимали на шеренгу полицейских. При этом людей, стреляющих в украинских военных на территории их страны и сбивающих вертолеты регулярной армии, многие российские СМИ описывают как героев. На мой взгляд, российские власти недооценивают потенциал их «героизма», который может с удвоенной силой и совсем не в тех местах, где сейчас, проявиться после того, когда станет ясно, что в Донецке и на Луганщине нет интересующих НАТО объектов, и потому эти территории можно «сдать». Война за «русский міръ» в этом случае вполне может постепенно переместиться внутрь России — а наша страна является куда более многонациональной, чем Украина, и тут ответная «федерализация» может проявиться в отнюдь не полезных для Российской Федерации формах (не за нее ли выступают радикалы, например, в Дагестане?).

Я убежден: России выгодно выстраивать дружеские или уж, по крайней мере, не враждебные отношения с соседями — особенно с теми, на территории которых живет много граждан бывшего Советского Союза, тесно связанных с Россией этнически и культурно. Нам стратегически выгодно, чтобы эти люди активно и конструктивно участвовали в политической жизни стран, где они живут, — что невозможно, если их будут воспринимать там в качестве «пятой колонны» (напомню, что в момент апофеоза борьбы за права русских на Украине поддержка русскоязычных политических сил в Латвии упала практически втрое). Нам выгодно поддерживать на территориях, где живут наши соотечественники, мир и спокойствие. И нам ни при каких обстоятельствах, даже если это на первый взгляд выглядит правильным, невыгодно провоцировать милитаризированные сепаратистские движения у своих границ, в том числе и потому, что их лидеры и участники гораздо скорее, чем это некоторым кажется, станут действующими лицами внутрироссийской политики.

Сегодня многие в Москве рассуждают о том, как они обеспокоены судьбами братской Украины. Уверен: судьба украинского народа не является сейчас и не будет впредь столь трагичной, как кажется изнутри Садового кольца. Украинцы смогут консолидироваться в единый народ — и мы в этом процессе им очевидно помогли. Они постепенно интегрируются в Европу: ввиду того банального факта, что другого пути у них уже просто нет. И в конечном счете они переборют национализм, в чем им помогут западные соседи. Меня больше волнует судьба нашего народа, проникающегося духом собственной исключительности и могущего начать брать пример с крепких парней в масках и с автоматами. Именно она может оказаться в будущем весьма незавидной. Давайте вместе думать в первую очередь об этом. Не об украинцах — о нас самих.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «О неясных опасностях» // Московский комсомолец, 10 июня 2014 г., с. 3.

Прошедший вчера «референдум», организованный сепаратистами восточных областей Украины, принес ожидаемый результат — результат, который Россия и сторонники украинского «федерализма» могут счесть ударом по украинским властям, но который (в случае наличия в Киеве и в Европе в целом достаточной политической смелости) принесет куда больше проблем России, чем Украине.

На мой взгляд, высокий процент выступивших за фактическое обособление от Украины Луганской и Донецкой областей открыл перед действующим украинским правительством небывалый шанс на… создание в полной мере процветающей европейской Украины.

Учитывая, что и. о. президента Александр Турчинов не претендует на избрание главой государства на предстоящих выборах, а в Верховной раде доминируют проевропейские силы, ничто сейчас не мешает Украине осуществить радикальный политический маневр. Суть его заключается в том, чтобы признать результаты референдума и объявить суверенитет Украины над Крымом и восточными областями страны утраченным. Установить границу между Украиной и новообразованными «народными республиками», временно запретив въезд граждан из этих регионов на Украину. Прекратить взимание там налогов и выплату пенсий, пособий и дотаций, эвакуировать те подразделения вооруженных сил и силовых структур, которые сохраняют верность Киеву. Внести поправки в ст. 133 Конституции Украины относительно количества входящих в нее субъектов и признать ст. 134–139 утратившими силу. Прекратить полномочия народных депутатов Украины от отделившихся восточных регионов.

Радикальный, но разумный

Последствия этого шага, выглядящего на первый взгляд безумным, окажутся очень существенными.

Во-первых, проблема «многонационального характера» страны исчезнет сама собой: доля русского населения сократится с 17,4 % на начало 2014 года до менее чем 11,5 %, «стремление к России» и «регионализация» снимутся с повестки дня.

Во-вторых, с уходом Луганска и Донецка объем средств, перечисляемых Киевом из республиканских бюджетов на дотирование этих регионов, сократится на 45 %. Будут также высвобождены более $2,3 млрд дотаций угольной отрасли, а объем потребляемого страной газа сократится на 9,8 млрд куб. м в год, или почти на 20 %.

В-третьих, Украина станет намного более «проевропейской» страной — как ввиду большей национально-культурной монолитности так и в связи с очевидной связкой в общественном мнении отделения восточных регионов с влиянием России на этот процесс. С населением в 37,8 млн человек Украина окажется седьмой по численности жителей страной Европы, чуть менее населенной, чем Польша, — и потому рассуждения европейцев как о ее размерах, так и о ее разделенности и потенциальной конфликтности окажутся лишенными основания.

России — головная боль

Россия же получит не только Крым, который будет обходиться ей в миллиарды долларов ежегодно, но и «новое Приднестровье» с населением в 6,6 млн и полностью неконкурентоспособной экономикой.

Уголь Донбасса не нужен России. В 1985 году в Донецкой области добывалось более 65 млн т угля, в прошлом году добыто 37 млн т. Но при этом в Ростовской области за то же время произошло падение добычи с 31 млн до 5 млн т. Это значит, что в условиях российской экономики уголь в таких объемах не нужен, две трети донецких и луганских шахт будут «в России» закрыты, а сотни тысяч человек окажутся без работы.

Вряд ли московские олигархи обрадуются конкуренции со стороны мариупольских металлургических и вагоностроительных заводов. Им будет гораздо труднее сбывать свою продукцию. А будучи российскими экспортерами, выходить на внешние рынки им будет очень непросто из-за санкций.

Поэтому можно быть уверенным в том, что бывший восток Украины станет для России колоссальной головной болью и огромной «черной дырой», которая, по моим подсчетам, будет требовать не менее $20 млрд в год — безотносительно к тому, станет ли он частью России или удовлетворится статусом Южной Осетии и Абхазии.

В этих местах будут похоронены и российская имперская идея, и российский евразийский проект, так как ни Белоруссия, ни Казахстан не смогут далее упрочивать интеграцию с Москвой при открытой ее экспансии на «русскоязычные» территории. Путинский Drang nach Westen захлебнется.

Смелей, Европа!

Следующий шаг, однако, представляется самым важным и будет зависеть не только от нового украинского руководства, но и от его западных партнеров.

После того как Украина получит нового президента на выборах 25 мая, которые следует провести без участия бывших восточных областей, и после проведения досрочных выборов в Верховную раду, которые новый глава государства сможет объявить немедленно ввиду происшедших в стране из-за отделения Крыма и восточных областей перемен, Киеву следует попросить у Европейского союза статуса кандидата на вступление в ЕС, а у руководства НАТО — принятия в альянс.

Более того, мне кажется, что руководство Европейского союза должно не только предоставить Украине статус страны-кандидата, но в самый короткий срок (желательно до конца 2014 года) утвердить «дорожную карту» присоединения к ЕС и объявить дату принятия Украины в Европейский союз в качестве полноправного члена.

Скептики скажут — этого никогда не случится: у ЕС много проблем и мало денег, ему нужно спасать средиземноморские страны и поддерживать уже принятые государства Восточной Европы, кроме того, европейцам не хочется портить отношения с Россией, радикально приближаясь к ее границам. Однако при ближайшем рассмотрении ситуация выглядит иначе.

Главная проблема для современной Украины — это, несомненно, финансы. Страна имеет торговый дефицит в $8,5 млрд по итогам 2013 года. Объем государственного долга превышает $73 млрд. При этом годы олигархического правления и воровского режима не прошли бесследно: инвестиции в развитие инфраструктуры и реального сектора были минимальными, система социального обеспечения находится в катастрофическом состоянии.

Запад и международные финансовые институты готовы дать Украине до $30 млрд, но большая часть суммы уйдет на покрытие долгов и оплату российского газа — при этом условием ее получения станут новые «либеральные» реформы в духе МВФ, которых страна просто не выдержит. Поэтому я убежден, что залогом спасения Украины может стать только приток частных инвестиций из-за границы. Причем я даже могу сказать, из-за какой.

Инвестиции с востока

В марте 1998 года ЕС начал официальные переговоры с Польшей о приеме ее в члены Союза. Страна присоединилась к Европейскому союзу 1 января 2004 года. За прошедшее между этими событиями время приток прямых иностранных инвестиций в Польшу составил $52 млрд. В случае если ЕС объявит о принятии Украины, этот поток окажется еще большим, и придет он… с востока.

Сегодня российские бизнесмены массово выводят капиталы из страны, опасаясь диктата силовиков, беспредела властей, рецессии, а теперь еще и санкций. Только за первый квартал этого года из России ушло $55 млрд, и процесс продолжается.

Но в Европе или Америке отечественные предприниматели смогут жить лишь как рантье: скажется неумение работать по-западному, не говоря уже о конкуренции и налогах. Если станет ясно, что Украина скоро будет Европой, то нет сомнения в том, что как минимум четверть уходящего из России капитала «припаркуется» там.

Почему бы и нет? Активы весьма дешевы, законодательство либерально, границы с ЕС открыты, защита собственности гарантирована в будущем Брюсселем — и при этом в стране говорят на вашем языке, а бизнес-традиции пока сродни российским.

Купить дешевые предприятия, продолжить активный бизнес — и автоматически получить в будущем европейскую компанию и стать гражданином ЕС: что может быть лучше? В итоге российские бюджетные деньги будут закапываться в шахты Донбасса и закатываться в дороги Крыма, а частные — работать на развитие когда-то управлявшей этими областями страны.

Крым и Донбасс потеряны для Украины — это сегодня стоит признать как данность. Но неудачно проведенное сражение — еще не проигранная война. Брестский мир, заключенный большевиками в 1918 году, казался катастрофическим с точки зрения масштабов потерянных территорий — но через три года Красная армия уже подходила к Варшаве. Может быть, Путин сегодня и мнит себя Наполеоном — но в силах украинцев и европейцев превратить его крымский триумф в новое Бородино, а Украину — в нормальное европейское государство. Для этого нужно немного: прекратить рассказывать сказки о «европейскости» украинцев и признать эту европейскость на деле, сделав Украину 30-м членом ЕС не позже чем через десять лет.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Утрата восточных областей — шанс для Украины» // РБК-ОаПу, 12 мая 2014 г., с. 5.

Путин как новый Каддафи

Уничтожение малайзийского пассажирского самолета на востоке Украины российской ракетой, запущенной поддерживаемыми Россией боевиками, возможно, изменит отношение европейских руководителей к современной России и к ее национальным лидером, Владимиру Путину — человеку, уверенно делающему свою страну общемировым изгоем.

Сразу после аннексии Россией Крыма многие политики и публицисты в Европе и США поспешили сравнить Путина с Гитлером, а Крым — то ли с Австрией, то ли с Чехословакией. На мой взгляд, продолжение украинской трагедии указывает на совершенно иную, более «близкую» и более точную, аналогию. Путин — не тот диктатор, который способен двинуть свои войска на покорение мира. У него нет для этого ни возможностей, ни решимости. Его стиль — это «театральный микромилитаризм», если использовать слова француза Эммануэля Тодда, которые он однажды сказал в отношении Америки. Он не готов открыто соперничать с сильными мира сего, удовлетворяясь лишь созданием очагов нестабильности под рассуждения о величии и исключительности собственной страны, если не «русской цивилизации».

И это указывает, повторю, на сходство с совершенно иным историческим типажом. Путин — это не наследник Гитлера, а современник и последователь другого диктатора, Муммара Каддафи.

Как и Каддафи, Путин пришел к власти без выборов; конечно, есть различие между путчем и назначением, но изменения в российской политической системе, которые случились после «воцарения» Путина, сопоставимы с полномасштабным государственным переворотом. И в случае с ливийским лидером, и в ситуации с российским их очевидно роднит поиск «уникальной» политической системы: в первом случае речь шла о народной Джамахирии, во втором — о суверенной демократии. Каждая из систем претендовала на роль особой философии, абсолютизирующей отличия соответствующей страны от большинства государств цивилизованного мира. В обоих случаях отсутствие в стране реальной политик приводило к практическому обожествлению лидера и к потере адекватности в восприятии мира; канцлер А. Меркель была права в своем утверждении, что Путин «не в ладах с реальностью» — и за это получила прекрасный подарок в день своего юбилея в виде обломков самолета вперемешку с останками 210 европейцев.

Как и Каддафи, Путин руководил и руководит страной, не имеющей «в активе» ничего, кроме нефти и газа — за время его правления доля этих ресурсов в российском экспорте выросла почти вдвое и приближается сейчас к ливийскому уровню. Как и при Каддафи, при Путине эти ресурсы добываются государственными компаниями, а чиновники относятся к государству как к собственности. В обоих случаях представители правящей элиты являются самыми богатыми людьми своих стран — и не чураются покупок активов и недвижимости в европейских государствах, где, что понимают даже они, не только уровень, но и качество жизни несопоставимы с созданными в Ливии и России. Это не меняется даже тем, что правительства в обоих странах тратят большую часть своих бюджетных средств на социальные выплаты и поддержание высокого уровня доходов лояльных государству бюрократов и служащих. Последнее, разумеется, обеспечивает «русскому медведю» столь же высокий рейтинг, какой был и у «льва Африки» — но чего этот рейтинг стоит, мы видели три года тому назад.

Как и Каддафи, Путин идеально выстраивает свои отношения с Европой, добиваясь того, что европейские лидеры утрачивают остатки своей принципиальности и совести, общаясь с российским лидером. Российский газ, который покупают страны ЕС, по своей стоимости равен 0,4 % ВВП Европейского Союза, но российский президент уже более десяти лет шантажирует им главную экономическую державу современного мира. Примеры службы г-на Шредера интересам «Газпрома», приспособленчества г-на Берлускони, заискивания перед Россией европейских политиков и глав энергетических компаний крайне похожи на ту систему подкупа, которую М. Каддафи организовал во Франции, Италии и других европейских странах. Я понимаю, что политика — дело грязное, но минимальный порог пристойности сегодня европейцам следовало бы соблюдать…

Как и Каддафи, Путин исповедует политику «управляемой нестабильности» на прилегающих к его стране территориях и при этом фанатично ненавидит «свободный мир». То, что происходило в последние годы в Абхазии и Осетии, в Приднестровье и на востоке Украины, крайне похоже на ситуацию в Чаде и Центрально-Африканской республике, дестабилизировавшихся Ливией. Мы видим полное совпадение технологий — начиная от выдачи паспортов иностранным гражданам и вмешательство под этим предлогом в дела современных государств, продолжая вооружением наемников и кончая прямым вмешательством. Инцидент под Донецком, случившийся на прошлой неделе, лишь продолжает эти аналогии: самолеты, взорванные агентами М. Каддафи над Локерби в 1988 году и над Чадом в 1989-м, полностью ложатся в логику агрессивной исключительности, которой он придерживался и которой следует Путин. Европа должна извлечь их этого простой урок: санкции могут остановить подобных эксцентричных политиков — но когда они оказываются сняты или ослаблены, они тут же берутся за старое.

Вывод из всего сказанного, на мой взгляд, прост. Владимир Путин — человек, с которым Европе не о чем разговаривать. Обсуждать Украину с российским президентом — значит унижать самих себя. Интеграция Украины в ЕС — это тема Европейского Союза и Украины. Но не России. Стремясь «учесть» интересы России, европейцы могут учитывать только интересы экономического криминалитета и военных преступников, которые сейчас верховодят на востоке Украины с помощью российских наемников и оружия. Не стыдно ли это? — вот вопрос, который должны поставить перед собой германский канцлер и другие лидеры европейских держав. Этот вопрос остается сегодня единственным — потому что ответ на вопрос о том, полезно ли это, уже дан судьбами тех европейцев, кто оказался на борту злополучного лайнера. Хотите, чтобы эти жертвы были не последними? Ну тогда продолжайте ублажать кремлевского лидера…

Текст представляет собой русский оригинал статьи, опубликованной как: Inozemtsev, Vladislav. «Poetin is gewoon een tweede Gaddafi» // NRC Handelsblad (Голландия), 21 июля 2014 г., с. 10–11.

Потеряв семь месяцев, сотни своих граждан и 27 тыс. квадратных километров территории, Украина — несмотря на активное противодействие России — все же подписала в полном объеме Соглашение об ассоциации с Европейским Союзом, сделав один из важнейших шагов в своей не только 23-летней, но и многовековой истории.

Семь разделов этого соглашения регулируют теперь политические и экономические аспекты взаимоотношений между Украиной и крупнейшим в мире интеграционным объединением, направляя их по пути политической ассоциации, принятия европейских норм демократии и соблюдения прав человека, координации внешней политики и политики безопасности, и, конечно, создания зоны свободной торговли.

Что теряет Украина

Перспективной — и, несомненно, достижимой — целью данного процесса является вступление Украины в ЕС и возвращение Киева в единую европейскую семью, из которой он был вырван еще в XIII веке.

Россия сделала все от нее зависящее, чтобы сорвать заключение этого договора и уход Украины в Европу. Экономическая часть соглашения, подписанная 27 июня, подвергалась со стороны Москвы самой жесткой критике. В Кремле, по чьему указанию газ «братскому» народу продавался по почти самой высокой цене в Европе, очень сокрушались по поводу вреда, который нанесет договор с ЕС украинской экономике. По подсчетам советника президента Сергея Глазьева, суммарный урон может достичь $11 млрд в год, а оценки Комитета гражданских инициатив достигают $33 млрд (19 % ВВП Украины). Может ли это быть правдой?

Обратимся к статистике. Прежде всего заметим, что Украина сегодня не так зависима от России и стран СНГ в целом, как, например, в конце 1990-х годов. В 1996 году в страны постсоветского пространства она экспортировала в 2,2 раза больше товаров, чем в ЕС, в 2013 г. — всего на 32 % больше.

Россия была вторым экспортным рынком Украины после ЕС по итогам 2013 года ($15,1 млрд против $16,8 млрд) и отставала от ЕС также и по объему поставок товаров на Украину ($23,2 млрд против $27,1 млрд). В этой ситуации неясно, как могут потери Украины от усложнения торговли с Россией оцениваться в сумму, вдвое превышающую весь объем ее экспорта в нашу страну — особенно если принять во внимание, что его нельзя волюнтаристски запретить, ведь оба государства состоят в ВТО?

Безусловно, Москва выйдет из договора о зоне свободной торговли с Украиной, но это означает лишь введение обычных для ВТО пошлин на уровне от 3 до 8,5 %. То есть в худшем варианте украинские потери не превысят $0,8–1,1 млрд, что некритично, так как объем экспорта в Россию и так сокращается (на 20,6 % в первые четыре месяца 2014 года по сравнению с тем же периодом 2013 года).

Выигрыш существеннее

Украина явно выиграет больше, чем потеряет. По условиям Соглашения об ассоциации, пошлины для украинских товаров, поставляемых в ЕС, будут снижены в среднем с 7,6 % до 0,5 %, причем всего за год (то есть чистая выгода составит $1,18 млрд в год).

При этом пошлины на европейские товары сократятся лишь с 4,95 % до 2,42 % в течение четырех лет. Для Украины это прорыв — ведь в ее экспорте 28,3 % составляет продукция сельского хозяйства и продукты питания, а в аграрный сектор поступает до трети всех иностранных инвестиций. Переориентация этих потоков на ЕС станет важным шагом — особенно если учесть, что само будущее металлургической промышленности на востоке страны находится под вопросом.

Ассоциация с Европейским Союзом станет также важнейшим фактором повышения эффективности украинской экономики. Управляя страной в своих личных интересах, донецкие коррупционеры выделяли из бюджета по $3,5 млрд в год субвенций угольной отрасли и дотаций на газ для промышленных потребителей.

Как следствие, экономика страны оставалась одной из самых энергоемких в мире (566 т нефтяного эквивалента на $1 млн ВВП). Если бы показатель равнялся хотя бы польскому (212,2 т), Украина могла бы отказаться от импорта из России всего поставляемого ей газа и почти трети нефти. Ассоциация с Европой и принятие европейских стандартов, каким бы дорогим этот процесс ни был, сделает Украину нормальной экономикой за 10–15 лет.

Сегодня стоимость потребляемых на Украине энергетических ресурсов, рассчитанная по мировым ценам, составляет 37,5 % ее ВВП, в то время как, например, в Германии — чуть больше 9 %. Поэтому все возражения об «утрате конкурентоспособности» украинских предприятий не выдерживают критики.

Европа не остановится

Да, стране предстоит огромный передел собственности: компании будут разоряться, покупаться в том числе и европейскими инвесторами, а потом возвращаться к жизни более эффективными. Но это единственный путь вперед — кто не верит, пусть сравнит судьбу, например, принадлежали Volkswagen группы Skoda и входящего в Ростехнологии «Иж-Авто»: в конце 1970-х годов второй производил почти в 1,5 раза больше машин, чем первая, но чем дело кончилось, всем известно… Поэтому не России учить украинцев стратегии будущего — даже в экономическом смысле.

Однако есть еще одно обстоятельство, обычно не принимаемое во внимание — коррупция. Украина в последние годы была одной из самых коррумпированных стран мира: минимальные оценки потерь от коррупции достигали 11 % ВВП ежегодно. Собственно говоря, именно сокращение этих потерь, наряду с банальным повышением экономической эффективности, и способно компенсировать возможные ухудшения условий внешней торговли.

Сегодня часто вспоминают, что Украина в 1991 году имела уровень жизни, не уступающий польскому, а сейчас отстает от своей соседки по этому показателю почти в три раза. Этому есть много объяснений, но очевидно: с украинской стороны границы мы видим Межигорье, а с польской стороны — правительство, в котором в 900 часах приватного общения между его членами, недавно записанных и «слитых» в прессу, не нашлось ни одной фразы, указывающей на попытки извлечения личной выгоды из государственной службы.

Поэтому «внешнего управления» из Брюсселя, под которое может попасть Киев, не нужно опасаться — его следует, скорее, приветствовать, так как интересы украинского народа сегодня не совпадают с интересами прежних (и отчасти нынешних) элит. Чем скорее в стране установятся европейские правовые порядки, тем лучше будет для наших украинских братьев.

А в том, что они установятся, у меня нет сомнений. С 1994 по 2013 год ЕС увеличился с 12 до 28 членов, тогда как Россия все эти двадцать лет не может «интегрировать» даже одну Белоруссию. Сегодня в ЕС живут 507 млн европейцев, а за его пределами, если не считать Россию (на Украине, в Белоруссии, Молдавии и балканских странах), — всего 81 млн.

Предполагать, что эти 81 млн не будут «переварены» европейской интеграцией, было бы наивно — тем более что в большинстве этих стран европейский «вектор» вызывает большие симпатии. Можно сколько угодно говорить, что вступление в ЕС имеет не только позитивные последствия, но счет 16:0 в соперничестве Европы и России говорит о многом.

Вступив в ассоциацию с Европейским Союзом, Украина начала движение в сторону безвизового режима (уже, кстати, достигнутого Молдавией), единых экономических норм и правил, получения статуса кандидата (который есть сегодня у Сербии, Македонии и Черногории) и в итоге полного членства. И я считаю, что окажусь прав в своем прогнозе десятилетней давности о том, что Украина станет членом ЕС раньше, чем Турция [Иноземцев Владислав. «Россия должна подать заявку в ЕС» // «Независимая газета», 12 мая 2004 г., с. 2].

27 июня 2014 года стало историческим днем и для Украины, и для ЕС, и для России. Для Украины — потому, что она закончила свою «постсоветскую» историю и начала сложный, но многообещающий путь из этого «пост-» во что-то более определенное.

Для Евросоюза — потому, что он сделал заявку на достижение своих естественных пределов, после чего интеграции придется уже развиваться не вширь, а только вглубь, в направлении формирования единой европейской нации.

Для России — потому что она, давно доказывавшая всем уникальность своего исторического пути, добилась того, что осталась практически одинокой. В общем, каждый достиг своей цели.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Украина выбрала Европу» // РБК-Daily, 30 июня 2014 г., с. 5.

Украина: что еще можно спасти?

Российская военная операция на Украине перестала быть секретом — но и в новых условиях Москва не готова ни признать свою прямую вовлеченность в конфликт, ни четко определить свои перспективные цели. Ответ России на успехи украинской армии, вплотную подошедшей в середине августа к Донецку и Луганску был вполне предсказуем — о том, что Москва не может допустить военного разгрома своих марионеток, я говорил с апреля этого года. Однако новая степень участия России в конфликте со всей остротой ставит вопрос о том, что следует предпринять в этой ситуации Украине, Европейскому Союзу и остальному миру.

Происходящее сейчас в восточной Украине выходит за рамки традиционных конфликтов, которые имели место в Европе и на ее периферии в последние десятилетия. Никогда еще одна страна не аннексировала часть другой. Никогда прямое военное вмешательство не отрицалось столь беспардонно. Никогда не были так перемешаны этнические, идеологические и геополитические факторы, ведущие к эскалации конфликта.

Что может сделать Украина? К сожалению, немногое. Ее армия не способна противостоять российским регулярным войскам и хорошо вооруженным сепаратистам. Что может сделать Европа? Тоже немногое: санкции, которые могли бы быть чувствительны для «нормальной» экономики, не действуют в должной мере на Россию, где значительная часть населения получает доходы непосредственно или опосредованно от государства и потому реагирует не на экономический рост, а на величину зарплаты. Что могут сделать США, и, более широко, НАТО? Конечно, никто не будет воевать с ядерной державой, и, скорее всего, никто даже не предоставит Украине военную помощь. Поэтому приходится признать, что в прямом столкновении с Украиной российское руководство одержало победу, а Запад в прямом столкновении с изменившейся реальностью потерпел поражение.

Признать этот факт сегодня необходимо — не столько для того, чтобы сделать триумф В. Путина более впечатляющим, сколько для того, чтобы попытаться обратить поражение в победу (что может быть сделано только в случае отказа от продолжающегося самообмана). Нужно принять тот факт, что удержать в составе Украины не то что Крым, но и восточные области невозможно и начать действовать, глядя в глаза реальности военного разгрома.

Почему это так важно? Потому что «план Путина» применительно к Украине состоит не в том, чтобы уполовинить ее территорию — а скорее в том, чтобы сделать ее навечно дисфункциональной: навязать «федерализацию», создав по сути три разных режима (в Крыму, на Востоке и на остальной части страны); затруднить интеграцию в ЕС и НАТО; породить постоянную неопределенность из-за присутствия пророссийских сил на востоке страны. В Кремле сделали абсолютно правильную ставку: на Украине никто не сможет поставить вопрос о том, что есть что-то выше территориальной целостности страны — и поэтому, стремясь не допустить отторжения Донбасса, киевские власти в итоге поставят крест на самой украинской государственности. Боязнь ампутации — самая распространенная причина смерти от гангрены, и именно эту судьбу Москва предначертала современной Украине, которую она не считает государством.

Если украинская элита готова смириться с реальностью, ее действия должны быть иными.

Прежде всего Киеву следует назвать действия России агрессией, объявить себя жертвой этой агрессии, разорвать с Москвой дипломатические отношения и внести поправки в ст. 133 Конституции Украины, определяющую число и состав ее субъектов, а также признать ст. 134–139 утратившими силу. Вместо этого необходимо объявить Донецкую и Луганскую области временно отторгнутыми территориями и внести в Конституцию статью, подобную ст. 23 Конституции ФРГ от 1949 года, допускавшую инкорпорирование ГДР в состав Германии в любой момент времени в будущем. Затем нужно установить границу между Украиной и новообразованными «народными республиками», временно запретив въезд граждан из этих регионов на Украину, прекратить взимание там налогов и выплату пенсий, пособий и дотаций, эвакуировать те подразделения вооруженных сил и силовых структур, которые сохраняют верность Киеву, прекратить полномочия народных депутатов Украины от отделившихся регионов.

Последствия этих шагов окажутся очень существенными. Во-первых, проблема «многонационального характера» страны исчезнет: доля русского населения сократится с 17,4 % на начало 2014 года до менее чем 11,5 %; «стремление к России» и «регионализация» снимутся с повестки дня. Во-вторых, с уходом Луганска и Донецка объем средств, перечисляемых Киевом из республиканских бюджетов на дотирование регионов, сократится на 45 %; будут также высвобождены более $2,3 млрд. дотаций угольной отрасли, а объем потребляемого страной газа сократится почти на четверть. В-третьих, Украина станет намного более «проевропейской» страной — как ввиду большей национально-культурной монолитности, так и в связи с очевидной связкой в общественном мнении отделения восточных регионов с влиянием России на этот процесс.

Выйдя из конфликта проигравшей (и обиженной) стороной, Украина может обратиться в НАТО за поддержкой — в новой ситуации России невозможно будет обосновать свои вероятные претензии на более западные области страны. Ориентация Украины на НАТО и ЕС позволит Европе поставить для России четкий рубеж, который не может быть перейден без катастрофических последствий. Для украинцев лучше быть в НАТО (и в будущем — в ЕС) даже без части территории, чем оставаться без надежных союзников и с территориальными иллюзиями. Достаточно посмотреть на Аргентину, где несколько поколений с виду рациональных и разумных людей плачутся по поводу потерянных Мальвинских островов, в то время как страна, сплачиваемая время от времени патриотическими порывами, идет от одного экономического кризиса к другому и превращается в парию на фоне динамично развивающегося континента.

Украине нужно забыть про Симферополь, Донецк и Луганск и «заняться делом». История свидетельствует о том, что многие потерпевшие военное поражение страны оказывались наиболее успешными в модернизации своих экономик: я говорю даже не о Германии и Японии, отчасти утративших свой суверенитет в результате Второй мировой войны, но о Южной Корее и Тайване, по сути проигравших гражданские войны, о Сингапуре, исключенном из Малайской федерации, и о ряде других подобных же случаев. Чтобы модернизация была успешной, на прошлое должно быть страшно оглядываться — и 2014 год станет как раз тем водоразделом, пройдя который, ни один здравомыслящий украинец не вспомнит добром ни советскую эпоху, ни ее отрыжку в виде российского империализма. Европа и Запад в целом должны не сдерживать Россию — в чем, признаем откровенно, они не достигнут особого успеха, — а помогать Украине превратиться в нормальную европейскую державу, для чего у страны есть все предпосылки.

Этот подход кажется мне многообещающим еще по одной причине — и она выступает не менее существенной, чем изложенные выше. Исключение Донецкой и Луганской народных республик из состава Украины станет катастрофическим ударом по экономике этих руководимых полукриминальными элементами территориальных образований. Повторю еще раз: две эти области обходились Украине в $4–5 млрд. в год, тогда как Крым получал дотаций менее чем на $400 млн. Учитывая, что программа развития Крыма в составе России сейчас оценивается почти в 1 трлн. рублей на период до 2020 года, можно спрогнозировать, во сколько обойдется содержание восточной Украины — особенно жестоко разоренной продолжающейся войной. Вместе с Крымом отторгнутые части Украины станут камнем, который утянет российскую экономику на дно.

Порой бывает так, что люди или государства втягиваются в борьбу, которая выступает самоцелью и не предполагает достижения финальной задачи. Вся логика проекта «Новороссии» состоит именно в этом — никто в Москве пока, кажется, не задался вопросом о том, что случится, если желанное «яблоко» упадет россиянам в руки. На мой взгляд, для Украины и Европы нет ничего более выгодного, чем обретение Донбассом независимости и/или его присоединение к России.

Сегодня тем, кто в Киеве продолжает говорить о недопустимости отступления от принципа территориальной целостности страны, стоит вспомнить эпизод истории государства, частью которого когда-то была и Украина. В 1918 году В. Ленин, руководитель молодой Советской республики, настоял на заключении с Германией Брестского мира, который привел к огромным территориальным уступкам со стороны РСФСР. Но через год Германская империя рухнула, а еще через три года советские армии были с трудом остановлены у предместий Варшавы. Не проводя прямых аналогий, я бы сказал, что Украине сейчас важны не восточные территории, а внутренняя самоорганизация, членство в НАТО, серьезные институциональные реформы и масштабные инвестиции со стороны Европейского Союза. Украина не может в одиночку выиграть войну с Россией — и самым верным выходом сегодня является уход с неконтролируемых территорий и последующая большая и сложная работа по строительству современной европейской Украины под «зонтиком» НАТО и ЕС. Российский же режим в будущем рухнет под бременем собственной имперскости, как ранее рухнул советский. Причем произойти это может быстрее, чем некоторые думают.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Украина выбрала Европу» //The NewTimes, 8 сентября 2014 г., с. 25–27.

Как изменилась Россия за полгода после Крыма

На этой неделе исполняется ровно полгода с того момента, когда в Крыму был проведен референдум о независимости от Украины — о независимости, которая, продлившись считаные часы, привела полуостров в состав Российской Федерации. Присоединение Крыма к России возбудило сецессионистские настроения в Донецкой и Луганской областях и дало старт кровавой гражданской войне в соседнем государстве. И уже сейчас можно утверждать, что посткрымская Россия существенно отличается от докрымской, что наша страна — это совсем иное государство, чем то, в котором все мы жили пять или десять лет назад. Различий масса, и я остановлюсь только на самых очевидных из них.

Во-первых, посткрымская Россия — это страна, ставшая международным изгоем, считающаяся отъявленным нарушителем международного права. Крым не имел юридической возможности выйти из состава унитарной Украины, и это значит, что он был де-факто аннексирован Москвой. Даже если слово «агрессия» не произносится официально — из-за права вето или ядерного статуса, которыми обладает наша страна, действия России на Западе трактуются именно так. Мы получили несколько волн санкций, и последняя из них, вступившая в силу 12 сентября, показывает, что отторжение России от мира будет продолжаться и дальше — до тех пор, пока Москва не пойдет на попятную, а она на нее не пойдет. Посткрымская Россия — это Россия автаркичная.

Во-вторых, посткрымская Россия — это страна, сознательно поставившая крест на экономическом росте, а значит, и на пресловутом «путинском договоре» (власть обеспечивает подъем благосостояния, население не предъявляет ей политических требований). После того как резервы будут растрачены на социальные пособия или розданы приближенным госкомпаниям, гражданами страны можно будет управлять только жесткой силой, а не неформальными договоренностями. С 2014 года вал запретов и ограничений стал намного большим, чем, например, в годы президентства Дмитрия Медведева, и он будет только нарастать. Авторитарные тенденции в обществе станут усиливаться, и для того сейчас есть все предпосылки — от «мобилизованности» массового сознания до утраты интереса к демократическим процедурам и устойчивого отторжения опыта других стран и народов. При этом протестный потенциал общества сегодня крайне низок. Посткрымская Россия — это Россия авторитарная.

В-третьих, посткрымская Россия — это страна, отказавшаяся от реального шанса поймать новую технологическую волну. Все эпохи быстрого развития нашей страны (от Петра I через конец XIX века к сталинской индустриализации и прорывам 1960-х годов) представляли собой периоды массированных технологических заимствований, а порой и периоды притока из-за рубежа значительных капиталов и массы людей, чье присутствие заметно меняло управленческие практики. Сейчас вектор повернут в другую сторону: если даже к россиянам, имеющим двойное гражданство или вид на жительство в иных странах, государство относится с нескрываемым подозрением, то что говорить о настоящих иностранцах? Если мы и впрямь надеемся обойтись тем, что создадут «Роснано» и «Ростехнологии», то о каком новом технологическом укладе можно вести речь?

Между тем именно в наше время происходят подвижки в группе мировых технологических лидеров. Не попав в нее сегодня, страна теряет возможность оказаться в ней завтра. Мы осознанно выбрали этот особый путь — и скоро почувствуем его результаты. Посткрымская Россия — это Россия ретроградная.

В-четвертых, посткрымская Россия — это страна, допустившая героизацию насилия и нарушения законности. Логика поддержки сецессии Крыма и повстанческого движения на Донбассе решительно диссонирует с принципами порядка, безопасности и стабильности, проповедовавшимися на протяжении большей части последнего десятилетия. Российское руководство сегодня фактически рукоплещет тем, кто практикует сепаратизм и низвергает законные органы управления.

В результате наше общество все легче принимает доведенные до абсолюта двойные стандарты, становится терпимым ко лжи и обману и, что самое опасное, спокойно воспринимает насилие как инструмент решения политических и гражданских споров. Сегодня ничто не мешает украинской гражданской войне быть имплантированной на российскую почву и серьезно подорвать фундамент российской государственности. Посткрымская Россия — это еще и Россия, нигилистически относящаяся к праву.

В-пятых, посткрымская Россия — это страна, в которой нарастают тенденции к исходу. Присоединение Крыма и те негативные тренды, которые порождены его последствиями, несут в себе серьезную угрозу прежнему единству страны. С одной стороны, мы и так уже видим резкое увеличение оттока населения: если, по официальным данным, число уезжавших из России в 2008–2011 годах составляло менее 40 тыс. человек в год, то в 2012-м оно достигло 122,8 тыс., а в 2013-м — 186,4 тыс. человек. По итогам 2014 года показатель наверняка будет превышен. Значит, за десять лет мы потеряем столько же людей, сколько присоединили вместе с Крымом.

С другой стороны, «особый статус» Крыма подтолкнет стремление других регионов страны к утверждению и их собственной «особости». Почему, например, эксклавному Крыму причитается до 2020 года почти 700 млрд руб., а не менее эксклавному Калининграду достанутся, судя по всему, только последствия торговых эмбарго? Да и почему, если мы так приветствуем федерализацию Донбасса, растет страх перед федерализацией Сибири? Посткрымская Россия — это Россия центробежная.

Список можно продолжать, но основной вектор выглядит понятным — и малоутешительным. Присоединение Крыма и поддержка сепаратистов на востоке Украины разделили эпоху Путина на «до» и «после»: на период экономического роста, неактуальности политики, апологии порядка и при этом относительной открытости и на период хозяйственной стагнации, политической неопределенности, восхищения насилием и пассионарностью и при этом быстрого отчуждения страны от внешнего мира.

Посткрымская Россия — это страна, в которой за вуалью исключительной самоуверенности скрываются серьезные комплексы неполноценности и уязвимости. Можно согласиться с теми экспертами, которые считают, что политика России на Украине — своего рода попытка нанести упреждающий удар по тем угрозам, которые виделись там нашей элите. Но были ли те угрозы достойны такой контрреакции? К чему ведет нас представление всего мира в качестве врага, а России — как осажденной крепости? На все эти вопросы пока не дано ответов, и пока их нет, нельзя окончательно понять, что именно окажется самой важной чертой посткрымской России. Но с этим можно и смириться — ведь ждать ответа, видимо, осталось недолго.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Как изменилась Россия за полгода после Крыма» // РБК-Daily, 15 сентября 2014 г., с. 4.

Главное противостояние XXI века: с кем быть России?

(2013)

На следующий, 2014 год приходятся два значимых юбилея — 100-летие начала Первой мировой войны в 25-летие фактического завершения войны, традиционно называемой «холодной». Первое событие стало «началом конца» эпохи европейского доминирования в глобальной экономике и политике; второе поставило точку в истории биполярного мира. Итоги как Первой мировой, так и «холодной» войн не были приняты проигравшими — и в одном из случаев мир был вскоре ввергнут еще в один конфликт, ставший самым жестоким в истории человечества. Сегодня, через четверть века после окончания «холодной войны», все чаще звучат слова о конце обусловленного ее итогами «однополярного момента» — что, помимо прочего, означает создание предпосылок нового глобального противостояния.

Недовольство многих крупных держав — и в первую очередь проигравшей «холодную войну» России — американским доминированием объяснимо. Как в свое время писал Г. Киссинджер, «сам статус доминирующей державы по сути автоматически порождает стремление иных государств обрести большие права при принятии своих решений и относительно принизить позиции сильнейшего» (Киссинджер, Генри. Нужна ли Америке внешняя политика? Москва: Ладомир, 2002, с. 325–326). Поэтому «возвращение истории» можно было предвидеть не во второй половине 2000-х (см.: Kagan, Robert. The Return of History and the End of Dreams, NewYork: Alfred A. Knopf, 2008), а уже в середине 1990-х. Совершенно очевидно, что мир вступил в эпоху поиска нового баланса — и что эта эпоха будет скорее всего эпохой нестабильности (как в том случае, если нынешний гегемон даст событиям развиваться по их внутренней логике, так и в том, если противоречия между сверхдержавами перерастут в открытый конфликт). Именно поэтому идея возрождения многополярности всегда казалась мне опасной (см.: Иноземцев Владислав. «Мечты о многополюсном мире» // Независимая газета, 18 сентября 2008 г., с. 10), а путь к ее утверждению — тернистым и малопредсказуемым.

Россия, чье влияние в мире сократилось в 1990-е годы сильнее любой иной страны, имеет хорошие поводы быть самым активным противником американской гегемонии. Однако поводы — это не всегда причины. Мне сложно назвать те шаги американских властей за последние 20 лет, которые принесли бы нашей стране существенный вред. В 1990-е годы американская экономическая политика обеспечила США подъем, который фактически вытянул мир из кризиса 1997/98 годов. В начале 2000-х вторжение в Ирак, как бы оно ни уязвило наш политический класс, привело к дестабилизации на Ближнем Востоке и запустило рост цен на нефть, которому Россия обязана своему «вставанию с колен». Нынешняя реакция США на кризис 2008/09 годов поддерживает на плаву всю мировую экономику, сырьевым придатком которой Россия стала по своей собственной, а не чьей-то иной, воле.

Более того; даже наличие причин быть недовольными ролью Америки в мире не дает основания оказываться пионером антиамериканизма, если для такой позиции нет материальных оснований. А их, увы и ах, нет. Да, доля США в мировой экономике снизилась за последние 50 лет с 37,7 до 25,4 %. Но доля СССР/России упала еще сильнее — с 6,9 до 2,2 %. Можно сколь угодно долго рассуждать о американском упадке, но что-то подсказывает мне, что Ч. Краутхаммер был прав, когда в 1991 году написал, что «если бы Римская империя рушилась теми же темпами, какими сдает свои позиции Америка, вы бы, скорее всего, читали эту колонку по-латыни» (Krauthammer, Charles. «Bless Our Pax Americana» //Washington Post, 1 991, March 22, p. A25). Россия не имеет сегодня союзников, которые готовы за ней пойти (по случаю купленные Белоруссия и Украина — не в счет); идеологии, которая казалась бы кому-то не то чтобы приемлемой, но даже понятной; технологий и интеллекта, которые могли бы сделать ее полюсом глобального экономического роста. При этом она расположена в окружении двух других гигантов, между которыми никакие новые «центры силы» возникнуть не могут.

Но и это не самое важное. Более принципиальным мне кажется иной момент. Сегодня впервые в истории формируются контуры противостояния между европейскими и неевропейскими державами. Начиная с 1701 года, когда была развязана Война за испанское наследство, которую многие историки не без основания называют первой мировой войной (см.: Davies, Norman. Europe: A History, NewYork: HarperCollins, 1998, p. 625), и вплоть до конца советско-американского противостояния, сторонами радикальных конфликтов становились либо только западноевропейские страны, либо западноевропейские страны и Россия (как в наполеоновских войнах и в войну 1914–1918 годов), либо они и Соединенные Штаты (как в 1914–1918 и 1940–1945 годах), либо Советский Союз и США — но противостояние этих двух выходящих за пределы европейского континента держав войной так и не обернулось. В XXI столетии главным оппонентом Америки становится Китай — и это способно изменить характер и ход нового глобального конфликта.

Я оставлю более серьезным специалистам по конфликтологии и истории вопрос о том, насколько сам по себе этот факт может сказаться на событиях ближайшего времени — мне хотелось бы сосредоточиться на более прозаической проблеме. На протяжении последних 500 лет Россия не состояла в союзах, в которых она не играла бы доминирующей роли. Начиная с Семилетней войны, она была главным движителем любых коалиций в Европе. Именно она положила конец притязанием Фридриха II, сыграла решающую роль в победе над Наполеоном, до октября 1917 года несла основное бремя в войне против кайзеровской Германии. В годы Второй мировой войны Советский Союз может быть и был экономически слабее Соединенных Штатов, но он несомненно внес самый весомый вклад в победу антигитлеровской коалиции, да и подвергся атаке со стороны Германии до того, как Америка вступила в войну. В случае развертывания противостояния между США и Китаем Россия, если займет одну из сторон, в любом случае окажется не на ведущей роли — и это будет для страны совершенно новым состоянием: ведь мы всегда привыкли спрашивать себя: «Кто с нами?», но никогда не пытались выяснить: «С кем мы?».

В такой ситуации стоит со всей серьезностью задаться вопросом: если противоречия между Соединенными Штатами и Китаем

углубятся (а все чаще высказываются мнения не только о том, что они неизбежно углубятся, но и о том, что Китай сегодня в отношении США повторяет движения Германии в отношении Англии в 1909–1913 годах — см.: Luttwak, Edward. The Rise of China vs. the Logic of Strategy, Cambridge (Ma.), London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012), какую позицию стоит занять Москве? Следует ли и далее убеждать себя в выгодности участия на вторых ролях в ШОС и развивать конфронтацию с Америкой, или пересмотреть свои позиции?

Сегодня Китай является второй в мире военной державой после США по всем позициям, кроме стратегических ядерных сил. Его военные расходы в 2012 году составили $166,1 млрд. и выросли с 2000 года в 7,5 раз (по данным SIPRI: http://portal.sipri.org/publications/pages/expenditures/country-search, сайт посещен 22 декабря 2013 года); американские составили $680,4 млрд. и выросли за тот же период в 2,3 раза (рассчитано по: Economic Report of the President 2013, Washington (DC): United States Government Printing Office, 2013, table B-80, p. 419). Если процесс будет продолжаться теми же темпами, расходы двух стран сравняются через 12 лет. Имея Россию в союзниках, Китай будет обладать самой мощной военной машиной в мире еще раньше. Судя по его последним демаршам, Китай не остановится в притязаниях на то, чтобы в ближайшем будущем стать главной военной державой в Азии. Уже сейчас КНР имеет военные соглашения с Пакистаном, Мьянмой, Бангладеш, Шри Ланкой, Мадагаскаром и даже с Сейшелами, Мальдивами и Маврикием, а его воинские контингенты присутствуют в регионе от Мьянмы до Судана, что вызывает растущую обеспокоенность Индии и Японии (см.: Emmott, Bill. Rivals. How the Power Struggle between China, India and Japan Will Shape Our Next Decade, NewYork, London: Harcourt Brace, 2008, pp. 59–61). Несомненно, что Соединенные Штаты предпримут все от них зависящее для того, чтобы не допустить превращения Китая в соперничающую с Америкой морскую державу на Тихом океане и будут наращивать военно-политическое сотрудничество с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Индией и другими своими потенциальными союзниками в тихоокеанском регионе.

На мой взгляд, наступает подходящее время для того, чтобы без лишних эмоций оценить плюсы и минусы от того или иного позиционирования России в Азии. Важнейшими предпосылками для такого осмысления я назвал бы два обстоятельства.

С одной стороны, нужно скрупулезно, и не впадая в следование разного рода идеологиям, проинвентаризировать представления о «закате» Соединенных Штатов, которые мы так любим повторять и тиражировать. Как совершенно справедливо отмечает в свой новой книги Й. Йоффе, сейчас мир переживает уже пятый приступ шизофренического обострения пересудов об американском упадке: первый фиксировался после запуска СССР первого спутника, второй — в годы вьетнамской войны, третий — в конце 1980-х на фоне стремительного подъема Японии, четвертый — в начале 2000-х из-за невозможности Америки утвердить свое имперское величие в новых войнах за рубежом (см.: Joffe, Josef.The Myth of America's Decline, New York, London: W.W.Norton & Co., 2014, pp. 3-32). Сейчас принято говорить о бесконечных долгах США, о кризисе их экономике и росте Китая. Но стоит вспомнить, что с тех пор как делались предыдущие пророчества, СССР рухнул; меньшинства были успешно интегрированы в американское общество; Япония давно перестала претендовать на первый номер в мировой экономической иерархии — да и экономический рост у американских «неудачников» в IV квартале 2013 года составил 4,1 %, а у «успешной» России — менее 1 %. На протяжении более двухсот лет Америка демонстрирует чудеса приспособления к постоянно изменяющимся условиям — и, судя по тому, как умело она использует преимущества глобализации, ее ресурс не исчерпан. Политический союз против нее с Китаем сегодня напоминал бы экономический альянс СССР с Японией в середине 1980-х годов — и тот и другой не помогли бы союзникам добиться доминирования в той или иной сфере. Я не говорю о том, что экономический рост КНР может замедлиться по мере появления в стране широкого среднего класса или вообще обратиться вспять в случае начала крупного кризиса перегруженных долгами государственных предприятий — пока речь идет только о том, что Америка далеко не исчерпала своих возможностей ни в одной из существенно важных сфер.

С другой стороны, нужно понять потенциальные выгоды сотрудничества с каждым из соперников. Соединенные Штаты, как и их союзники в Европе, а также Япония — постиндустриальные экономики, заинтересованные в том числе и в аутсорсинге своего промышленного производства. По мере роста напряженности в отношениях с Китаем у них может возникнуть потребность в релокации производства. Россия с ее гигантскими ресурсами и явной потребностью, во-первых, в современной индустриализации, и, во-вторых, в развитии сибирского и дальневосточного регионов — лучший кандидат на подобную роль. Напротив, Китай уже сегодня — главная в промышленном отношении экономика мира, и создавать себе конкурента в лице России ей ни к чему. Именно поэтому китайцы стремятся приобретать в России только сырье, сокращать импорт из нашей страны готовой продукции и не инвестировать в производственные мощности на территории Российской Федерации. Можно и дальше умиляться росту нашего товарооборота с КНР (с 2000 по 2013 год он увеличился с $6,2 до $91,3 млрд.), но не стоит забывать при этом, что положительное сальдо в торговле России с КНР в $4,3 млрд. за эти годы сменилось отрицательным в $16,3 млрд. Ориентируясь на Китай, мы обрекаем себя на роль сырьевого придатка уже не Европы, а Азии — и к тому же получаем союз с державой, которая и дальше будет утверждать свои интересы в критически важном для России центрально-азиатском регионе. Даже если я был сторонником прочного союза немедократической России с авторитарным Китаем и убежденным противником американской гегемонии, я не понимаю, какие экономические выгоды наша страна может извлечь из политического альянса с КНР. Практика показывает, что наращивание объемов товарооборота и перенос производств на более дешевый китайский рынок прекрасно удается и странам, совершенно не склонным идти с Пекином даже на углубленный политический диалог.

Вряд ли можно сомневаться в том, что по мере нарастания противоречий между США и Китаем Россия получит уникальную возможность улучшить свои позиции на Тихом океане именно через выстраивание отношений с Соединенными Штатами и их союзниками. Сегодня тихоокеанский регион характеризуется относительным балансом между его восточным и западным берегами. Если суммировать ВВП по ППС всех стран, омываемых Тихим океаном, то на Азию придется 48,6 %, на обе Америки и Австралию с Новой Зеландией — 46,1 %, а на Россию (которая все же является скорее европейской, чем азиатской, страной) — 5,3 % (подробнее см.: Kuznetsova, Ekaterina and Inozemtsev, Vladislav. «Russia's Pacific Destiny» //The American Interest, 2013,

November — December, vol. IX, no. 2, pp. 67–73). Перевес Азии неочевиден — а уж доминирование Китая (если учесть экономическую и технологическую мощь Японии и Кореи) — тем более. В условиях такого баланса роль России для стран европейской культурной традиции особенно велика — что, вероятнее всего, может обусловить и цену, которую они готовы будут заплатить за обретение такого стратегического союзника. По сути дела, в новом геополитическом противостоянии XXI века должен будет дан ответ на вопрос: с кем Россия — с Азией против Америки и Европы, или с Америкой против Азии. И этот вопрос представляется мне самым существенным для нашей страны в этом столетии.

Проблема ориентации России в отношениях с Китаем или Соединенными Штатами особенно важна потому, что она сегодня отражает «старый как мир» геополитический спор между сторонниками «континентального» и «океанического» подходов.

Ориентация на Китай означает на деле ориентацию не на восток, а скорее на юг (так как на восток от России лежит как раз Тихий океан и находящиеся за ним Канада, Соединенные Штаты и Мексика [а чуть ближе — Япония]). Такая ориентация будет предполагать, что в сознании нашей политической элиты возобладают идеи «евразийства», и мы посвятим десятилетия поиску у российской государственности азиатских корней, потратив десятки, если не сотни миллиардов долларов на финансовую поддержку несостоявшихся государств южной части постсоветского пространства. Ориентация на юг укрепит нашу вассальную зависимость от Китая, так как Россия в лучшем случае окажется поставщиком сырья для китайских предприятий, а если очень повезет — еще и транзитером их продукции на европейские рынки, но не более. Покажите мне хотя бы одно высокотехнологичное предприятие, построенное в России с участием китайского капитала, и я, быть может, изменю свою позицию. Особо стоит отметить, что ориентация на юг уводит Россию от ее естественного преимущества — выхода к двум основным океанам, Атлантическому и Тихому. По сути, сегодня подобными возможностями обладают только США — и в мире, где 52 % глобального валового продукта производится на расстоянии не более 100 миль от морского побережья, считать Богом забытые Киргизию и Таджикистан серьезными активами по крайней мере странно. Союз с Китаем, таким образом, предполагает «самозакапывание» России в евразийском «хартленде» вместо максимально расширения «окон» в мир — как на Западе, так и на Востоке.

Напротив, ориентация на Соединенные Штаты, и, в более широком смысле, на Запад открывает перед Россией совершенно новые перспективы. В случае создания прочного союза между Россией, США и Японией возникает своего рода северотихоокеанский альянс, по мощи и возможностям сопоставимый с североатлантическим. Россия обеспечивает инвесторов для развития своих восточных территорий, совместно с союзниками контролирует столь дорогой нашим политикам Северный транзитный коридор, наращивает взаимодействие с Североамериканской зоной свободной торговли. Более того — возникает перспектива дальнейшего союза с европейскими партнерами Соединенных Штатов, и в этом случае появляется уже не зона благоденствия от Нормандии до Владивостока, а своего рода «Северный альянс», который будет обладать подавляющим преимуществом над «мировым югом» по всем параметрам — от стратегических ядерных сил до технологий, финансовых резервов и запасов сырья. По сути, Россия в данном случае получает возможность на равных войти — и даже быть приглашенной, а не навязавшейся — в клуб самых развитых стран мира, стран, обладающих общей с ней культурной традицией. Европа в такой ситуации воссоединится с обеими своими «окраинами»: российской и американской. Новый блок будет обладать несомненным иммунитетом к любым посягательствам извне.

Конечно, сегодня крайне сложно предсказать, чем обернутся раскладываемые ныне политические пасьянсы через двадцать или тридцать лет — но, если уж мы начали с воспоминаний о богатом на конфликты XX веке, стоит провести еще одну аналогию.

С начала 1920-х годов в Европе складывалась ситуация, во многом схожая стой, которую мы наблюдаем сегодня уже в мировом масштабе. Две великих державы — Германия и Советская Россия — вышли из войны с наибольшими потерями и в значительной мере изолированными от остального мира. С момента их первого договора в Рапалло они стали друг для друга «естественными союзниками». Сколько было сказано добрых слов в адрес друг друга и сколько желчи вылито на гнусных британских и американских империалистов! В Москве коммунистические лидеры прямо заявляли о том, что фашизм, как и коммунизм — это идеология, а «идеология не может быть ни побеждена, ни запрещена». В Берлине нацисты согласовывали с русскими свои планы раздела Польши, а потом обе армии братались на новых границах. И все это в той или иной мере делалось потому, что Британская империя оставалась главной политической силой тогдашнего мира, а Соединенные Штаты — экономической сверхдержавой. Чем все закончилось, хорошо известно. Когда иллюзии от успехов «мирного возвышения» окончательно застили Гитлеру глаза, началась война, в которой Советский Союз оказался союзником двух капиталистических стран, в отношении которых совсем незадолго до того испытывал непримиримую классовую ненависть. Мораль проста: можно принимать «европейские ценности» или нет; можно быть сторонником либеральной демократии или относиться к ней со скепсисом; можно восхищаться «духовностью» или обличать забывший о нравственности мир — но существуют геополитические реальности. Реальности, которые никто не отменял, и которые российские политики многими своими действиями существенно актуализировали в последние годы. И ими не нужно пренебрегать. О них нужно говорить прямо и открыто, без иллюзий и идеологических прикрас. Возможно, такой беспристрастный анализ может привести и к иным выводам — но было бы хорошо услышать аргументы в пользу альтернативной позиции.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Главное противостояние XXI века: с кем быть России?» // Общая тетрадь, 2013, № 3–4 (63), с. 48–55.

Одержимые «сверхдержавностью»

(2014)

Отчуждение по отношению к России в мире усиливается. Мы все активнее «проваливаемся» в международную изоляцию. Приходится констатировать, что этот курс выбран руководством страны осознанно и по-прежнему считается им «оптимальным». Однако, на мой взгляд, он может иметь катастрофические последствия не для тех, кто принимает такие решения, а для российской экономики.

Политическая элита страны воспринимает Российскую Федерацию как воспрявшую сверхдержаву, а антироссийские настроения списывает на то, что «статус доминирующей державы, по сути, автоматически порождает стремление других государств обрести большие права при принятии своих решений и относительно принизить позиции сильнейшего» (Генри Киссинджер). Но даже если дело и именно в этом, а не в реакции на нарушения норм международного права, нужно иметь в виду, что сверхдержавой современная нам Россия не является.

Не может быть сверхдержавой страна, обеспечивающая 2,8 % глобального ВВП, обладающая всего лишь 2,0 % населения мира, не способная заселить и освоить более 60 % своей территории, обеспечивающая свой экспорт более чем на 75 % нефтью, газом, рудой и углем и, что самое существенное, — не производящая ни у себя дома, ни пусть и за рубежом, но силами своих компаний никаких высокотехнологичных товаров (кроме оружия). Да, Россия занимает 5-е место в мире по объему валютных резервов и 2-е — по экспорту вооружений, но это не дает ей дополнительных возможностей. Резервы можно заморозить, как это было сделано в случае с Ираном, а оружие используется лишь изредка; «Бук», слава богу, не применяется столь же массово, как мобильный телефон, портативный компьютер или томограф — а ничего из перечисленного Россия производить так и не научилась.

Сегодня Россия критически зависит от внешнего мира, и такая зависимость несовместима со «сверхдержавностью».

С одной стороны, бюджет на 51 % наполняется доходами, связанными с добычей и экспортом энергоносителей. Отказ стран ЕС от половины покупаемого ими газа может сделать «Газпром» убыточным и лишить бюджет 10 % его поступлений. Эмбарго на поставку современного нефте— и газодобывающего оборудования (на импортные образцы приходится до 70 % всех его новых закупок) сорвет планы поставок газа в Китай, положит конец мечтам о шельфе и вызовет спад в объемах добычи, которые и так не могут подняться выше позднесоветских показателей. При этом Россия не может надеяться на внутренний спрос: промышленность, какой бы она ни была прежде, разрушена — в 1982 году страна потребляла 84 % добываемой нефти, сегодня — чуть более 30 %. Мощные санкции против ресурсного сектора — это смертельный приговор российской экономике: они могут ввести ее в ступор за два-три года; Китай не успеет «прийти на помощь».

С другой стороны, сегодня импорт товаров из-за рубежа превышает 15 % номинального ВВП России, тогда как во времена СССР едва достигал 2,0 % и во многом обеспечивался странами-сателлитами. Прекращение поставок (и запрет делать это другим странам) может заблокировать развитие нашей оборонки (которая использует до 30 % импортных комплектующих), космической и авиационной отрасли (до 65–70 %), фармацевтики (почти 80 %). Я не говорю о том, что Россия полностью зависит от внешнего мира в обеспечении офисной и бытовой электроникой и комплектующими к ней, крайне сильно — в поставках медицинской техники, весьма заметно — в сфере товаров народного потребления и продовольствия, строительной техники и материалов, пищевой промышленности. Как бы страна ни пыталась изменить свое политическое отношение к Западу в последние полтора десятка лет, ее экономика с 1992 года никогда не строилась по мобилизационной модели.

Однако зависимость «материальная», выраженная в экспорте и импорте (которую власти наивно обещают преодолеть «импортозамещением») — не самое главное. Куда важнее зависимость финансовая — и отнюдь не только от западных платежных систем и от гнусных американцев, которые могут заблокировать наши резервы.

Россия на протяжении последних 15 лет развивалась как страна, ориентированная на потребление. Доля инвестиций в ВВП снизилась с советских 34–38 % до 17–20 % — и такое «проедание запасов» стало еще более значимым фактором экономического роста, чем высокие цены на нефть. Для того чтобы поддерживать инвестиции, компании занимали за рубежом — и на 1 июля 2014 года совокупный долг составляет более $650,2 млрд при величине резервов ЦБ в $478,3 млрд, а Резервного фонда и ФНБ — всего в $175,2 млрд. Необходимость выплаты этих средств приведет к сокращению инвестиционного спроса и росту оттока капитала — который, в свою очередь, вынудит портфельных инвесторов распродавать активы. Наше благополучие, и этого так и не поняли в руководстве страны, основывалось и основывается на интегрированности в глобальный мир, которого они так боятся и который так ненавидят. Конфликт с этим миром чреват серьезными последствиями для России.

Наконец, у Запада сегодня есть еще одно — и самое мощное — оружие: это сами россияне. В Советском Союзе на протяжении нескольких поколений вследствие жестоких репрессий были сформированы оборонительное сознание и готовность жить в закрытой стране. Сейчас этих факторов устойчивости нет. За границей побывали более 25 млн россиян; около 5 млн человек имеют виды на жительство или долгосрочные визы. Закрыть страну невозможно — но именно это по логике развивающихся событий должно будет стать ответом власти на массовый отток капитала, а следом за ним и людей. «Сверхдержава» лишь тешит себя иллюзией лояльности граждан — таковая основывалась на благосостоянии и растущих доходах, но новый «общественный договор» пока предполагает обмен лояльности и патриотизма на «ощущение величия» страны, а не на успешность отдельного человека. Власть столь радикально «атомизировала» и «индивидуализировала» общество, чтобы не дать людям сплачиваться и объединяться, что теперь ей не создать реальной общности — только ее фантом. Если страна начнет закрываться в условиях

экономического спада и политически неадекватных решений — снаружи ли, изнутри ли, — ее разнесет, как поставленную на огонь консервную банку. Ведь даже «настоящий патриот любит свою страну не только в силу собственной к ней принадлежности, но и за ее достоинства» (Динеш Д'Соуза).

На самом деле Россия до сих пор держится на плаву только благодаря тому, что лидеры Запада еще не готовы пойти ва-банк и добиться радикального изменения российской внешней политики. Хотя с каждым новым днем желание не допустить развязывания новой «холодной войны» все меньше сдерживает объединение Запада против нас. А наша власть, в свою очередь, делает крайне мало для того, чтобы предотвратить или хотя бы минимизировать последствия надвигающейся на Россию бури. И в отличие от Советского Союза, который в действительности был самодостаточной сверхдержавой, — нынешняя Россия реально противостоять Западу долго не способна.

Несмотря на то что российское руководство принято считать политическими реалистами, их заинтересованность в долгосрочном выживании российского государства, на мой взгляд, все больше сводится к обеспечению своего личного политического выживания. По злой иронии те, кто обещал спасти страну от проклятых либералов, якобы желавших ее развалить, подвергают ее сейчас куда большему риску, чем все сторонники радикальных рыночных реформ, вместе взятые.

Пока Россию спасает одно — неспособность Запада до конца поверить в то, что страна, всегда считавшаяся европейской, действует наперекор сложившемуся миропорядку; в то, что вызов ему бросает не держава, выдвигающаяся на первую позицию в мировой табели о рангах, а тот, кто только вышел из рамок второго десятка. Сегодня в мировых столицах доминирует мантра: нельзя допустить новой «холодной войны». Но она будет господствовать лишь до тех пор, пока, с одной стороны, Россия совсем не выйдет за рамки общепринятого, и, с другой стороны, политики в Вашингтоне, Лондоне и Берлине вспомнят, что «холодную воину» они когда-то выиграли — причем против реальной сверхдержавы и ее мощного союзного блока, — так почему бы не выиграть и еще одну, тем более что соперник слаб, но самонадеян?

Россия образца 2014 года — это не новый «оплот стабильности», а уязвимая сверхдержава, которой более всего необходимо сохранение того status quo, которое сложилось в мире в начале XXI века, обеспечив нашей стране идеальные условия для ее нынешнего процветания. Сломать этот порядок трудно, но выпасть из него очень легко. К чему мы сегодня и стремимся — так и не удосужившись понять, зачем нам это нужно и какими издержками это может обернуться в ближайшем будущем.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Одержимые сверхдержавностью» // Московский комсомолец, 23 июля 2014 г., с.3.

Потерявшиеся в пространстве

События последнего времени — поворот России к Китаю, договор о Евразийском экономическом союзе, обострение отношений с западными партнерами — свидетельствуют, что Россия вступила в новую «большую игру» в Евразии. Всем этим российское руководство выявляет некую преемственность в отношении к Российской империи и Советскому Союзу и видит своей задачей «реконкисту» в Евразии. Страна намерена проявлять себя в качестве самостоятельного глобального геополитического и геоэкономического центра.

Основанием для подобного поворота выступает устойчивое мнение, что «вектор континентальной, а затем глобальной экспансии, осуществляемый от лица Heartland'a, является «пространственным смыслом» русской истории». И поэтому, как представляется многим, возникает необходимость дотировать союзников в разных частях света, прежде всего на Востоке и в Латинской Америке, крепить связи с русскоязычными гражданами постсоветских стран вплоть до поддержки шатких самопровозглашаемых госформирований.

Однако, на мой взгляд, важнее остановиться не столько на идеях (их можно трактовать по-разному), сколько на фактах, и подумать, принимая их в расчет, насколько полезным может стать российский курс на Восток и Юг.

Концепция Heartland'a появилась на рубеже XIX и XX веков в работах британца Х. Макиндера, полагавшего, в частности, что эпоха доминирования морских держав подходит к концу с созданием сетей трансконтинентальных железных дорог. Однако с течением времени эта идея не получила практического подтверждения. «Железки» не стали главными артериями мировой экономики. Например, по Транссибу и БАМу намечается к 2018 году перевозить 75 млн. тонн грузов, тогда как через Панамский канал за прошлый год прошел 321 млн. тонн, а через Суэц — 913 млн.

Примечательно, что страны, замкнутые в континентальных пространствах, были и остаются самыми бедными в своих частях мира. Среди них, например, Боливия, Лаос и Афганистан, Мали и Нигер. Если еще внимательнее посмотреть на Африку — самый бедный континент, то можно увидеть, что она представляет собой «иное издание» Heartland'a. Африка оказалась практически вне глобальной торговли, разделена массой таможенных барьеров и потому все более отстает, несмотря на огромные природные богатства.

Экономика XXI века выглядит как более «морская», чем любая из экономик прошлого. В начале XX века индустрия США концентрировалась в штатах, отдаленных от побережий — в Миссисипи и Иллинойсе. Сегодня всем известна печальная судьба Детройта, и это не единственный из глубинных американских городов, пришедших в упадок. В то же время развернутая к Тихому океану Калифорния стала самым населенным и самым богатым штатом США. А быстрорастущие экономики Китая и Бразилии? Модели их развития отличаются, но есть очевидное сходство — рост промышленности прибрежных стран.

Почему так происходит? Я вижу две причины. С одной стороны, это перемены в глобальной политике. Прежние века были временем масштабных войн, когда для победы необходим был физический контроль над землями побежденных, — и потому масштабы территории «имели значение». Однако с появлением ядерного и обычного высокоточного оружия такая тактика ушла в прошлое. Территория — уже не главное средство защиты, а вот контроль над ней требует не меньших усилий, чем прежде. С другой стороны, вся экономическая логика вплоть до конца XIX века строилась в основном на протекционизме. Сегодня же успешность страны определяется не столько ее независимостью от других, сколько незаменимостью для мира. И вот тут возможности для экспорта, доступность дешевых путей транспортировки, открытость к потенциальным торговым партнерам выступают крайне важными.

Современная Россия — во многом уникальная страна. В том числе и потому, что начинает «собирание земель» с территорий, которыми сама же не слишком интересовалась даже в более благополучные периоды. Например, завоевание Средней Азии пришлось на период 1865–1894 годов, став самым поздним приобретением Российской империи. Русские на двести лет раньше достигли Тихого океана и Аляски, чем Самарканда и Бишкека. Удержание региона требовало огромных средств. При этом на протяжении советской истории отношение к южным республикам СССР было у центра скорее покровительственным, а их уход в 1991 году вызвал не столь уж большое сожаление, если сравнить, скажем, с «потерей» Украины.

Вообще дезинтеграция СССР началась в Прибалтике, где в 1990 году появились три независимых государства, которые были, помимо всего прочего, абсолютными чемпионами Союза по протяженности береговой линии в пересчете на душу населения. Здесь нет столь уж прямой связи, немалую роль играют и другие факторы, но причерноморские Молдавия, Грузия и Украина также упорно стремились и стремятся отдалиться от России, ослабив ее влияние на себя.

Кто же создает Евразийский экономический союз? Россия вместе с самым большим по площади государством мира, не имеющим выхода к океану (Казахстан), и самой крупной по территории страной Восточной и Центральной Европы, также без выхода к морям (Белоруссия). Кто заявляет о намерении быстро присоединиться к ЕАЭС? Единственная на Кавказе страна без выхода к морю — Армения и центрально-азиатское высокогорное государство — Киргизия. Нет сомнения, что «постучится» и Таджикистан. Все успешные страны мира разворачиваются к океанам, а Россия все больше сближается с государствами, которые с точки зрения новейших трендов весьма проблемны. При этом один из главных идеологов российской государственности отвечает и за развитие железных дорог. Не повод ли все это для серьезных размышлений?

Конечно, наших «безводных» соседей можно понять. Помимо всего прочего Россия дает им возможность эффективного выхода на внешние рынки. Скажем, Казахстан до сих пор отправляет 84 % своей нефти в Европу и на мировой рынок через Россию, и

только 16 % — по недавно построенному трубопроводу в Китай. Сложнее понять Россию — ведь проект евразийской интеграции представляет собой масштабное предприятие, которое займет не один десяток лет и на которое будут потрачены десятки и десятки миллиардов долларов. А главное — для чего России «осваивать» просторы евразийского Heartland'a, если с чисто геополитической точки зрения не действует ни один аргумент, которым сто лет назад теоретики пытались доказать его ценность?

Возражая современным «евразийцам», уверен, что, конечно, неправильно выступать против интеграции как таковой. Но, похоже, для России за «интеграцией» скрывается смена геополитического вектора — с условно «западного» на безусловно «южный», с открытого на автаркический, с морского на континентальный. Насколько это целесообразно? Как соблюсти пропорции?

Россия обладает самой протяженной в мире береговой линией (37,8 тыс. км), но находится лишь на 13-м месте по тоннажу торгового флота и на 16-м — по грузообороту портов. Размещение производительных сил у нас привязано к проложенной на рубеже XIX и XX веков сети железных дорог. Это не только не дает нужных импульсов для развития прибрежных районов и ведет к запустению небольших городов в случаях экономического спада, но и воспроизводит устаревшие подходы в умах правящей элиты.

Лишь в России возможно такое: четыре самых удачно расположенных с точки зрения морской доступности региона (Калининградская и Мурманская области, Краснодарский и Приморский края) являются дотационными. Средний уровень производства на душу населения в трех самых успешных приморских провинциях Китая в 1,47—1,78 раза выше, чем в среднем по стране.

Напряженность, мягко говоря, в наших отношениях со странами Балтии, с Молдовой, Грузией и Украиной отражает, на мой взгляд, не только проблемы в соперничестве «авторитаризма» с «демократией», «азиатчины» с «европейскостью», сколько поражение идей развития «континентальных» экономик в эру доминирования «морских».

Существует ли альтернатива «евразийскости» как в теории, так и на практике? На мой взгляд, да, разумеется.

России следует переосмыслить свою историческую роль, очистив от вульгарных мифов. Россия начиналась как европейская страна, противостоявшая вызовам из Азии. История России — это история европейской державы, которая серьезно отставала от своих западных соседей именно из-за воздействия восточных народов и традиций. Продвигаясь в Поволжье и Сибирь, в Крым и Валахию, на Кавказ и в Среднюю Азию, Россия выступала как европейская, христианская страна, противостоявшая азиатскому и мусульманскому началам. Даже в регионах, проникновение в которые не приводило к религиозному противостоянию (как на Дальнем Востоке), русские воспринимались прежде всего как европейцы. Поэтому миссия России в мире скорее сводится к тому, чтобы быть европейцами в Азии, чем к тому, чтобы позиционировать себя как полуевропейцев/полуазиатов.

Да, Россия как великое государство, раскинувшееся от океана до океана, должна смотреть и на Запад, и на Восток. Россия, безусловно, должна быть и атлантической, и тихоокеанской державой, но совершенно не очевидно, что ей следует становиться центрально-азиатской. «Поворот на Восток» не угрожает европейской исторической идентичности России: четко понимаемый Восток открывает нам выход на просторы океана, на другом берегу которого США, Канада и Мексика, а непосредственным соседом оказывается не Китай, а Япония. Подлинным Востоком России является… Запад, и на самом деле никакой «альтернативы» между первым и вторым, по-моему, попросту нет.

«Евразийская» идея порочна прежде всего потому, что создает иллюзию полезности «контроля» над большими сухопутными территориями. Сторонники этой идеи внушают политической элите мысль: доминируя в континентальной Евразии, Россия извлечет большие преимущества из своего транзитного положения. Это заблуждение, оно может стоить нам очень дорого.

Выгоды от транзитного статуса снижаются по мере экономического и технического прогресса. В среднем транспортные расходы не превышают 5 процентов розничной цены товара, даже если он приходит к потребителю с другого конца Земли. Самый прибыльный транзитный коридор — Суэцкий канал — дает Египту около $5 млрд. в год (0,25 % ВВП России), обслуживая более 2/3 грузопотока между Европой и Азией. Эта сумма — ничто по российским меркам. Тем более Россия с ее транссибирским маршрутом — не конкурент дешевеющим морским перевозкам. Что же касается авиационных маршрутов, то транзитные пункты дозаправки самолетов на нашей территории были ликвидированы в конце 1970-х, когда новейшие лайнеры уже могли без посадок достигать азиатских столиц, вылетая из Западной Европы.

На мой взгляд, идеальное геополитическое позиционирование России — двухполюсная модель. Один полюс — западные рубежи, к которым доставляется сырье с Урала и Западной Сибири, а также промышленные центры вокруг Москвы, Санкт-Петербурга и Поволжья, где концентрируется высокотехнологичное производство, использующее местную рабочую силу.

Другим полюсом может стать Дальний Восток, куда должно доставляться сырье с месторождений Восточной Сибири и арктических регионов, чтобы перерабатываться в продукцию среднего уровня передела с участием иностранного капитала и (на первых порах) иностранной рабочей силы.

Центр страны (южные районы Западной Сибири, земли вдоль казахской границы, Алтай и сопредельные области) могли бы, как в США, выступать зонами сельхозпроизводства и промышленности, не ориентированной на внешние рынки.

При этом императивом следовало бы сделать категорический отказ от масштабных финансовых и политических инвестиций как в континентальные государства Центральной Азии и Закавказья, так и в территории Крайнего Севера, освоение которых

разумнее проводить вахтовым методом, не допуская строительства городов, железных дорог и других сверхдорогих объектов инфраструктуры.

России нужно избежать «войн» с расстояниями и холодом: двух конфликтов, в которых она не только почти наверняка потерпит поражение, но и которых можно избежать без ощутимых потерь.

Мир XXI века — совершенно новый мир. Действуют законы, не похожие на те, которым политики следовали в XIX и XX столетиях. Это мир, в котором военная сила уже не позволяет эффективно контролировать страны и народы (что доказано во Вьетнаме и Афганистане, Сомали и Ираке, а сейчас на Украине).

Это мир, в котором природные ресурсы куда проще купить (практически по любой цене), чем захватить территории, где они добываются. Это мир, в котором транзит по суше оказывается намного менее эффективным, чем перемещение товаров по морю или воздуху.

В общем, это мир, в котором большие пространства прекращают быть ценностью и становятся (в случае неразумного к ним отношения) обузой. И если Россия не сумеет этого понять, ее судьба — потеряться не только во времени — «между прошлым, которое ее не отпускает, и будущим, которое она не может заставить себя принять», но и в пространстве — между востоком и западом, севером и югом.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Не потеряться во времени» //Литературная газета, 17 сентября 2014 г., с. 9.

Простым решениям здесь не место

29 мая в Астане состоялось подписание Договора о создании Евразийского экономического союза. Это событие случилось за неделю до встречи В. Путина с лидерами ведущих стран Запада во Франции. Поэтому не приходится сомневаться, что для руководителя России оно призвано подчеркнуть успешность его проекта постсоветской интеграции и самодостаточность «новой Евразии» перед лицом внешних вызовов.

Евразийский экономический союз, который будет создан после ратификации договора, окажется союзом двух крупных сырьевых держав и одной небольшой промышленно развитой республики. Россия и Казахстан будут доминировать в новом объединении: их суммарный ВВП составит 97,4 % союзного показателя. При этом если Казахстан сегодня развивает относительно паритетное сотрудничество и с Россией, и с Китаем (на первую приходится 18,5 % товарооборота и 6,4 % накопленных инвестиций, на второй — соответственно 16,3 % и 27,2 %), не забывая при этом и про Европу, то Беларусь остается прочно привязанной к России (даже главная статья экспорта в ЕС — нефтепродукты — вырабатываются из российского сырья). При этом Беларусь, интегрируясь с Россией, оказывается, по сути, вовлеченной в ВТО — однако обретая лишь вытекающие из членства обязательства, но не преимущества. Таким образом, интеграция на нынешних условиях (когда Россия не берет на себя гарантий финансовой стабильности в новом Союзе, отказывается от немедленной унификации правил торговли энергоносителями и ограничивает доступ на свой рынок ряда товаров и услуг) выглядит не только серьезным шансом, но и опасным вызовом. На мой взгляд, Президент А. Лукашенко имел все основания заявить по итогам встречи в Минске 29 апреля, что «говорить о Евразийском экономическом союзе надо лет через десять», когда Россия обещает снять все эти вопросы.

Однако России Союз нужен сейчас. Поэтому, подписав 29 мая договор о его создании, белорусское руководство оказало немалую услугу своим московским коллегам. Хотя и Российская Федерация со своей стороны успела дать согласие на раздел нефтяных пошлин, а Президент Беларуси заявил о готовящемся перечислении российской стороной 2 млрд долларов кредита. Кроме того, была обнародована информация о наращивании экспорта российской нефти в Беларуси с 23 до 24 млн тонн.

Сегодня, когда впереди процесс ратификации договора, а затем — начало жизни по новым правилам (которые не сильно отличаются от «старых» правил Единого экономического пространства) Беларусь может не только использовать данный исторический момент для игры на российских политических интересах. Куда более важно для республики помнить о собственных интересах в экономической сфере.

На мой взгляд, Беларусь, сохранив национальную тяжелую промышленность в собственности государства и в этом пойдя по китайскому пути, не реализовала вторую часть китайской стратегии — не создала серьезного и передового частного сектора, конкурирующего с государственным. Я убежден, что интеграция с Россией и Казахстаном будет позитивной для Беларуси только в том случае, если она дополнится активным экономическим сотрудничеством с Европой и привлечением масштабных европейских инвестиций в промышленность. Почему в Беларуси не созданы с нуля автосборочные предприятия? Почему главные в Европе центры сборки мобильных телефонов — Венгрия и даже Румыния, а не Беларусь? В условиях, когда сама Россия говорит о необходимости партнерства не только с Западом, но и с Востоком, Беларуси самое время начать выстраивать курс на сотрудничество не только с Востоком, но и с Западом.

Первым шагом на этом пути я бы назвал решение застарелых финансовых проблем. Создание единой валюты в рамках Евразийского союза отложено до 2025 года. Отлично! Тогда почему бы не повернуться к ЕС и не начать переговоры с Брюсселем о помощи в введении currency board? Ничего политического — только бизнес. Получить (пусть и «в обмен» на неподдержку России на Украине) кредит stand-by в €15–20 млрд и привязать белорусский рубль к евро. Эта хрестоматийная мера позволяет быстро убить инфляцию, снизить губящие экономический рост процентные ставки и стимулировать инвестиции. Следующим шагом могло бы стать подписание с ЕС своего рода инвестиционной хартии о гарантиях иностранных инвестиций в Белоруссию и снижению налогов на вновь открывающиеся предприятия. Пока под контролем Минска остаются крупнейшие бюджетообразующие компании — нефтеперерабатывающие мощности, «Беларуськалий» и т. д. — стоило бы задуматься о том, чтобы они несли основное бремя наполнения бюджета, в то время как новые инвесторы чувствовали себя практически как в оффшоре. Стране нужно опередить Россию в обновлении промышленности, стать первой вполне европейской экономикой за пределами ЕС — и из постсоветских государств такой шанс есть сегодня только у Беларуси.

Сегодня Минск стоит перед сложным решением. Окончательно «интегрировавшись» в «расширенную Россию», Беларусь реально рискует стать лишь ее частью. Никакая «интеграция интеграций» — сколь бы привлекательной ни выглядела эта концепция — между ЕвразЭС и ЕС, ОДКБ и НАТО невозможна даже в отдаленной перспективе. Поэтому более реалистичной выглядит стратегия «экономического балансирования» между Россией и Европой. Однако урок Украины состоит в том, что «политическое балансирование» такого рода крайне опасно — и его не нужно продолжать. Не стоит говорить с Брюсселем об ассоциации, а с Москвой — о Евразийском союзе. Но необходимо выстраивать с Европой инвестиционные и финансовые отношения, которые смогли бы поддержать Беларусь в случае, если на Востоке события пойдут не так, как планируется. Эти отношения, как показывает сейчас ограниченность европейских санкций против России, в современном мире значат больше, чем политические симпатии. И именно их отсутствие делает Беларусь уязвимой.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Простым решениям здесь не место» // Звязда [Минск], 31 мая 2014 г., приложение «Союз Евразия», с. 7.

Конфронтация с Западом заставила российских лидеров обратить все надежды на Восток. Торговля с Китаем и другими азиатскими странами многим кажется достойной заменой Европе и панацеей от любых санкций.

Но прежде чем ввязываться в многолетний дорогостоящий марафон по завоеванию азиатских рынков, нужно заглянуть хотя бы на два шага вперед, просчитать — имеют ли смысл все эти усилия и что они принесут.

Конечно, диверсификация российского экспорта на фоне конфликта с Западом превращается в настоятельную необходимость. Само по себе это неплохо: наши экспортные поставки выглядят не только моноотраслевыми (63 % приходится на нефть, газ и нефтепродукты), но и мононаправленными (67,5 % нефти и 92,6 % газа идут на рынки ЕС, Восточной Европы и Турции). Диверсификация пойдет нам на пользу.

Вопрос в том, насколько сложно и дорого России будет переориентироваться на новые рынки и в какой мере поставки на них окажутся менее (или более) выгодными, чем в Европу.

К кому разворачиваться

Начнем с простого. В 2012 году европейский рынок (ЕС, страны Восточной Европы и Турция) потребил 684,2 млн т нефти и 576,2 млрд куб. м газа; на долю поставок из России пришлось, соответственно, 256,5 млн т и 186,1 млрд куб. м (37,4 и 32,3 % от совокупного потребления). Япония, Южная Корея и Китай потребили 810,7 млн т нефти и 300,5 млрд куб. м газа; поставки из России на эти рынки были практически незаметны (7,2 и 4,8 % от совокупного потребления).

Основными поставщиками нефти на азиатские рынки выступают страны Персидского Залива (30 % китайского и 80 % японского потребления), газа — Австралия, Малайзия, Индонезия и Туркменистан. Иными словами, задача России состоит в вытеснении с азиатского рынка крупнейших мировых поставщиков нефти и главных региональных поставщиков газа, что как минимум непросто.

Главным остается вопрос о том, собираемся ли мы поворачиваться к Тихому океану или к Китаю. В первом случае мы способны конкурировать с арабскими странами и государствами южной части тихоокеанского бассейна за японский и корейский рынки. Цены на этих рынках высоки, а уровни потребления таковы, что мы можем занять значимое место даже при относительно небольших объемах поставок (уже сейчас лишь за счет месторождений Сахалина Россия имеет на японском рынке газа долю в 10,2 %, а на южнокорейском — в 6,1 %).

Развернуться к Китаю, нам будет намного сложнее: чтобы стать «маркетмейкером», требуется поставлять до 120–140 млн т нефти в год и как минимум 50–60 млрд куб. м газа — при этом по газу конкурировать придется с тем же Туркменистаном, сегодня поставляющим в КНР до 25 млрд куб. м и намеревающимся увеличить объем вдвое к 2020 году.

Европу полностью не заменить

На мой взгляд, оптимальной могла бы быть стратегия наращивания экспорта нефти и газа с месторождений Сахалина в Японию и Южную Корею, а также максимально быстрое развитие ресурсного потенциала Дальнего Востока и Восточной Сибири — опять-таки для поставок на тихоокеанские рынки.

При этом цены на газ в Японии, Южной Корее, Тайване и Сингапуре позволяют обеспечивать и поставку газа в виде СПГ с основных российских месторождений — для этого следует как можно быстрее строить заводы по сжижению газа на Ямале и в Новороссийске/Туапсе. Эти пути транзита могли бы «повернуть» предназначенный для европейских потребителей газ на азиатские рынки.

Стоит ли говорить, что подобная программа займет не менее пяти-семи лет. Хотя технически она вполне реализуема, но в лучшем случае итогом может стать наращивание поставок на Восток до уровня в 35–40 % от российского экспорта по нефти и 25–30 % по газу, так что независимыми от Европы нам не стать даже при оптимистическом сценарии.

Однако и эта цель может оказаться недосягаемой по причине неочевидной экономической целесообразности разворота.

Цена разворота на Восток

Собственно разворот может иметь место только в том случае, если Россия перебросит часть нефти и газа, ныне поставляемых в Европу, на азиатские рынки.

Но, во-первых, такая переброска будет очень затратной: для постройки трубопроводов, по которым можно поставлять в восточном направлении из Западной Сибири до 150 млн т нефти и 100–120 млрд куб. м газа в год потребуется не менее $60 млрд., да и транспортировка сырья на расстояние в 5000–6000 км тоже представляется недешевым делом.

И, во-вторых, мы снова сталкиваемся с «проблемой Китая»: значительная часть его импорта нефти идет из стран, с которыми КНР удается договариваться о значительной (до $30/баррель) скидке в обмен на разного рода экономическое содействие. Китай охотно покупает газ в Туркменистане, для которого эти поставки остаются единственной опцией. В среднем туркменский газ обходится Китаю в $260 за 1 тыс. куб. м при средней цене поставок российского газа в Европу в $387 за 1 тыс. куб. м в 2013 году.

Учитывая расходы на доставку, можно говорить о потере российскими газовиками 40 % выручки при переориентации на Китай. При этом как в случае с поставками нефти, так и в случае с газом мы столкнемся с конкурентным рынком, на котором и Саудовская Аравия с Нигерией, и Туркменистан готовы идти на существенное снижение цен ради недопущения новых игроков.

Китаю не нужен конкурент

Кроме того, нельзя недооценивать геополитические последствия новой «большой игры». Европа сегодня — это континент, специализирующийся в первую очередь на сверхсовременной наукоемкой промышленности, производстве предметов статусного потребления и качественных услуг. Ни в одной из этих сфер Россия не станет Европе конкурентом — думаю, никогда. Поэтому европейцы без ревности и недовольства восприняли бы переход России от сырьевой модели экономики к более индустриализированной, если бы наша власть этим заинтересовалась (это, в частности, подтверждает и инициирование европейцами программы «Партнерство во имя модернизации»).

Напротив, Китай является крупнейшей в мире промышленной державой и крупнейшим индустриальным экспортером. Ему не нужен северный конкурент — и поэтому Пекин заинтересован в том, чтобы мы и дальше производили только сырье. Это, на мой взгляд, является важным фактором, который нужно учитывать при переориентации наших сырьевых потоков на Восток.

Получается, что переориентация на Восток в принципе возможна, но она может привести к сокращению российских экспортных доходов. Начиная ее, нужно ориентироваться на максимально разнообразный круг потребителей — и поэтому предпочитать экспорт морским транспортом трубопроводному.

Следует пытаться завоевать высокомаржинальные рынки Японии, Южной Кореи, Сингапура и Тайваня, сотрудничество с которыми может вылиться в серьезную кооперацию, способную дать толчок развитию отечественной промышленности. Ориентация же на Китай не выглядит оптимальной — цены для российского сырья на этом рынке будут ниже, чем в других странах региона; серьезной производственной кооперации мы не добьемся; привязка к Китаю очередной трубой даст России не большую мобильность, а новую кабалу.

И, конечно, стоит напомнить: если Россия собралась менять свой экспортный вектор, нужно больше делать и меньше говорить. Потому что если европейцы среагируют на наши разговоры, то Катар, Норвегия и США смогут вытеснить российский газ из Европы за шесть-восемь лет. И если, как это часто бывает, разговоры наши к тому времени так и не превратятся в дела, последствия будут печальными.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Спасет ли Россию разворот на Восток» // РБК-Daily, 24 апреля 2014 г., с. 3.

Почему нас так тянет в Азию?

На протяжении последних почти 15 лет российская внешняя политика была, если так можно сказать, ре-активной: дружба с партнерами вспыхивала неожиданно, но часто так же неожиданно и заканчивалась. После терактов 11 сентября 2001 года и звонка В. Путину Дж. Бушу начался «роман» с Соединенными Штатами, продлившийся до вторжения американцев в Ирак. Потом мы сдружились с европейцами и на основе «противостояния разрушению мирового порядка» возникла чуть ли не «ось» между Москвой, Берлином и Парижем. Но европейцы не потерпели грубую попытку Москвы сделать В. Януковича президентом Украины в 2004 году, и дорожки разошлись. Россия стала с видимым вождением поглядывать в сторону Китая и все больше сомневаться в том, нужен ли ей Запад. Убедив саму себя в том, что Запад находится в историческом упадке, Москва сочла, что и не стоит с ним особо считаться — и если можно взять то, что плохо лежит, надо брать. Так возникла авантюра с аннексией Крыма: одинокая, но мнящая себя великой страна решила действовать «по обстановке».

Последствия данного предприятия выглядят пока неясными. Похоже, что, как и раньше, Россия не владеет инициативой — что подтверждается как постановкой проблемы (шаги оцениваются сквозь призму того, будут ли ужесточаться западные санкции и сколь далеко они зайдут), так и позицией Москвы в отношении Восточной Украины, где «гуманитарных» оснований для вмешательства куда больше, чем в Крыму, а интервенции как не было, так и нет. Однако, как бы ни пошли события, некие стратегии действий во внешней политике, на мой взгляд, стоило бы начать выстраивать.

Сегодня альтернативных стратегий просматривается две — «китайская» и «европейская».

Первую мы условно назовем «стратегией Александра Невского». В свое время этот великий князь, причисленный Русской православной церковью клику святых, нанес поражение тевтонским рыцарям, ходившим на Русь с крестовым походом и стремившимся, помимо прочего, обратить ее в свою католическую веру. Князь Новгородской республики посчитал, что подобная «европейскость» нам ни к чему — и параллели с отношением нынешнего Кремля к новым европейским принципам тут очень уместны, — и решил придать своей политике немного «многовекторности». Не будучи завоеванным монголами, и во многом понимая, что их поход на Киев и Венгрию в 1241–1242 годах оставляет северорусские земли в безопасности, князь стал ездить в Орду (с поправкой на расстояния и логистику того времени) чуть ли не чаще, чем «царь» Владимир в Пекин — в результате Русь сформировалась как вполне «антизападная» и более чем «традиционная» держава, много веков отторгавшая европейские практики. Причем настолько успешно, что и Новгород показался одному из самых великих ее повелителей слишком непокорным и был показательно «зачищен» в 1570 году.

Сегодня мы снова отворачиваемся от Европы и смотрим в Азию. Логика идентична — мы бежим от Запада не по причине его технологической немощи или финансовой несостоятельности, а прежде всего потому, что полагаем его недостаточно консервативным и традиционным. Не разделяющим идей геополитики XIX века и не понимающим исконных ценностей пожизненной власти. Все остальные «претензии» путинской России к объединенной Европе всецело вторичны.

Что в таком случае может представлять собой «китайская» стратегия? Ее основой будет политический вассалитет Москвы по отношению к Пекину. Россия на протяжении ближайших десятилетий будет становиться все слабее по отношению к Китаю. Чтобы переломить этот тренд, России нужно расти на 12–15 % в год при условии, что темпы роста в Китае упадут до 3–3,5 %. При этом ни в военной сфере, ни в области инфраструктуры Россия даже не обеспечивает простого воспроизводства имеющегося потенциала, тогда как Китай стремительно идет вперед. В этой ситуации союз промышленного лидера и сырьевого вассала не выглядит чем-то необычным. За последние 10 лет поставки российского сырья в Китай выросли в 5,2 раза, а поставки промышленных товаров из Китая в Россию — почти в 26 раз: типично колониальные экономические отношения. Метрополия покупает у колонии сырье и дает ей кредиты на то, чтобы она могла построить трубопроводы, чтобы его поставлять. При этом Китай явно опережает Россию по совершенству демократических имитаций, и кремлевским политтехнологам еще стоит у него поучиться. Во внешней политике Россия окажется своего рода «минным тралом», кому Китай позволит выдвигать самые бредовые инициативы, от которых будет тут же открещиваться в случае их явной нереализуемости или опасности.

Такая стратегия сегодня в наибольшей степени соответствует представлениям о стране и мире, которые существуют в Москве: об «энергетической сверхдержаве», «здоровом консерватизме» и духовности, «патриотической» элите, и в значительной мере наследственном правящем классе. С Китаем, как надеются российские лидеры, можно будет договориться о разделе сфер влияния в Центральной Азии, «поставить на место» Америку, обеспечить себе надежное будущее. На Западе же можно будет закупать всякие модные штучки: эка невидаль, даже Кремль — и тот построили итальянцы. Зато Русь останется самой собой, пусть и отсталой — что не так уж и важно, коль есть шанс на канонизацию.

Этот сценарий сегодня весьма вероятен прежде всего потому, что он выгоден всем сторонам (то есть всем тем, кто находится в стороне от России): Китай получит нужное ему сырье по нужной стоимости (не зря договор о поставках газа дополнен секретным протоколом о цене), Запад обретет российские мозги, которые потекут прочь из страны даже быстрее, чем нефть и газ, но только в иную сторону. Правящая же элита удовлетворится деньгами — большего она от жизни не ждет. Лет через 50–70 (с поправкой на скорость «исторического времени») Россия задумается о том, где оказалась.

Вторую мы условно назовем «стратегией Петра I». Да, царь вел политику довольно жесткую, говоря современным языком: отнял у Турции Азов, у Швеции — побережье Балтики, да и на территории современной Украины тоже неплохо «поураганил». Однако человек понимал, что сила России — в ее потенциально лидирующей роли в Европе, а в Европе ценятся не традиция, а умение создавать условия для перемен и оркестрировать их. Россия при Петре стала европейской страной, но не стала европейским

обществом. Да, попов поставили на государево довольствие, а Священный Синод сделали практически одним из министерств; сбрили бороды и перестроили на европейский манер столичные города; реогранизовали армию и создали относительно современную промышленность; наконец, стали покровительствовать наукам и привезли в страну массу «немцев» — но сделали это, не освобождая народ и не подвергая сомнению устои власти.

Повторить такую стратегию в наше время означало бы поставить рациональное целеполагание выше идеологии, а интересы государства — выше текущих вожделений элиты. Санкции не критичны — да и не факт, что они будут ужесточены и что Запад готов будет окончательно испортить отношения с Россией. Крым, Южная Осетия и Приднестровье — не те территории, ради которых Европа будет демонстрировать свою принципиальность. Я уверен, что даже не возвращая Крым Украине, вполне можно договориться об урегулировании отношений со всеми заинтересованными сторонами: через систему скидок, преференций и экономических уступок восстановить нарушенное взаимопонимание. В конечном счете, можно сформулировать международную хартию гуманитарного вмешательства, подведя под нее спорные территории на российских границах и признав в то же время законность американских операций в Косово или поведение многих европейских держав в Африке. Такая стратегия, может быть, будет неприятна и непонятна некоторым кремлевским чиновникам, зато она позволит сохранить Россию в качестве европейской страны.

А это сейчас исключительно важно — даже не потому, что россиянам так дороги европейские ценности, а потому, что Россия пока не утратила статуса одной из крупнейших держав Европы. Китай, к которому мы так льнем в последнее время, «вписан» в азиатско-тихоокanскую архитектуру — а на том «театре» у России очень слабые позиции. Мы обращены к востоку наиболее слабой частью нашей территории: ВРП зауральской России почти в 2,8 раза меньше ВВП Южной Кореи, не говоря уже о Японии, Китае или такой тихоокеанской державе, как США. В Европе же мы остаемся одним из лидеров и при этом располагаем ресурсами — природными, интеллектуальными и культурными — которые востребованы европейцами сильнее, чем кем бы то ни было еще. Европа сегодня не увлечена военными играми — что хорошо, так как мы на деле не имеем ресурсов для их эффективного разыгрывания. Крым наш, но Донбасс, если последует за ним, окажется на шее России настоящим мельничным жерновом. Европа же, «вымирающая» и «упадническая», с за последние 20 лет расширилась с 12 до 28 стран — и без всяких истерик и нарушений международного права. Изолироваться от Европы — это уйти из единственной части мирового пространства, где Россия еще имеет значение.

В этом случае стратегия может быть нацелена на «размен» устойчивого экономического развития страны и легализации ее элиты на умеренные политические самоограничения. Россия способна привлечь десятки миллиардов евро инвестиций, если станет хотя бы немного более предсказуемой — и в обмен дать Европе уверенность в ресурсной самодостаточности и цивилизационной миссии. Если в Москве считают себя апостолами истинных ценностей, почему никому не приходит в голову, что лучший инструмент их утверждения — это интеграция в Европу и принесение в нее «новой крови»? Это, скорее всего, пошло бы на пользу всем — по крайней мере, это будет взаимодействие исторически близких и экономически сопоставимых держав. И патриотизму «европейскость» ничем не вредит — разгромили же в свое время русские патриоты, говорившие в основном по-французски, наполеоновскую «Великую армию»…

В России сегодня нет политики — ни внутренней, ни внешней. Есть только проявляющаяся в действиях государства воля одного человека. Учитывая его жизненные установки, можно однозначно предположить, что выбран будет первый вариант. Ему важны мифические «российские ценности» — и китайцы не будут пытаться их менять при исправной уплате сырьевой «дани». Он умеет либо приказывать, либо исполнять, но не договариваться — и ему будет комфортнее стать клерком пекинского обкома, чем партнером «брюссельского». Он не хочет управлять сложными системами — и потому Россия обречена оставаться сырьевой страной и смотреть на Восток. Наконец, он со скепсисом относится к демократии и свободе, и это тоже добавляет шансов ориентации на Китай. Ориентации, истинные условия которой будут изложены не в подробных соглашениях, расписанных на сотнях страниц, а в коротких протоколах, засекреченных на многие годы…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Две стратегии для одного президента»//The New Times, 26 Мая 2014 г., с. 30–33.

Концепт Русского мира стал в последние годы одним из наиболее обсуждаемых отечественной политической элитой. Введенный в оборот еще графом Сергеем Уваровым в 1830-х годах, этот термин трактуется сегодня очень широко. Президент Владимир Путин говорил о том, что «русский человек или, сказать по-шире, человек русского мира прежде всего думает о том, что есть некое высшее моральное предназначение самого человека», отмечая также, что этих людей объединяет «не только наш общий культурный код, но и исключительно мощный генетический код».

Патриарх Кирилл относит к этому миру всех «принимающих русскую духовную и культурную традицию как основу своей национальной идентичности или, по крайней мере, как ее существенную часть. Многие политики, отмечая «рассеянность» русских и русскоязычных по всей планете, используют данный концепт в качестве обоснования особой роли России и на постсоветском пространстве, и в мире в целом. Однако стоит обратить внимание на то, что за пределами России «русское» сообщество далеко не однородно.

Русские миры: охранительный и передовой

Не претендуя на то, чтобы полностью исчерпать нашу тему, отметим несколько очевидных обстоятельств. За пределами России сейчас живет до 35 млн человек, считающих себя русскими, и почти 60 млн тех, кто называет русскую культуру родной. Это сообщество разделено на три части сопоставимых масштабов.

Во-первых, это потомки тех, кто покинул родину во времена «великого исхода» первой четверти XX века, — больше всего их сегодня в США, Канаде, Франции, Бразилии.

Во-вторых, это те, кто по собственной воле уехал из России и постсоветских стран в Европу, Северную Америку (а в последнее время — и на Ближний Восток, и в Азию), движимый прежде всего экономическими соображениями и стремлением к самореализации.

В-третьих, это те, кто после краха СССР остался на территории новых независимых государств, не пополнив число тех 4,5 млн человек, которые перебрались в современную Россию.

Эти три группы имеют разную идентичность и разные стереотипы поведения.

Большинство тех, кто принадлежит к первой группе, давно ассимилировались в своих новых странах пребывания и связаны с Россией лишь символическими культурными ценностями. Относящиеся к второй группе не видят в разрыве с Россией чего-то судьбоносного, имеют, как правило, двойственную идентичность, признают и принимают ценности глобального мира, хотя и остаются русскими по ряду стереотипов поведения. Русский мир I — это сообщество русских людей, в основном по своей воле очутившихся за границей и начавших встраиваться в соответствующие общества. Они русские по своей истории, отчасти языку, но при этом их идентичность скорее профессиональная и связана она больше с новой родиной, чем с Россией.

Представители третьей группы болезненно переживают разрыв с родиной, не стремятся (либо не могут) интегрироваться в новые общества и обладают зачастую более ярко выраженной русской идентичностью, чем большинство россиян, живущих в родной социальной среде. Русский мир II — это сообщество тех, кто в большинстве своем оказался не способен уехать из стран, образовавшихся после распада СССР, и тех, кто стал «профессиональным русским» — не желающим встраиваться в жизнь новых стран.

Между первой и второй группами, с одной стороны, и третьей — с другой, пролегает, на мой взгляд, разлом между реальным Русским миром I, сформировавшимся за пределами России, и Русским миром II, на который «молятся» сегодня наши охранители.

Русский мир I возник в результате свободного выбора более чем 6,5 млн человек. Его представители составляют от 2 до 7 % населения крупнейших мегаполисов стран европейской культурной традиции — Вены, Праги, Берлина, Парижа, Нью-Йорка. Они занимают высокооплачиваемые рабочие места (в США средний заработок таких «русских» превышает национальный средний на 39 %); имеют высокий уровень образования (в тех же США работает более 6000 «русских» профессоров колледжей, в Европе — не менее 4000, в их числе нобелевские лауреаты Андрей Гейм и Константин Новоселов, известный статистик Владимир Вапник, лауреат Филдсовской премии Максим Концевич, биолог Евгений Кунин, физик Андрей Линде). Эти представители Русского мира становятся успешными предпринимателями (чего только стоят примеры Сергея Брина, физика и предпринимателя Валентина Гапонцева и десятков других), контролируя и управляя в Америке и Европе активами, стоимость которых превышает $1 трлн. По сути, Русский мир I создал вовне России экономику и интеллектуальное сообщество, вполне соизмеримые с самой Россией: технологическое и промышленное производство подконтрольных ему компаний существенно превышает несырьевой сектор российской экономики, а доля живущих за границей «представителей русской культуры» в индексах научных цитирований и числе нобелевских лауреатов выше, чем у граждан России.

В отличие от него Русский мир II образовался в ходе исторического отступления России и выглядит арьергардом, а не передовым отрядом «русскости». В силу того что его представители вынуждены отстаивать свои культурные ценности в относительно враждебной среде, они ориентированы больше на охранительство, чем на развитие, на национальные, а не глобальные поведенческие установки. Не в пример Русскому миру I, Русский мир II смотрит на российское государство как на воплощение его чаяний — и потому зачастую (и порой небезосновательно) воспринимается в своих странах как пятая колонна России, что еще более усложняет его положение. Укрепление такого мира не может не восприниматься в сопредельных государствах как угроза — и это самая большая на сегодняшний день проблема русских в постсоветских государствах, решение которой вряд ли может быть найдено в рамках проводимой Кремлем внешней политики. В условиях укрепления национальных государств подчеркивание первичности своей этнической, религиозной или культурной идентичности делает этих людей потенциальными изгоями.

Политика открытости миру

Сегодня политика Москвы однозначно ориентирована на поддержку Русского мира II при явном невнимании к Русскому миру I. В результате Россия тратит значительные средства на абсолютно бессмысленные, а зачастую и вредные мероприятия. В Москве не могут понять, что издание русской газеты в Экс-ан-Провансе — не более чем средство заработать для нескольких местных жителей, не способных к иной производительной деятельности; что оплата групп активистов в Эстонии и Латвии — верное средство возбуждения враждебности местного населения к вполне лояльным русскоязычным жителям этих республик (замечу, что доля русских, белорусов и украинцев в населении этих нелюбимых в Кремле государств с 1989 года сократилась соответственно с 35,2 % до 27,5 % и с 41,9 % до 32,9 %, тогда как в дружественном Казахстане — с 44,4 % до 26,2 %, а в Киргизии — с 24,3 % до 6,9 %); что, наконец, подрыв экономики «фашистской» Украины будет куда более сильным, если Россия примет к себе большинство ее русскоязычных граждан, чем если оторвет от Украины хозяйственно бесперспективные «народные республики».

На мой взгляд, стране нужна иная политика — политика открытости к Русскому миру I при свертывании помощи Русскому миру II. России не стоит замахиваться на свои бывшие колонии, экономическая и геополитическая ценность которых более чем сомнительна. Ей нужно сконцентрироваться на двух направлениях «русской» политики.

С одной стороны, это должна быть политика ответственной репатриации. Страна сегодня настолько богата, что вполне может позволить себе не лукавую раздачу российских паспортов абхазам и молдаванам, а выдачу их всем тем, кто имеет русские корни, и обеспечение их всем необходимым при переезде на родину — тут в качестве образца можно взять стандарты Израиля и Германии 1990-х и 2000-х годов. Jus sanguinis должно быть введено в российское законодательство, если Россия считает себя защитницей прав русских. Вследствие массового переселения в Россию русских из бывшего СССР страна получит намного больше выгод, чем от поддержания «управляемой нестабильности» на постсоветском пространстве или от привлечения масс необразованных мигрантов, чуждых нашей культуре.

С другой стороны, это должна быть политика сотрудничества с русскими и русскоязычными гражданами, покинувшими страну. Следует признать институт двойного гражданства, отказаться от любой дискриминации по этому признаку, задуматься о «призыве» на государственную службу в России тех, кто обладает навыками современного управления, полученными в более успешных и менее коррумпированных странах. Не следует забывать, что подлинно масштабные иностранные инвестиции потекли в Китай лишь после того, как в страну пришли капиталы хуацяо — китайских эмигрантов, ставших успешными предпринимателями за рубежом. Партнерство двух Россий — «поднимающейся с колен» Российской Федерации и самостоятельного, уверенного в себе Русского мира I — это наиболее эффективное «партнерство ради модернизации», которое только можно себе сегодня представить.

Отечественная элита лжет своему народу, лукаво жонглируя фразой князя Александра Горчакова о том, что «Россия сосредотачивается». Сегодня она, напротив, теряет столь необходимый ей для прорыва в будущее фокус. «Сосредоточение» России требует не отторжения территорий от соседних стран и не выстраивания оппозиции всему остальному миру, а максимального использования для нужд самой страны потенциала всех русских и русскоязычных людей, рассеявшихся на протяжении последнего столетия по нашей планете. Именно поэтому сегодня нам нужно объединение России и Русского мира I — при резком снижении внимания к Русскому миру II, который может дать России гораздо меньше, чем стремится получить от нее.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Русский мир против Русского мира» // Ведомости, 29 июля 2014 г., с. 6–7.

Нам нужны не ценности, а нормы

В последнее время все чаще появляются публикации о том, что разделяет Россию и Европу, а если брать шире — Россию и Запад. Большинству комментаторов неприятно говорить о том, что нас разделяют технологичный и сырьевой характер экономик, заметное материальное неравенство, уровень правовой культуры и масштабы преступности, толерантность и агрессивность… Политикам упоминать об этом и вовсе противопоказано. Поэтому сверху задают, а внизу радостно принимают другой дискурс: разные у нас не нормы, а ценности.

Между тем убедительного в этом подходе немного. Вот и статья М. Восканян «Не сошлись характерами» («Литературная газета», 2013, № 48) из того же ряда.

В чем же фундаментальные изъяны подобного дискурса? Каков альтернативный подход?

Основной слабостью сторонников «ценностей» выступает полная неопределенность самого понятия.

Да, справедливость — великая ценность. Но если коэффициент Джини (коэффициент дифференциации по доходам) в ЕС составляет в среднем 27, а в России — более 60, то кого должно интересовать наше отношение к ценности справедливости? Ведь в стране ее нет на деле?

Можно осуждать «постхристианскую» Европу и умиляться людьми, набивающимися в новоотстроенные российские храмы, но почему тогда в безнравственной Франции на 60 миллионов жителей приходится 350 живущих не в семьях детей, а на 142 миллиона россиян — 260 тысяч?

И таких вопросов — масса. Если мы столь «ценностно ценные», то почему в стране столько проблем? И как быть, например, с воровством, коррупцией, семейственностью? Если для М. Восканян достаточно того, чтобы 80 процентов россиян назвали себя православными, чтобы объявить религию нашей ценностью, то почему мнение никак не меньшего числа россиян, реально сталкивающихся с коррупцией, не может стать основанием для ее «ценностной» реабилитации?

Понимая, какое отторжение это вызовет, я скажу, пусть даже излишне обостряя: «ценности» — не более чем фикция.

Взглянем на мусульманский мир. В отличие от христианского он более един. «Ценности» объединяют приверженцев ислама куда сильнее, чем христиан. Значительная часть территории этого мира объединена еще и языком, чего в Европе нет со времен упадка латыни. Но при этом стиль жизни и нормы поведения, например в Тунисе и Иране, очень различны. В Турции не рубят руки и не обезглавливают людей на площадях, в Индонезии не запрещают женщинам управлять автомобилем и занимать государственные должности. И это — показатель того, что при общих ценностях в обществах и государствах могут быть разные нормы. И соблюдаться нормы эти тоже могут по-разному. Именно различные нормы и делают общества по-настоящему разными, а не просто отличающимися друг от друга.

Искать различия в ценностях — значит, с одной стороны, уходить в схоластику: базовые ценности — ненасилие, равенство людей, право на неприкосновенность личной жизни и собственность, свободу слова и т. д. — не являются «западными» или «восточными», они универсальны. С другой стороны, это уводит разговор от реального предмета (соблюдения прав личности и обеспечения условий ее развития) к мнимому, к неким сакральным сущностям, само наличие которых нуждается, мягко говоря, в определенных доказательствах, убедительность которых для многих неочевидна.

Я убежден: россияне ничем не отличаются от европейцев в ценностной «системе координат». Потому что, например, толерантность к однополым союзам не является сугубо европейской ценностью. Кое-где она является нормой. А кое-где нет. Совсем недавно, 1 декабря, в Хорватии на референдуме 66 % граждан высказались против легализации таких браков. И что? Кто-то осудил эту страну, члена ЕС, за отступление от «ценностей»? Нет, разумеется. Потому что речь идет не более чем о юридической норме.

М. Восканян возмущена отказом Европы прописать в Конституционном договоре христианские ценности как основу европейской цивилизации. Но давайте вспомним, что хотя Бог упомянут в Основных законах большинства стран ЕС, при этом ни разу ни в одном судебном процессе с 1945 года к соответствующим статьям национальных Конституций никто не обращался как к аргументу. И это понятно. Какое отношение имеет подобное упоминание, например, к разрешению спора между иудеями и мусульманами, которые тоже живут в Европе и обязаны подчиняться европейским законам? А законы в нормальном обществе — это не декларации, а все же законы.

Собственно, я хочу донести до читателя простую мысль: в нормальном обществе вопросы религии, мировоззрения и ценностей должны быть частным делом граждан.

Государство обязано:

а) четко определять границы базовых свобод и прав, признаваемых нерушимыми;

б) выявлять волю народа и принимать законы, определенные этой волей и не попирающие упомянутые права и свободы;

в) соблюдать эти законы вне зависимости от того, кажутся они или не кажутся «справедливыми» тому или иному эксперту или, не дай бог, президенту.

В обществе, где соблюдаются эти условия, возникает уважение к праву — а как раз его, единственного, и не хватает России, чтобы быть Европой. Только его, и ничего другого.

«Ценностный» дискурс уводит нас в неправовые, оценочные понятия. Этот тип дискурса — важнейшее условие для произвола, господствующего в нашем обществе. Если взглянуть, например, на риторику властей при обсуждении проблемы прав человека, наиболее часто употребляемыми окажутся слова «правильный-неправильный», «хороший-плохой», «честный-нечестный», «доверительный», «нравственный». Я убежден, что акцентирование внимания на том, являются ли те или иные действия «честными или нечестными», «правильными или неправильными», позволяет искусно уходить от вопросов эффективности, результативности и соответствия этих действий принятым нормам права. Более того, я считаю, что именно это принижение права и выступает главной целью тех, кто стремится привить нашему обществу так называемый ценностный подход.

Все мы помним, какой противоречивой была реакция на российский Закон «0 внесении изменений в статью 5 Федерального закона «0 защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», который называют «гомофобным». Но почему-то мало кто отметил, что выступает предметом регулирования в нем. А выступает ни больше ни меньше как «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» А что такое «нетрадиционные отношения»? Только отношения между людьми одного пола? А между мужчиной и женщиной любые отношения заведомо «традиционны»? Законодатель не помнит, что, например, в Древних Греции и Риме гомосексуальные отношения были вполне традиционными? С чего вдруг стали в нашей Думе вести счет традиции? Я не выступаю за перевод новаторских сексуальных практик из состояния довольно редких явлений в норму — но предлагаю любому интересующемуся почитать упомянутый закон и сравнить его с французским Законом № 404 от 17 мая 2013 года, разрешившим гомосексуальные браки. В последнем документе невозможно найти ни одной допускающей неоднозначную трактовку формулировки.

Подведу промежуточный итог. Если перевести все на банальный язык, получится приблизительно так. Европейцы живут согласно нормам. Если на перекрестке горит красный сигнал светофора, это значит: пока он горит, ехать или идти нельзя. Российская «интеллектуальная элита» сегодня пытается протащить ценностный подход. Он в данном случае звучит иначе: пока горит красный свет, ехать или идти нехорошо. Баланс подходов очевиден: 26 тыс. погибающих на дорогах в год в 500-миллионном ЕС и 29 тыс. — в 140-миллионной России (и то без учета умерших в больницах в течение месяца после инцидента, что увеличивает показатель почти на треть). И это — только один из ценников наших «ценностей», причем не самый высокий.

В «высоконравственной», «ценностно-ориентированной» России издавна бытует поговорка: «закон, что дышло». И это — главный продукт нашей зацикленности на «морали». «Морали», которая позволяла и позволяет власти отвлекать людей от массового нарушения ею самой наших российских законов, дает возможность постоянно ухудшать их качество, а в последнее время — провоцировать неприязнь к обществам, в которых законы принято соблюдать и чтить.

Критикуя европейцев за «двойные стандарты», привычно тыкает пальцем в Латвию, где многим жителям с российскими корнями не предоставлен статус гражданина. Да, это ущемление прав — но прав в первую очередь электоральных, а не социальных и экономических. Не защищая латышских лидеров, я хотел бы обратить внимание, что сегодня в Латвии доля русских, украинцев и белорусов в населении составляет 32,9 %. А в дружественном нам Таджикистане — 1,1 %. А в российской Республике Ингушетия — 0,8 %. И это показывает, как сами русские относятся к обществам, где живут по законам, и как к тем, где существуют «по ценностям» (оно же — «по понятиям»).

Да, мы можем со скепсисом относиться к европейским ценностям (особенно если обрисовывать их так, как делается это нашей пропагандой), но европейских норм нам бы очень хотелось вкусить. Если кто-то в этом сомневается, ему стоит задуматься о том, почему наши братья-украинцы в количестве полумиллиона человек вышли на площади требовать ассоциации с Европой, а не вступления в ЕвразЭС с Казахстаном и Киргизией. На мой взгляд, потому, что нормальный человек хочет жить по закону, а не по понятиям.

А ценности никто ни у кого не отнимает просто потому, что ценности — одно из того немногого, что отнять у человека нельзя.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Не ценности, а нормы» // Литературная газета, 15 января 2014 г., с. 9.

За последнее десятилетие Китай, Индия, Россия и Бразилия стали рассматривать себя как государства, связанные общими хозяйственными интересами и преследующие схожие цели. Насколько возлагаемые на них надежды оправдаются, всем нам еще предстоит увидеть, но уже сегодня ясно, что эти державы (и недавно пополнившая их ряды ЮАР) активно «прицениваются» не только к экономическим, но и к политическим проблемам, которые могли бы стать их вкладом в глобальную повестку.

Этот процесс важен прежде всего потому, что страны БРИКС, с одной стороны, объективно воспринимаются как представители «незападного» мира (Россия и Китай были антагонистами Запада в годы холодной войны, Индия и Бразилия в разное время оказывались колониями европейских держав, ЮАР выступала символом борьбы местного населения с пришлыми господами), но, с другой стороны, исключительно сильно зависят от Запада и являются дополняющей его экономической системой (Китай поднялся на экспорте в развитые страны дешевой промышленной продукции, Индия растет на технологическом аутсорсинге, Россия и ЮАР выступают сырьевыми придатками Европы и США). Если эти государства действительно намереваются через 30–40 лет стать законодателями мировой экономической моды, они вынуждены будут в течение этого срока перехватить темы, которые доминируют сейчас в глобальной политике — причем перехватить их не в жестком противостоянии с ведущими державами, а скорее в творческом развитии уже существующих трендов.

В такой ситуации повестка дня «от БРИКС», которая безусловно заставила бы говорить об этом объединении как о заметном агенте на глобальной политической и интеллектуальной сцене, должна сочетать несколько обстоятельств. Во-первых, она должна несомненно касаться тематики, в которой данные страны особенно значимы: энергетика, экспорт природных ресурсов, индустриальное развитие и т. д. Во-вторых, все эти темы следовало бы позиционировать не в наступательной, а, скорее, в оборонительной манере, подчеркивая не только свои достижения, но и свой потенциал развития, не только права, но и ответственность. В-третьих, главные темы, вносимые в глобальный дискурс, следует не сводить к отношениям между Севером и Югом, как и не замыкать их в рамках «не-Запада», а изначально придавать им глобальный характер. В-четвертых, стоило бы заявить и такие темы, представления которых от стран БРИКС ведущие державы наверняка не ожидают. Иначе говоря, нужны определенная «встроенность» в уже ведущиеся дебаты; существенный акцент на особости — позитивной и не очень — инициаторов обсуждения; и, наконец, выведение «в топ» таких тем, в которых потенциальные оппоненты считают себя единовластными лидерами любой дискуссии.

Альтернатива глобальному потеплению

Экологическая проблематика — одна из наиболее активно навязываемых Западом тем глобальной повестки дня. Не отрицая ее ценности и значимости, следует отметить, что один из главных элементов этой проблематики — так называемое глобальное потепление — все чаще начинает оспариваться экспертами, говорящими и о том, что данный процесс может быть одной из длинных волн естественного изменения климата, и о том, что потепления как такового и вообще не наблюдается. В любом случае страны БРИКС не могут не обращать внимания на эту тему, потому что среди них находятся как крупнейший в мире производитель энергоносителей (Россия), так и главный их потребитель (Китай). Поэтому экологическая тема должна стать одной из главных, с помощью которой БРИКС может перехватить дискуссию по вопросам устойчивого развития (а ее переформатирование неизбежно в ближайшие годы, ведь период реализации определенных ООН «Целей тысячелетия» завершается в 2015 году).

Тема выбросов в атмосферу продуктов сгорания органического топлива важна для стран БРИКС еще и потому, что ни Китай, ни Индия не в состоянии — по чисто количественным показателям — довести уровни использования энергии в расчете на душу населения до существующих сегодня в развитых странах. Поэтому именно БРИКС должен сделать своим коньком тему экономного использования ресурсов. Сегодня развивающиеся страны не участвуют в Киотском протоколе, обосновывая это потребностями своего экономического развития. Однако это развитие требует пусть и не сокращения выбросов ниже какого-то данного уровня, но активного повышения энергоэффективности экономики и создания новых энергетических технологий. На протяжении последних десятилетий лидерами в этом вопросе неизменно выступали европейские страны — но сейчас есть шанс и у других. Китаю энергоэффективность нужна для того, чтобы его сельское население не оказалось в зоне экологической катастрофы из-за проблем с загрязнением воздуха и воды; Индии она необходима для быстрой индустриализации и поддержания конкурентоспособности; России — для сохранения объемов экспорта сырья за счет сокращения внутреннего потребления; Бразилия в данном случае занимает уникальную позицию как страна, выступающая первопроходцем в производстве биотоплива.

Поэтому одной из важных инициатив БРИКС могло бы стать переформулирование всей повестки дня, касающейся вопросов глобального потепления и глобальных экологических проблем в целом. Огромные финансовые возможности этих стран, соединенные с европейскими технологическими прорывами, могли бы по сути сделать Соединенные Штаты через 15–20 лет единственным оставшимся оплотом энергетической неэффективности и во многом противопоставить их остальному миру как образец эгоистичной и недальновидной политики. Иначе говоря, в этой сфере страны БРИКС могли бы, с одной стороны, подчеркнуть свой развивающийся характер через невозможность копирования западных стандартов потребления и в то же время, с другой стороны, использовать популярность извечной проблемы для концентрации международных усилий на тех направлениях, которые наиболее важны именно им.

Можно пойти и дальше и расширить фокус с энергоэффективности до эффективности использования ресурсов в целом. Страны БРИКС своим примером — как Китая, так и Бразилии в позитивном смысле, а России, скорее, в негативном — показывают, что именно масштабная индустриализация, а не нишевое развитие выступает ключом к прорыву из бедности в стабильное общество «среднего класса». Поэтому связка между экологией и эффективностью, замена глобального потепления в повестке дня общемировой программой повышения эффективности использования ресурсов может стать той темой, которая сделает страны БРИКС если и не реальным, то по крайней мере интеллектуальным лидером в обсуждении тематики устойчивого развития.

Переосмысление финансовых дисбалансов

Не менее важной выглядит возможная инициатива стран БРИКС в вопросах осмысления финансовой ситуации, которая сложилась в мире в последние годы и которая вряд ли кардинально изменится в ближайшее десятилетие. Важнейшей чертой этой ситуации выглядят гигантские дисбалансы, образовавшиеся в экономических отношениях между развитыми странами и государствами БРИКС. Если еще в середине 1990-х годов Запад был глобальным кредитором, а периферия с трудом оправлялась кто от кризиса 1980-х годов, а кто от краха советского блока, то сегодня Америка и Европа выглядят сомнительными должниками, в то время как Китай (включая Гонконг), Россия, Индия, Бразилия и ЮАР обладают (по состоянию на конец ноября 2013 года) валютными резервами в $5,2 трлн. Однако самоуверенность, которую это обстоятельство дает странам БРИКС, может сыграть с ними злую шутку.

С одной стороны, не нужно забывать, что быстрый подъем того же Китая во многом обусловлен тем, что США и страны Западной Европы после кризиса в Азии в 1997 году не ввели никаких протекционистских мер против стран, резко снизивших курс своих валют, что поставило Запад в заведомо невыгодное положение. То же самое можно сказать и о ценах на нефть, которые могли бы быть остановлены в своем росте в середине 2000-х, но США и Европа не предприняли к этому никаких усилий, позволив подняться России и Саудовской Аравии. Во многом феноменальный рост БРИКС в последнее десятилетие стал возможен благодаря «попустительству» Запада, а глобальные дисбалансы стали не столько следствием стремления развитых стран занимать деньги, сколько желанию развивающихся гарантировать себе резервы на случай нового кризиса.

С другой стороны, следует отдавать себе отчет, что развитые страны могут пойти на девальвацию собственных валют, ускорить инфляцию и тем или иным образом обесценить резервы БРИКС. Как и в 1971 году, они при этом ничем не рискуют — и поэтому новые богатые страны отнюдь не выглядят самодостаточными, а глобальные дисбалансы могут угрожать скорее им, чем Европе и США. Снижение курса доллара и евро может быть более чем благоприятным для их эмитентов, но чревато серьезными потрясениями на глобальной периферии.

В подобной ситуации странам БРИКС было бы разумным первыми поставить вопрос о преодолении глобальных финансовых дисбалансов — причем поставить его не в виде ультиматума Западу, а, скорее, как предложение постепенного и рационального урегулирования данной проблемы. Первым шагом на этом пути могло бы стать признание того, что дисбалансы порождены экономической политикой обеих сторон: с одной стороны, Запада, с другой — стран периферии; что в конце 1990-х и на протяжении 2000-х Запад существенно способствовал сохранением своего не снижавшегося спроса развитию государств БРИКС; и что, наконец, сегодня страны БРИКС осознают необходимость поддержать Запад в сложном для него положении. Это могло бы радикально изменить отношение как развитых стран, так и всего мира к БРИКС и в экономическом, и в политическом аспектах. Вторым шагом могло бы стать достижение договоренности о том, что долги западных стран (например, в сумме, в которой другие страны выступают их держателями на протяжении более чем пяти лет) могут быть использованы на покупку реальных активов на территории этих государств (возможно, даже с дисконтированием стоимости долга). В результате могли бы быть сняты существующие ограничения на инвестиции из стран БРИКС в Европу и США, долги ведущих держав резко сократились бы (как и резервы развивающихся), что обеспечило бы ускорение экономического роста во всем мире. Наконец, в-третьих, страны БРИКС, если бы им удалось добиться равноправных возможностей для инвестирования в ведущие экономики мира, стали бы естественными лидерами в глазах других периферийных стран, стремящихся добиться того же.

Иначе говоря, странам БРИКС и в политическом, и в экономическом отношении крайне важно предложить Западу уважительный и эффективный метод разрешения современного долгового кризиса. Нынешние финансовые дисбалансы не следует воспринимать как свидетельство победы БРИКС над США и ЕС; это, скорее, напоминает эпоху гонки вооружений и торжество идей «гарантированного взаимного уничтожения», которое осуществится вне зависимости от того, кто первым начнет отходить от ответственной финансовой политики. Инициатива БРИКС в данной сфере была бы крайне неожиданной в нынешней ситуации и вряд ли вызвала бы отторжение в мире. В случае ее реализации такой шаг заложил бы определяющий тренд в мировых финансах на ближайшие десятилетия.

Проблема коррупции и прозрачности

Хорошо известно, что одним из постоянных упреков, который развитые страны предъявляют государствам БРИКС, остается упрек в непрозрачности их экономик, засилье государственных компаний и активном сращивании интересов бизнеса и чиновников, что проявляется в масштабной коррупции. Согласно Индексу восприятия коррупции (Corruption Perception Index, составляемому ежегодно Transparency International), Бразилия и ЮАР делят 72-ю строку в списке самых нетерпимых к коррупции стран, Китай занимает 80-е место, Индия — 94-е, а Россия — 127-е. В данной сфере БРИКС постоянно выглядит оправдывающимся, а Запад получает преимущества от позиционирования себя как общества, достигшего высочайшего уровня управляемости и ответственности.

Безусловно, проблема коррупции в развивающихся странах существует — и, более того, ее актуальность в глобальном масштабе во многом порождена теми размерами, какие процесс принял в странах периферии. Но сегодня, видимо, следует признать, что борьба с коррупцией в отдельно взятой стране в условиях всепроникающей глобализации невозможна. Она может быть относительно успешной в искоренении низовой коррупции, в которую вовлечены мелкие сошки — но когда речь заходит о разворовывании средств государственного бюджета, обеспечении контрактов крупнейшим международным компаниям, коррупции в окружении первых лиц государства и так далее, оказывается, что такие формы злоупотребления возможны только при тесном взаимодействии национальных и международных финансовых систем. Невозможность легализовать свои богатства за рубежом, гарантировав их от посягательств национальных правоохранительных органов или сменившейся власти, выступает самым мощным ограничителем коррупции, какой только можно представить себе в современном мире.

При этом масштаб взаимодействия коррумпированной элиты развивающихся стран с западными финансовыми институтами поражает воображение. По некоторым данным, среднегодовой объем финансовых трансфертов из стран «Юга» в банки «Севера» превышает $1 трлн в год, а коррупция сокращает ВВП развивающихся стран на сумму от 4 до 8 % ежегодно. Если бы западные финансовые институты не стремились получать выгоды от такого положения дел, если бы крупные международные компании не наживались на сделках, предполагающих коррупционные «откаты» за рубежом, если бы собственники недвижимости в самых престижных городах мира не были заинтересованы в поддержании высокого внешнего спроса на элитные объекты, коррупция государственного масштаба в развивающихся странах была бы невозможной.

В таких условиях страны БРИКС могли бы выдвинуть инициативу реального объединения усилий и периферийных государств, и развитых держав по борьбе с коррупцией. Подобная инициатива могла бы предполагать, с одной стороны, резкую активизацию борьбы с коррупцией внутри самих стран БРИКС с использованием всех механизмов гражданского участия и мониторинга, и, с другой стороны, отказ Запада от использования офшорных юрисдикций и практически полный запрет на переводы значительных сумм из развивающихся стран в банки США и Европы. Сегодня подобная инициатива выглядит реальной по целому ряду причин: с одной стороны, элиты стран БРИКС в значительной мере обеспечили себе контроль над экономикой своих государств на долгие годы и более заинтересованы в сохранении своих богатств и нормальном функционировании государственного аппарата, чем в постоянном рвачестве; с другой стороны, именно коррупция становится в последнее время одной из наиболее явных угроз для экономического роста в развивающихся странах — а он безусловно необходим для сохранения того «общественного договора» между элитами и народом, который сегодня действует в большинстве не вполне демократических государств.

В данном случае, как и в ранее отмеченных, страны БРИКС, действуй они быстро и решительно, могли бы перехватить инициативу Запада в решении одного из самых важных и злободневных вопросов нашего времени.

Общие соображения

Сегодня страны БРИКС находятся в преддверии определенного кризиса в развитии взаимных отношений. Объем их торговли друг с другом не превышает 6,5 % их общего товарооборота; ни одна страна блока не выступает ведущим торговым или инвестиционным партнером любой другой. Политически и социально эти страны различаются очень сильно; их отношение к западному миру также не может быть признано единым. Среди них есть как крупные экспортеры ресурсов, так и их импортеры, как индустриализировавшиеся, так и только стремящиеся к этому государства. В геополитическом отношении некоторые страны блока выступают прямыми соперниками друг друга.

В подобной ситуации для сохранения БРИКС как единого объединения и упрочения чувств внутренней солидарности и общей идентичности странам блока критически важно выступить в ближайшие годы с рядом инициатив, способных революционизировать глобальную политику. Все подобные инициативы, однако, должны объединяться рядом общих черт.

Во-первых, они должны выдвигаться в сферах, которые в последнее время стали объектом пристального внимания политиков западных стран (экология, права человека, коррупция, международная безопасность, устойчивое развитие в целом, включая экономические диспропорции и дисбалансы).

Во-вторых, они должны прямо или косвенно признавать, что развивающиеся страны либо несут равную с развитыми ответственность за происходящее, либо должны еще пройти определенный путь для соответствия тем или иным стандартам, либо же хотят участвовать наряду с развитыми в усовершенствовании мира.

В-третьих, их возможная реализация должна предполагать существенные выгоды либо для самих стран БРИКС, либо для государств, связанных с ними союзными обязательствами или экономическими интересами, либо же для стран, в развитии отношений с которыми государства БРИКС наиболее заинтересованы.

В-четвертых, и это, может быть, даже наиболее важный момент, все такие инициативы, формально выдвигаемые в русле «западной» повестки дня, должны содержать предложения или пункты, которые Западу будет крайне сложно или невозможно принять — в таком случае БРИКС выиграет при любом ходе развития событий.

Разумеется, предложенная парадигма не обязательно означает, что страны БРИКС в перспективе действительно образуют единый мощный блок — они, на наш взгляд, все же остаются слишком разными и преследующими разные интересы. Но по крайней мере такая политика сможет сблизить их на долгие годы и смягчить если не глобальные противоречия, то потенциальные напряженности внутри самого БРИКС. Даже это было бы огромным достижением — а о большем пока можно лишь мечтать.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Повестка на завтра» // BRICS Business Magazine (русская версия), 2014, N 1 (5), с. 52–57.

Игральная карта мира

11 сентября исполняется очередная, уже 13-я годовщина бесчеловечных терактов, которые унесли жизни 2977 невинных людей в Нью-Йорке, Вашингтоне и Шэнксвилле, штат Пенсильвания. Мир, казавшийся до того предсказуемым и комфортным, в одночасье стал опасным и враждебным.

Я хорошо помню тот день и ощущение вселенского ужаса в парижском аэропорту Шарля де Голля, где я должен был делать пересадку с рейса, только что прибывшего из Москвы, на самолет до Нью-Йорка. Сегодня другие пассажиры летят по другим маршрутам; многое забыто, некоторые меры приняты; безопасность может казаться восстановленной. Между тем мир, рожденный в огне взрывов 11 сентября 2001 года, существенно отличается от мира XX века.

В 1997 году, когда американское могущество находилось в своем зените, выдающийся теоретик глобальной политики Збигнев Бжезинский выпустил свою знаменитую книгу «Большая шахматная доска». В ней он с присущей ветерану тщательностью разобрал геополитическую картину мира, во многом повторив азы глобальной стратегии, формировавшейся в англосаксонском мире с конца XIX столетия. Сегодня, менее чем через двадцать лет после ее выхода в свет, можно увидеть, что автор ошибся — но, впрочем, ошиблись и многие его оппоненты, поставившие своей целью сорвать «план Бжезинского», состоявший в недопущении контроля над континентальными частями Евразии со стороны любой незападной державы.

В 2014 году можно констатировать, что мир перестал быть «шахматной доской», над которой склоняются мудрые стратеги. Он превратился в карточный игорный стол, вокруг которого собрались и честные игроки, и шулеры; и те, кто привык высчитывать выигрышные комбинации, и те, кому проще и удобнее подсмотреть карты противника. Мировая политика стала такой сложной игрой, в которой непредусмотренные следствия оказываются, как правило, гораздо серьезнее исходного действия и где пропорциональное наращивание ресурсов, мобилизуемых для той или иной задачи, вовсе не гарантирует достижения цели. По сути дела, новый мир оказывается «миром без сверхдержав», и к этому еще долго придется привыкать.

В этой карточной игре есть новые козыри и карты, играющие которыми все чаще вынуждены откровенно — и безнадежно — блефовать.

Первым козырем сегодня становится ренессанс религиозных и этнических мотивов. На протяжении нескольких столетий их вес в мировой политике неуклонно снижался: создание Вестфальской системы, распад Османской империи, неудачи панславизма и панарабизма — все эти обстоятельства указывали на доминирование современного понимания национального. Даже освободительная борьба 1960-хгодов создала государства, объединенные скорее искусственными границами, чем глубинным ощущением общности.

Сегодня примитивные силы снова выходят на первый план. Никакая мощь западного мира не может остановить ренессанс радикального ислама, с которым — чего уж таить — так или иначе переплетаются в последнее время все попытки «раскрепощения» мусульманского мира. «Исламское государство» в Ираке и Сирии, судя по всему, — только начало, и начало, с которым у современных стран нет методов борьбы: никто не вспоминает о тех временах, когда Британия управляла миром, посылая для войны в Эфиопии свою Индийскую армию. Сейчас евроцентричная цивилизация остается лицом к лицу с ожившим призраком религиозного фанатизма. Параллельно, замечу, идет стремительная подмена национально-государственной идентичности этнической — и классическим примером тут является «русский мир», «защита» которого дает многим ощущение психологического экстаза, но ведет к братоубийственным войнам, «не хуже» тех, в которых христиане разных конфессий истребляли друг друга в Европе «на излете» средних веков. Религия и этничность — важнейшие карты в новой «игре».

Вторым «козырем» выступает невиданная склонность к насилию и — что непривычно для старого мира — к самопожертвованию. Почти до конца XX века война велась рациональными методами — и то, что европейцам удавалось контролировать свои колониальные империи силами в разы меньшими, чем были задействованы США во Вьетнаме или СССР в Афганистане, это доказывает. В последнее время смещение «разломов» с межгосударственных на религиозно-этнические породило особый тип глобальной мобилизации и особо жестокие формы войны.

Использование смертников не было характерно для арабского мира даже в 1970-егоды — а сегодня оно выступает в некоторых случаях чуть ли не главным средством борьбы. Терроризм никогда ранее не был международным — таким его сделала именно религиозно-этническая составляющая современного мирового противостояния. Соответственно, борьба «слабых» против «сильных» стала крайне дешевой в исполнении: те же теракты в США, подрывы американских военных кораблей и взрывы посольств, теракты, осуществленные чеченцами в Москве или арабами в Лондоне, не говоря уже о взрывах в Афганистане и Ираке, Пакистане и Индонезии, — все они представляют собой приемы, против которых нет серьезных контрмер. Удары, которых не ждут, по объектам, которые никогда не считались целями для нападения, — это еще один «козырь» в жестокой «карточной игре» XXI века.

Напротив, некоторые «карты», которые казались прежде самыми ценными, сегодня безнадежно девальвированы.

Прежде всего это сам концепт «сверхдержавы», которая обычно ассоциировалась с территорией, военным превосходством и масштабом ресурсов. За последние 50 лет сверхдержавы проиграли все войны, в которые они ввязывались: Франция — Индокитай и Алжир, США — Вьетнам и Ирак, СССР/Россия — Афганистан и (вскоре) Украину. Ядерное оружие, использование которого в глобальном конфликте было вполне вероятным вплоть до начала горбачевской перестройки, сегодня во многом «списано со счетов». Территория, как показывают любые рейтинги экономической успешности государств, становится скорее

обузой, чем источником преимуществ. Ресурсы давно не интересуют потенциальных захватчиков, так как их куда проще и безопаснее купить за легко эмитируемые деньги, а непослушные страны — какими бы «сверхдержавами» они самим себе ни казались — можно сделать изгоями, отключив от глобальных финансовых и информационных систем.

Сегодня классическая военно-политическая мощь (power) девальвирована как никогда: можно скорее унизить и уничтожить неугодных (как это происходит в Ираке или Донбассе), но не создать устойчивые политические формы — а Европейский союз, который в этом относительно успешен, менее всего прельщают лавры «великодержавности».

Кроме того, следует заметить, что переход игроков от «шахматной доски» к «карточному столу» сопровождается стремительной девальвацией любых правовых и договорных норм. Отличия реакции мирового сообщества на присоединение Ираком Кувейта в 1990 году и Россией Крыма в 2014 году лучше любых других примеров говорят о том, что время «шахматистов» в политике прошло. Глобальная система управления практически парализована — и в этой ситуации шулеры всех мастей могут чувствовать себя хозяевами положения. Не президенты или премьеры, а люди типа Ибрагима Али аль-Бадри, халифа «Исламского государства Ирака и Леванта», или Игоря Гиркина, главнокомандующего войсками ДНР и ЛНР, сегодня творят мировую политику, своими осознанными или подчас случайными действиями меняя ее направление. Не связанные никакими международными обязательствами, они легко разрушают систему обязательств куда более крупных игроков, делая участью политиков беспрестанную ложь, а перспективой мировой системы — нарастающий хаос.

«Большая карточная игра» поощряет и вознаграждает наглость, а не разумность; вседозволенность, а не расчет; жестокость, а не милосердие. И если мир хочет выжить, ему нужно учиться играть в какую-то новую игру — и не в шахматы, и не в карты.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Игральная карта мира» // Московский комсомолец, 10 сентября 2014 г., с. 3.

Можно ли избежать новой «холодной войны»?

На прошлых выходных случилось практически немыслимое. Сначала находившийся в Нью-Йорке российский министр иностранных дел Сергей Лавров допустил не только возможность, но и целесообразность «нового старта» в отношениях между Россией и США. («Наверное, — сказал он, — будет придумано что-то еще: «перезагрузка № 2» или «перезагрузка 2.0».) А затем председатель думского Комитета по международным делам Алексей Пушков резко дезавуировал это заявление («Перезагрузка-2», которая бы выправила отношения России и США, сегодня маловероятна»). Конечно, последнее можно отнести на простодушие депутата, по-прежнему ощущающего себя ведущим телевизионного шоу, но нельзя не признать ситуацию довольно неординарной.

Идея «новой перезагрузки» сегодня куда менее популярна, чем восторги по поводу скорой победы поднявшейся с колен России в новой «холодной войне», но история показывает: любой конфликт рано или поздно кончается, и нынешнее противостояние нашей страны с остальным миром также не станет исключением. Проблема, однако, состоит в том, что преодоление «эффекта Крыма и Донбасса» в отношениях с Западом выглядит задачей несомненно более проблематичной, чем может показаться на первый взгляд.

Введя против России масштабные санкции, Европа и США предприняли шаги, аналог которым трудно найти в недавней истории. Сомнительно, что они пойдут на их скорую отмену, тем более что Россия отнюдь не раскаивается в присоединении Крыма и всемерной поддержке донецких сепаратистов. Поэтому перед министром С. Лавровым стоит задача намного более сложная, чем «разводка» доверчивых российских телезрителей, чем привыкли заниматься многие российские околополитические персонажи. Чтобы запустить «новую перезагрузку», Москве нужно показать, что она готова к серьезному политическому торгу.

Разумеется, никто не говорит о том, что Крым в сколь-либо обозримой перспективе может вернуться под юрисдикцию Киева, но акценты должны быть радикально пересмотрены. В нынешних условиях я вижу лишь один шанс на то, чтобы Запад пошел нам навстречу: действия России в Крыму должны быть представлены в качестве упреждающего гуманитарного вмешательства. Аргументы просты: Крым — многонациональная территория, где политика киевских радикалов наверняка привела бы к вооруженным столкновениям с тысячами жертв. Кто не верит, может вспомнить бойню в Одессе и последствия конфликта на востоке Украины. Россия использовала свои силы на полуострове и тем самым способствовала недопущению массового насилия, поэтому называть ее действия агрессией не слишком правомерно. Но США и ЕС могут согласиться с такой позицией только в случае, если получат четкий и недвусмысленный сигнал о том, что Москва будет гибче в других вопросах.

Ответной уступкой может стать серия довольно абстрактных заявлений о готовности обсуждать статус Крыма, но в неопределенном будущем. В обмен на согласие Запада отказаться от квалификации действий России как агрессии следовало бы отметить, что действия Москвы по включению этой территории в состав Российской Федерации были, скажем мягко, «поспешными». Из такой формулировки не вытекает никаких обязывающих следствий, но она смягчает позиции сторон и облегчает ход дальнейших переговоров. В идеале России и Западу следовало бы найти формулу, по которой новое обсуждение статуса Крыма может начаться после некоего маловероятного в ближайшем будущем события — например, принятия Украины в Европейский союз, которое стоит признать гарантией того, что власти в Киеве будут соблюдать правовые нормы ЕС в части обеспечения прав национальных меньшинств. Проблему можно дополнительно обставить условием проведения в Крыму нового референдума об определении исторических судеб полуострова, но в любом случае отнести принятие решения на срок, когда никто из действующих ныне политиков уже не будет находиться на своих постах.

В подобной ситуации Россия могла бы добиться выхода из международной изоляции и, более того, перебросить мяч на сторону оппонентов: пусть они-де быстрее принимают Украину в ЕС (чего, судя по всему, пока не хочет ни одна из крупных стран Европейского союза), а уж потом вернемся к нашим обсуждениям. Более того, может быть предложен и «размен» намного масштабнее: коль скоро Запад осуждает действия России в Приднестровье, Южной Осетии и Абхазии, а Россия отторгает позицию ЕС и США по Косово, то следующим шагом может стать взаимный отказ от признания всех этих квазигосударств и передача их в той или иной мере под управление ООН. Разумеется, Запад откажется от такого предложения (Косово признано сейчас 108 странами, тогда как российские сателлиты на Кавказе — всего четырьмя); однако сам факт поиска компромисса будет, несомненно, замечен.

Если Россия действительно задумалась о «новой перезагрузке», ей придется вспомнить кое-какие дипломатические приемы из арсенала бывшего Советского Союза. Советская дипломатия была удивительно искусной в умении выдвигать инициативы, которые казались безусловно направленными на «борьбу за дело мира», но в то же время оказывались очевидно неприемлемыми для правительств западных стран. В новых условиях стоит подумать о реанимации такого подхода: следует выйти с предложениями, которые формально могут выглядеть уступкой Западу, но принятие которых потребует от него недопустимо сложных и замысловатых усилий.

Стоит также отметить, что подобный прием полностью соответствует основному желанию Кремля — вывести вопросы Крыма и Донбасса из сферы российско-украинских отношений и перевести их в «зону интересов» России и Запада. Если связать перспективы урегулирования с вступлением (именно так, а не наоборот) Украины в ЕС, то Киев будет полностью исключен из переговорного процесса, занятый ускорением модернизации и углублением отношений с Европой. Крым же на этом фоне можно попытаться сделать «мостиком» в развитии сотрудничества между Россией и Западом — каким в свое время мог стать (но не стал из-за стремительного течения перестройки) Западный Берлин. По сути, вся «новая перезагрузка» может быть выстроена вокруг поиска нового баланса сил и новой конфигурации зон интересов в Южной Европе и Черноморском бассейне,

но на его фоне ничто не мешает развивать и иные формы сотрудничества. Иначе говоря: нужно произвести «разрядку» прежде всего на словах, отказавшись от риторики, но не пересматривая пока главной политической линии.

Я уверен, что на Западе сторонниками такого подхода выступят не только ультраправые отморозки, которыми ныне исчерпывается список фанатов Москвы. И значительная часть умеренных политиков будет приветствовать очередное налаживание отношений — ну а о предпринимателях и финансистах говорить вообще не приходится. Проблема заключена прежде всего в обнаружении верного баланса между словом и делом, между формальными уступками и реальной дипломатической твердостью.

И, наконец, главный вопрос: состоится ли «новая перезагрузка»? Скорее всего, к сожалению, нет. В отличие от периода президентства Дмитрия Медведева, считавшего, что внешняя политика должна служить целям экономического развития, сегодня она полностью подчинена мобилизации внутриполитического «объединительного потенциала». В таких условиях, разумеется, у бывшего телеведущего больше шансов диктовать государственную стратегию, чем у карьерного дипломата.

Хотя пожелать успеха в данном случае хотелось бы, конечно, министру. Потому что изоляция России от мира еще никогда не приносила нашей стране большой пользы.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Как помириться России и США» // Московский комсомолец, 1 октября 2014 г., с. 3.

(2009–2012)

Дискуссия о модернизации, развернувшаяся в современной России, порой ставит в тупик западных исследователей, привыкших к достаточно строгому пониманию этого термина и считающих Россию страной, в которой задачи традиционной индустриализации были решены еще несколько десятилетий назад. Однако проблема существует, и я попытаюсь в этой краткой статье показать, в чем она состоит и найдет ли она свое решение в ближайшие годы.

Что такое модернизация для современной России?

Модернизация, на мой взгляд, может трактоваться двояко. С одной стороны, она воспринимается как чисто экономико-технологический процесс, целью которого выступает обретение конкурентоспособности на глобальном уровне. С другой стороны, модернизацией называют совершенствование социально-политических институтов, приближающих то или иное общество к идеальному образу развитых западных демократий. Богатство данного термина мешает его последовательному использованию, и возникает соблазн говорить о модернизации в первом смысле слова как об индустриализации, а во втором — как о либерализации. Мне кажется, что этот подход ошибочен, так как, во-первых, в современном мире экономическая модернизация не может сводиться к одной только индустриализации, и, во-вторых, упрочение институтов не всегда является основой либерализма: например, современная российская экономика куда более «либеральна», чем квазисоциалистическая европейская. Таким образом, мы рискуем углубиться в очередные терминологические споры, не ведущие к реальному приращению знания.

Я предпочитаю говорить о модернизации как о сугубо экономическом процессе, результатом которого становится современная саморегулирующаяся экономика, способная к устойчивому саморазвитию. При этом построение данной экономики требует серьезных консолидированных усилий общества и государства, направленных на слом прежних хозяйственных структур, открытие страны к внешнему миру и переориентирование общественного сознания с традиционных ценностей и почерпнутых из прошлого идеалов в будущее. Именно в этом контексте я утверждаю, что критерием успешности модернизации является отсутствие потребности в новых модернизациях (см.: Inozemtsev, Vladislav. «Dilemmas of Russia's Modernization» // Krastev, Ivan; Leonard, Mark and Wilson, Andrew (eds.) What Does Russia Think? London: ECRF, 2009, pp. 46–47; Иноземцев Владислав. «История и уроки российских модернизаций // Россия и современный мир, № 2 [67], апрель-июнь 2010, с. 6–11) если модернизация успешна, в относительно короткой исторической перспективе (от 50 до 100 лет и более) у страны не возникает необходимости в новой мобилизации. Важнейшими итогами экономической модернизации являются: повышение уровня жизни населения; появление конкурентоспособной индустрии, выпускающей потребительские товары и промышленное оборудование; включение страны в мировую торговлю как поставщика этих товаров; возникновение устойчивого спроса на отечественные технологии и постепенный выход этих технологий на мировой рынок. В институциональной сфере следствием модернизации становится укрепление судебной власти, поощрение предпринимательства, упрочение институтов частной собственности, а также либерализация инвестиционной деятельности на территории страны и для местных, и для иностранных инвесторов.

Успешная экономическая модернизация создает предпосылки для процесса, который я, применяя термин Т. фон Лауэ и С. Латуша, назвал бы вестернизацией (см.: Laue, Theodore H., von. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 1987; Latouche, Serge. The Westernization of the World, Cambridge: Polity, 1996). В данном случае речь идет о принятии западных норм и институтов (я осознанно не говорю о «ценностях», так как убежден, что они играют гораздо меньшую роль, чем общественные нормы (см. Иноземцев Владислав. «О ценностях и нормах» // Независимая газета, 2010, 5 марта, с. 3), формировании демократической политической системы, подотчетности власти избирателям, обеспечении свободы слова и доступа к информации, а также некоторых иных признаках западных обществ. Я делаю акцент на понятии «вестернизация» потому, что практика развития целого ряда обществ свидетельствует: успешная модернизация может до поры до времени (и мы не знаем сегодня, насколько долго в нынешних условиях) не сопровождаться принятием западных норм. Поэтому я считаю, что модернизация и вестернизация — взаимодополняющие, но не тождественные, процессы.

Взаимосвязь между ними — пусть и в оригинальных терминах — описана в известной книге Ф. Закарии, который говорит о том, что «либеральная автократия» выступает идеальным основанием для развития в полной мере либерального общества, восприимчивого к западным ценностям, и считает, что предпосылки для перехода от первой ко второму обусловлены достижением определенного уровня жизни, в условиях которого требования демократии становятся непреодолимыми. Я солидарен с этим подходом и воспринимаю модернизацию России как важнейшую предпосылку для ее последующей вестернизации. Именно поэтому я выступаю сегодня за максимально напористую экономическую модернизацию страны.

Замечу, что в отношении России логика Ф. Закарии применима даже в большей мере, чем в отношении других стран. История Советского Союза и России, к сожалению, такова, что периоды демократизации совпадали с глубокими экономическими кризисами (что имело место в 1917-м году, а затем в 1990–1998 годах). Несомненно, причины хозяйственных катастроф не имели ничего общего с распространением демократических норм, однако в общественном сознании демократия сейчас прочно ассоциируется с хаосом. Модернизация в такой стране, как Россия должна несомненно предшествовать вестернизации (исключением может стать жесткое параллельное насаждение западных норм, какое могло бы произойти в случае интеграции России в ЕС и утраты страной части суверенных прав, что пока маловероятно). Помимо исторических факторов следует также иметь в виду, что сейчас в России доминирует распределительная экономика, в рамках которой более 60 % бюджета наполняются доходами, так или иначе связанными с добычей и экспортом сырья, а около 48 % сборов в бюджет поступают не в виде налогов, а в виде таможенных платежей. В таких условиях власть «подкармливает» граждан за счет отдельных отраслей и компаний, в которых занято незначительное большинство населения, что в значительной мере объясняет социальную пассивность. Пока русские не начнут производить большую часть национального достояния своими руками, а не выкачивать ее из земли, в стране не появится основ для формирования общества западного типа — ведь вестернизированное общество много веков было обществом производителей, прежде чем стать «потребительским обществом».

Все это подчеркивает: основной задачей для современной России должна стать экономическая и технологическая модернизация, которая превратила бы страну в мощную индустриальную державу. Экономики, изначально ориентирующиеся на сырьевой

сектор, не бывают либеральными (хотя либеральные экономики, получив доступ к большим ресурсам сырья, не перестают таковыми быть) — тому есть масса подтверждений, и поэтому Россия, если она стремится стать либеральной западной страной, должна быть индустриальной экономикой. Решить эту задачу и призвана новая модернизация.

Прежде чем перейти к сравнению нынешней модернизации России с уже не раз предпринимавшимися в прошлом, я хочу сделать замечание относительно соотношения индустриализации и технологического развития. Предложенная президентом Д. Медведевым программа модернизации основывается на идее ускоренного технологического развития — которая в последнее время принимает форму пропаганды развития информационно-коммуникационных технологий, ядерной энергетики и космических исследований. На мой взгляд, переход России от «сырьевой экономики» и «экономике знаний» невозможен по нескольким причинам. Во-первых, в стране отсутствуют научно-технические кадры, способные существенно развить новейшие направления в технологиях. Во-вторых, стремительно разрушается система высшего образования, а отток молодых специалистов за рубеж нарастает. В-третьих, промышленность не предъявляет спроса на новые технологии и отторгает их вследствие высокого монополизма в большинстве отраслей. В-четвертых, совершенно очевидно, что даже в США собственно экспорт патентов и интеллектуальной продукции невелик (большая часть приходится на промышленные товары), а в России он окажется и того меньше; соответственно, развитие «экономики знаний» не станет драйвером российской модернизации. Более того; в последние годы исследования экономистов Всемирного банка свидетельствуют, что страны, применяющие новейшие технологии, демонстрируют более высокие темпы роста, чем те, кто их изобретает (см. подробнее: Малкин, Вадим. «Высокотехнологическая ловушка: зачем России инновации» в: Ведомости, 2010, 17 ноября, с. 6). К тому же практика показывает, что в сфере высоких технологий во всем мире формируется все более жесткая конкуренция, а цены на высокотехнологичные товары стремительно снижаются немедленно после начала их широкой коммерциализации; российская же экономика в ее нынешнем виде может развиваться лишь в условиях постоянного роста издержек и цен (см. подробнее: Иноземцев Владислав. «Издержавшаяся страна» // Ведомости, 2010, 31 мая, с. 6 и Иноземцев Владислав. «Причины сверхрасходов» // Ведомости, 1 июня 2010 г., с. 4). Все это дает дополнительные основания полагать, что нынешняя модернизация России может быть лишь индустриальной.

Нынешняя модернизация и прежние попытки развития

Данная точка зрения постепенно прокладывает себе дорогу в России, хотя многие авторы — как отечественные, так и зарубежные — высказывают сомнения в необходимости такой «новой индустриализации». Возражения сводятся обычно к двум группам аргументов.

С одной стороны, говорится о том, что Россия уже сегодня стала страной с относительно высоким уровнем жизни и высокими доходами населения, и потому здесь нельзя использовать классический метод индустриального прорыва, основанный в большинстве случаев на использовании дешевой рабочей силы. Сторонники такой точки зрения, как правило, поддерживают тех, кто выступает за «большой скачок» из сырьевой экономики в постиндустриальную.

С другой стороны, некоторые эксперты обращают внимание на то, что в 1930-е годы Советский Союз уже построил мощную индустриальную базу, а в 1950-е — 1960-е годы стал одним из мировых технологических лидеров; следовательно, период развития промышленности уже остался позади, и сейчас было бы правильнее сосредоточиться на решении более перспективных задач. Эта позиция также укрепляет лагерь сторонников развития «экономики знаний».

Основным контраргументом я считаю тезис о том, что индустриализация и развитие научно-технического прогресса в Советском Союзе были реализованы без каких-либо поправок рыночных законов и без учета представлений о конкурентоспособности. СССР оставался очень закрытой экономикой (даже в непосредственно предшествующие его распаду годы экспорт составлял не более 4 % ВВП, причем около 58 % его направлялось в социалистические страны, где конкуренции советским товарам также не наблюдалось), и его промышленная продукция, во-первых, отличалась крайне низким качеством и значительной материалоемкостью, и, во-вторых, практически не совершенствовалась (за исключением случаев, когда такое совершенствование, как в военной сфере) выглядело абсолютно необходимым. Да, Советский Союз был индустриальной державой, а его экономика — второй в мире, однако если сравнить присутствие китайских товаров на мировом рынке в начале 2000-х годов с присутствием на нем советских в начале 1980-х, «цена» советской индустриализации становится ясной немедленно. Спецификой этого времени было то, что СССР существовал как индустриальная держава, но не воспринимался в мире как таковая.

Именно поэтому первая же попытка «повернуть экономику лицом к человеку», известная в перестроечное время как ускорение и конверсия, разрушила прежнюю советскую индустрию и не создала никакой иной. Вместо того, чтобы предложить миру конкурентоспособную промышленность, Россия превратилась в сырьевой аппендикс развитого мира: если в 1990 году на минеральное топливо приходилось 37,5 % экспорта, то к середине 1990-х — более 48 %, а к 2008 году — 65,3 %. Индустриализация, направленная на завоевание реального рынка, оказалась слишком сложна для российских промышленников, и потому de facto была отвергнута. Вплоть до наших дней Россия даже относительно не приблизилась к показателям РСФСР советского периода по производству базовых несырьевых товаров: за период с 1985 по 2009 год выпуск на территории России минеральных удобрений, бумаги, стали, цемента и легковых автомобилей снизился соответственно в 1,21, 1,28, 1,49, 1,78 и 1,95 раза, а грузовых автомобилей, тракторов, часов и фотоаппаратов — в 6,34,91 и 600 (!) раз (см. подробнее: Иноземцев Владислав. «1985: воспоминания о настоящем» // Свободная мысль, 2010, № 9, с. 5—16). Я и не говорю о том, что в стране не производятся мобильные телефоны и оборудования для развертывания систем спутниковой связи, существует только крупномодульная сборка компьютеров, отсутствует производство большинства видов оргтехники и копировального оборудования, бытовой аудио-, фото- и видеотехники, а также сложной бытовой техники. Зависимость от импорта во всех перечисленных отраслях составляет сегодня 90 % и выше.

В свое время М. Горбачев как о главной задаче перестройки говорил о построении «социализма с человеческим лицом». Сегодня, на мой взгляд, следует задуматься об «индустриализации с человеческим лицом». Она не должна, как прежде, сосредотачиваться на тяжелой промышленности и способствовать экономической закрытости. Она не должна и не может быть «фронтальной». Задача «новой индустриализации» в России — обеспечить создание новых, ориентированных на конечного потребителя, отраслей, вовлечение их в глобальное разделение труда и постепенное превращение России в государство, известное не только как крупнейший производитель нефти, но и как значимый экспортер промышленных товаров. Япония и Китай заставили Запад задуматься о перспективах глобальной геополитической игры не тогда, когда они провели космические или ядерные испытания, а тогда, когда полки американских магазинов оказались заполнены товарами «made in Japan» или «made in China». И если Россия хочет занять достойное место в экономике XXI века, надпись «made in Russia» должна быть знакома потребителям на всех континентах.

Новая индустриализация России должна принимать во внимание существующие в глобальном хозяйстве ниши и использовать естественное конкурентные преимущества страны (в первую очередь обильные и дешевые природные ресурсы, но об этом позже). Ее важнейшими чертами должна быть четкая отраслевая направленность и ориентация не на импортозамещение, а не продажи продукции как внутри страны, так и за рубежом. Совершенно правы те теоретики, которые говорят, что импортозамещающая индустриализация не только не отвечает задачам сегодняшнего дня, но и никогда не достигала заявлявшихся целей (см.: Bhagwati, Jagdish. In Defense of Globalization: How the New World Economy Is Helping Rich and Poor Alike, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2004). Поэтому российская модернизация XXI века, чтобы оказаться успешной, не должна повторять шаблоны прежних модернизационных попыток.

Условиями успешной модернизации страны могут стать: повышение нормы накопления; регулируемое государством резкое снижение прибыльности сырьевых отраслей ради повышения инвестиционной привлекательности индустриального сектора; введение европейских стандартов и норм технического регулирования; улучшение инвестиционного климата через резкое

снижение роли и масштабов бюрократического регулирования; и, наконец, постепенный отход от «кланового» метода подбора кадров и переход к меритократическому. Россия сможет начать поступательное развитие только тогда, когда основную роль в определении ее политического и экономического курса будут играть не представители сырьевых монополий, а компании, укрепившие свои позиции в ходе «новой индустриализации».

«Дискуссия» о модернизации: кто «за», кто «против»

Резкие исторические повороты не только сопровождаются, как правило, политической борьбой, но и предваряются серьезным интеллектуальным брожением. От Великой Французской революции до Октябрьского переворота и горбачевской перестройки это правило не нарушалось практически никогда. Учитывая судьбоносность происходящих перемен, не вызывает удивления, что общество, сталкиваясь с ними, иногда раскалывается на два противоположных и непримиримых лагеря, в противостоянии которых и выкристаллизовываются планы реформ.

Ничего подобного в современной России не происходит. Провозглашенная президентом Д. Медведевым модернизация была воспринята откровенно прохладно. Никто не высказал возражений против предложенного плана или обозначенных приоритетов. При этом большинство из тех, кто горячо приветствовал модернизационные планы, отнюдь не замечены в реальных делах, способствующих трансформации российских экономики и политики. С одной стороны, это можно объяснить: модернизация в том ее виде, в каком она была представлена главой государства, приемлема для всех — даже великодержавные шовинисты отнюдь не возражают против того, чтобы Россия была более сильным и технологически прогрессивным государством. Политические силы — и даже «Единая Россия», большинство членов которой известны только безудержным казнокрадством, — также не отвергли идею модернизации, хотя еще недавно с большим энтузиазмом поддерживали курс на создание «энергетической сверхдержавы» на базе «суверенной демократии». Президент Д. Медведев осознает такое положение вещей, но, видимо, не видит в нем ничего экстраординарного; в сентябре 2010 года, встречаясь в Ярославле с группой российских и иностранных политологов, на вопрос о том, не следует ли создать мощную общественную силу в поддержку модернизации, он ответил отрицательно, мотивировав свое мнение так: «Во всяком случае, глаза в глаза мне никто не говорил: «Мы против модернизации, давайте законсервируем все как было, мы развивались абсолютно правильно, у нас все хорошо, ничего не трогайте, не дай бог, что-нибудь испортите, разрушите»» (цит. по: www.kremlin.ru/news/8882). В данном случае я вижу очевидную подмену понятий: если никто не выступает против чего-либо, это еще отнюдь не означает, что все выступают «за». Отсутствие оппозиции не следует считать выражением поддержки.

На мой взгляд, все это указывает на крайнюю опасность, в которой находится модернизационная повестка дня в России. Наиболее серьезная угроза исходит от трех теоретических постулатов, которые сегодня обозначились весьма четко.

Во-первых, это позиция, которую изложил президент Д. Медведев. Сегодня модернизация в России невыгодна очень многим. Она неприемлема для представителей сырьевой олигархии, так как только урезание ее баснословных прибылей может обеспечить ресурсы для модернизации страны. Она угрожает бюрократам и силовикам, привыкшим паразитировать на бесправии предпринимателей и граждан, в то время как модернизация призвана раскрепостить хозяйственную инициативу. Она невыгодна правящей партии, «Единой России», так как требует иного принципа подбора и расстановки кадров, кроме критерия близости к ее пожизненному сакральному лидеру. Она может стать катастрофой для крупнейших квазигосударственных предприятий, скрывающих собственную неэффективность за псевдомодернизационной риторикой. Куда менее слабы и многочисленны группы тех, кто реально заинтересован в модернизации — и это не должно удивлять, ведь реформы всегда начинало меньшинство. Поэтому попытка «никого не обидеть» в ходе модернизации, проявляющаяся в последние месяцы все сильнее, способна полностью выхолостить ее содержание. Пока общество не начнет поляризовываться на основе отношения к модернизации, можно считать, что она еще не началась.

Во-вторых, это тезис о том, что «модернизации в сегодняшней России нет альтернативы». Данная мысль красной нитью проходит в трудах большинства тех, кто считает себя специалистами по модернизации (см.: Дискин, Иосиф. Кризис… И все же модернизация! Москва, Издательство «Европа», 2009, с. 7–16). Однако на деле такая позиция очень опасна. Совершенно не очевидно, что модернизация завершится успехом — но укорененное мнение о том, что она не может быть неудачной или провалиться почти наверняка трансформируется в утверждение о том, что «в общем и целом» модернизация удалась, и на ближайшее время данный вопрос может быть снят с повестки дня. Такая подмена понятий очень распространена в современной России: мы видели провалившуюся административную реформу, которую задним числом велено было считать удавшейся; реформу армии, которая большинством экспертов воспринимается как катастрофа, но при этом всячески приветствуется сверху; новации в области образования, отношения к которым со стороны специалистов и власти разнятся диаметрально. Поэтому, сходясь в утверждении о том, что «модернизации нет альтернативы», ее состоящие на содержании у власти адепты создают предпосылки для сведения ее на нет уже в относительно недалеком будущем.

В-третьих, катастрофически негативное влияние на дискуссию оказывает постоянно воспроизводящееся отождествление модернизации с технологическим инноваторством. Мы уже говорили о том, что последние десятилетия на подтверждают гипотезу о более быстром или успешном экономическом росте государств, сделавших ставку на инновации. Более того; разрушенные научная и производственная базы в России не дают основания надеяться на успешность широкой программы развития инновационного сектора. Между тем искусственное смещение акцента на инновации, и, более того, в сторону коммуникационных и информационных технологий объективно приводит к сокращению доли тех, кто с полным осознанием своей миссии станет «прорабами модернизации». Достаточно вспомнить, как в 1960-е годы перебравшиеся в города корейские бедняки стали движущей силой тамошнего промышленного переворота и как китайские крестьяне на рубеже 1970-х и 1980-х годов оказались «мотором» рыночных реформ, чтобы понять: социальная база модернизации должна быть максимально широкой, а не сводиться к сообществу «яйцеголовых», синих от сидения перед мониторами, программистов и блоггеров.

Оценивая состояние обсуждения проблемы модернизации в современной России, можно констатировать как минимум четыре важных момента. Модернизация не рассматривается как радикальная смена социальной и экономической парадигмы, и потому не становится темой, способной спровоцировать социальный конфликт, который мог бы послужить целям развития.

Модернизация умело выставляется как проект частный — отраслевой (пять направлений модернизации) или инновационный, — который способен затронуть судьбы и интересы лишь части населения. Модернизация считается неизбежной — а это означает, что глубокого ее обсуждения вообще не требуется. И, наконец, модернизация даже почти через четыре года после ее «объявления» не имеет ни качественных, ни количественных целей и ориентиров, а также критериев, отражающих степень прогресса на этом пути.

Таким образом, я бы рискнул утверждать, что значимой дискуссии по вопросам модернизации в современной России нет. Существуют группы экспертов, которые в «пожарном» порядке дорабатывают бессодержательную «Стратегию-2020», принятую В. Путиным в самый канун экономического кризиса. Есть и альтернативные центры, которые предлагают иногда весьма радикальные и в целом обоснованные рецепты реформ. Однако эти позиции просто заявляются, а не вбрасываются в общественное поле. От власти — в том числе и от президента Д. Медведева — не исходит заказа на серьезное и глубокое изучение как нынешнего состояния российской экономики, так и перспектив ее развития. Отсюда мой скептицизм относительно того, способна ли Россия самостоятельно выработать программу модернизации и реализовать ее. На этот вопрос я отвечаю категорическим «нет».

Каковы шансы на успех?

Соответственно и на основной вопрос: имеет ли российская модернизация шанс на успех — я отвечаю отрицательно. Причина тому — не в проклятии российской истории, архаичности русской культуры, забитости народа, превратностях климата или излишнем сырьевом изобилии. Достаточно взглянуть на россиян, перебравшихся за рубеж, чтобы понять: наши соотечественники, как правило, не менее способны к творческой самореализации в бизнесе или науке, чем американцы или европейцы. Российский народ в 1990-е годы проявил не меньше смекалки, чем в самые трудные годы XX века, выстоял в испытаниях, с которыми могут сравниться военные времена, пересмотрел прежние ценности и воспринял новые. Этот народ как никакой другой способен к инновациям и предпринимательству. Проблема в России — не в народе, а во власти, ее задачах и целях.

Российская власть сегодня — это предприниматели, оказавшиеся в бюрократических кабинетах. Ее главная задача — заработать на безбедную жизнь, в идеале вне границ собственной страны. Уже этот факт существенно сокращает шансы на модернизацию, так как провоцирует мощный конфликт целей, которого не было (или практически не было) в большинстве успешно модернизировавшихся стран, где политика была относительно четко отделена от бизнеса. Дополнительная проблема связана с тем, что интересы большинства политических лидеров, министров и депутатов связаны с сырьевым бизнесом или с дележом бюджетных средств, также получаемых от сырьевых отраслей. Все это означает: власть не может быть заинтересована в модернизации, которая объективно представляет собой уход от сырьевой зависимости. И это перевесит все «за», которые могут быть высказаны в поддержку модернизации.

Не менее важным фактором выступает и то, что путинский режим создал совершенно новое общество, в котором полностью обесценены коллективные действия. Людям куда проще «решить свои проблемы» с государством в индивидуальном порядке, чем пытаться реформировать сложившуюся систему. Более того; в отличие от советских времен, российское общество намного свободнее, и у людей существует возможность «не сталкиваться» с государством, уходя в частную жизнь, «реализовывая» себя в социальных сетях или просто покидая страну. Это абсолютно новый феномен — свободное общество в авторитарно управляемой стране — предполагает полную невозможность разрушения сложившейся системы «снизу», так как протестный потенциал в значительной мере утрачен.

И, наконец, нельзя не принимать во внимание чисто экономических аспектов. Основная часть российской промышленности приватизирована в 1990-е годы, и сегодня собственники предприятий не заинтересованы в инновациях, так как фактически пользуются дармовыми производственными фондами. Достаточно сказать, что производство основной продукции, никеля, в рамках одной из крупнейших российских компаний, ГМК «Норильский никель», вообще ничего не стоит, так как все издержки предприятия покрываются от продажи побочного продукта, металлов платиновой группы. И это справедливо далеко не только в отношении данной компании. Можно ли в такой ситуации предполагать, что крупные российские промышленники будут инвестировать в свои производства для повышения конкурентоспособности? Экономика задавлена также и монополизмом, причем государство вполне ему потворствует: так, когда в 2006 году Федеральная антимонопольная служба дала согласие на образование крупнейшего производителя алюминия — ОК «Русал», — единственным условием стало требование, чтобы новая компания не продавала свой продукт в России более чем на 5 % дороже текущих котировок на LME. Все это показывает: предпосылок для развития конкуренции и инвестирования в ее повышение — а это ключевые элементы модернизации — в России нет. И ликвидированы они той самой властью, которая и сегодня управляет страной.

Означает ли это, что Россия обречена? На мой взгляд, нет. Великой заслугой президента Д. Медведева и его модернизационного проекта, вне зависимости от того, какой окажется судьба этого начинания, да и самого президента, явилось то, что он поставил амбициозные цели перед достаточно свободной страной — страной, существенно отличающейся от Советского Союза. Провал попытки модернизации несомненно вызовет осмысление его причин и возможных последствий — и на этом пути сформируются теоретики и практики новых, более успешных, модернизаций. Скажу со всей определенностью: модернизации России есть альтернатива. Эта альтернатива — в прозябании в статусе «сырьевого придатка» сначала Европы, а затем, когда она разработает более экологичные источники энергии, то Китая. Медленная деградация экономики и общества может продолжаться десятилетиями — особенно если оно смягчается существенными экспортными поступлениями. Мой оптимизм основывается в данном случае лишь на том, что большинство стран, которые осуществляли успешные модернизации, были куда более бедными, отсталыми и отрешенными от глобального разделения труда, чем Россия. И коль скоро их попытки модернизации нередко оказывались успешными, то в данной сфере поистине нет ничего невозможного — а это значит, что и к России когда-то придет успех.

Но когда? Это, пожалуй, самый главный вопрос, на который сегодня все хотят услышать ответ. Боюсь, что ответ этот не может иметь хронологической определенности — однако основное условие начала успешной модернизации можно назвать довольно легко. История показывает, что все модернизировавшиеся страны в своих попытках модернизации стремились прежде всего уйти от прошлого. Корея хотела забыть ужасы гражданской войны; Малайзия — положение британского сырьевого придатка; Бразилия стремилась покончить и с аграрной экономикой, и с памятью о годах военной диктатуры; Китай — преодолеть наследие «культурной революции» и десятилетий голода и нищеты. В этом контексте проблема России состоит в том, что у нее нет аллергии на прошлое — причем власти сегодня делают все, чтобы она не появилась. Однако, чем сильнее прославляется советский период, чем жестче клеймятся 1990-е годы, и чем активнее ведется пропаганда антиамериканских и антизападных взглядов, тем меньше шансов на модернизацию, делать которую можно только в случае, если назад будет страшно оглянуться. Поэтому реальная модернизация России начнется тогда, когда страна окажется у грани коллапса, а путинская эпоха будет восприниматься не иначе, как время самого крупного ограбления страны за последние несколько столетий. Произойдет это, к

худшему или к лучшему, не в ближайшие десять лет.

Печатается по русскому тексту статьи, опубликованной на немецком языке как: Inozemtsev, Vladislav. «Ist Russland Modernisierbar?» // Transit [Vienna], Heft 42, 2012, SS. 78–92.

Также текст публиковался в более коротком варианте на английском языке как: Inozemtsev, Vladislav. «Dilemmas of Russia's Modernization» // Krastev, Ivan; Leonard, Mark and Wilson, Andrew (eds.) What Does Russia Think? London: European Council on Foreign Relations, 2009, pp. 46–52.

(2014)

Резкие повороты во внешней политике России и управленческой практике исключили возможность согласованной выработки плана на случай экстремальной ситуации. Но именно в такой ситуации оказалась российская экономика. Повестка экономических дискуссий резко сменилась: на первый план вышли импортозамещение и финансирование реального сектора.

Экономический блок федеральной власти ищет новые подходы к росту и пытается начать дебаты об источнике необходимых для «нового прорыва» средств. Таким источником видится то наращивание бюджетного дефицита и вложение средств резервных фондов в конкретные инвестиционные проекты, то «накачка» деньгами банковской системы. Однако и направления прорыва, и его главные действующие лица пока вынесены за скобки.

Это фундаментальный недостаток экономической дискуссии в стране: люди озабочены, если говорить на финансовом языке, пассивами — но никто не задумывается о качестве активов, в которые их предполагается вложить. Между тем второй вопрос, на наш взгляд, неизмеримо важнее первого.

Россия — страна непрекращающихся модернизаций: как человек, который постоянно лечится, но так и не становится здоровым. Понимание, в чем состоят особенности российских модернизаций, критически важно для проведения каждой последующей волны реформ — но его, похоже, у нас так и не возникает. Не претендуя на исчерпывающие трактовки, обратим внимание на три пункта, мимо которых попросту нельзя пройти.

Первый

Четыре больших модернизационных усилия, предпринятых нашей страной за последние 300 лет (реформы Петра I, ускоренное развитие в конце XIX — начале XX века, сталинская индустриализация и формирование современной российской экономики в 1960—1970-е годы), во многом отличались — но в одном они были схожи. Их общей чертой выступал масштабный трансферт технологий (производственных и социальных) из внешнего мира в Россию. В первом случае речь шла не только о заимствовании приемов промышленного производства, перенимании методов организации военного дела и государственной службы, но и об «импорте» значительной части самого управляющего класса (к концу царствования Петра I иностранцы занимали до 15 % средних и высших должностей на гражданской службе и до 30 % — в армии и на флоте).

Во втором — о гигантском по своим масштабам импорте оборудования и о невиданном в истории страны притоке иностранного капитала и менеджеров. 69 % железных дорог в России к 1900 году принадлежали акционерным обществам с иностранным участием, не говоря о петербургских предприятиях электротехнической промышленности, нефтяных скважинах Баку и угольных шахтах Юзовки.

В третьем — о мощном притоке технологий и тотальном переносе производственных практик. В годы индустриализации в СССР по западным проектам и с применением импортного оборудования было построено более 500 крупных предприятий, которые до сегодняшнего дня составляют стратегический каркас российской экономики.

В четвертом — о критической зависимости СССР от ряда технологических решений и импорте оборудования для автомобильной, нефтегазовой, машиностроительной отраслей и того, что сегодня называется элементной базой.

Заметим, практически во всех случаях (исключением может считаться разве что рубеж XIX и XX столетий) реформы проводились за счет внутренних источников финансирования, но при использовании заимствованных технологий и практик. Это важнейший из уроков российских модернизаций: они не только были догоняющими, но и основывались на технологическом трансферте, который ни разу так и не перерос в органическое развитие. Отчасти этот трансферт потому и казался Европе «безопасным», что к середине XX века стало понятно: российская и советская система управления может адаптировать технологии к своим нуждам, но развить их не сумеет.

Второй

Получив новые технологии, в России применяли их прежде всего для количественного роста — и при этом практически всегда проигрывали как в самом количестве, так и в качестве. Аккумулировавшиеся ресурсы использовались для освоения пространства, реализации гиперпроектов, для наращивания валовых показателей. Предполагалось, что такие цели сами по себе оправдывали затраты — от строительства Санкт-Петербурга до освоения советских «северов», от строек первых пятилеток до БАМа и углеводородопроводов. Это порождало особую логику.

С одной стороны, «вала» было легче всего достичь там, где не требовалось радикальных новаций. К 1986 году, когда отчетливо выявились все недостатки административной системы, СССР занимал первое место в мире по добыче нефти и газа, производству стали и минеральных удобрений, сахарной свеклы и картофеля — но вчистую проигрывал в высокотехнологическом секторе.

С другой стороны, задача повышения темпов прироста экономики всегда доминировала над целью усвоения новых технологических укладов; и даже умиравшая советская экономика стремилась скорее к «ускорению», чем к перестройке.

По сути, все российско-советские модернизации выдержаны в едином ключе: осознавая отставание страны, ее лидеры находили источник финансирования преобразований, затем перенимали передовые технологии извне, осваивали их и стремились максимально использовать для целей расширения той экономики, которая возникала из первичного трансферта технологий. Когда технологический уклад устаревал (как в годы первой Крымской войны, в 1920-е или в 1980-е годы), неизбежно наступал очередной кризис. При этом на каждом новом цикле экономика России оказывалась «монокультурной» и переходила на новый этап развития через мобилизацию, по сути, единственного ресурса: на рубеже XVII и XVIII веков экспорт более чем наполовину состоял из леса и пеньки, в годы советской индустриализации — из хлеба и золота на 60 %, в современной России на топливно-энергетические товары приходится порядка 70 %.

Таким образом, ни одна модернизация в итоге не воплощалась в индустриализацию современного на тот момент уровня и не способствовала встраиванию России на равных в глобальную экономику, а уж тем более «обратному трансферту» технологий и практик в направлении развитого мира.

Третий

Это обстоятельство сегодня особенно важно. Все российские модернизации проходили в условиях, когда цели экономического роста определялись государством. Оно же выступало и основным источником инвестиций — собранные подати и налоги, как и природная рента, направлялись в отрасли, признанные приоритетными. Так как приоритетность не предполагала вопроса об эффективности, финансы десятилетиями извлекались из относительно успешных секторов хозяйства и перераспределялись в пользу тех, чья эффективность была как минимум неочевидна. Это создавало иллюзию бурной деятельности правительства и великих свершений страны — но на каждом новом повороте порождало, с одной стороны, сокращение «производительного» класса и рост бюрократии, и, с другой стороны, огромное количество бессмысленных активов. Тысячи советских предприятий остались в новую российскую эпоху долгостроем и руинами, потому что в рыночной среде их эксплуатация приносила «отрицательный доход».

Механизм такого «инвестиционного потока» мы называем суррогатной инвестиционной системой; сегодня она включает прямые дотации из бюджета, ФНБ, ВЭБ, госбанки, РФПИ, «Роснефтегаз», госкорпорации, ОЭЗ и т. д. Ее главная миссия — перелив доходов из рентабельных бизнесов в убыточные за счет бюджета и порой Банка России. Эта система игнорирует самый мощный ограничитель роста в российской экономике: тот факт, что проблемы наши сосредоточены не столько на макро-, сколько на микроуровне — на уровне предприятий и компаний. Упорство, с каким поддерживаются госкомпании, — одна из основных причин снижения эффективности российской экономики. При этом число малых предприятий остается примерно на одном уровне с посткризисного 2009 года, а количество средних падает. Мы же убеждены: эффективность на макроуровне достижима лишь как «сумма эффективностей» на микроуровне. И направление средств в секторы, максимально зависимые от государственных инвестиций, — вне зависимости от их объема и каналов их доставки — является ошибочным.

Какие выводы можно сделать из сказанного?

Во-первых, «закрытие» страны в условиях смены глобального технологического уклада (второй машинной или третьей промышленной революции) идет вразрез с коренными интересами общества. Оно не оставляет надежд даже на новый виток «догоняющей» модернизации, не говоря уж о переходе страны на современную модель органического роста.

Во-вторых, реанимация традиционных для России «количественных» задач (от пресловутого «удвоения ВВП» до обеспечения любыми силами 40 % прироста перевозок «на восточном полигоне железных дорог») — свидетельство неистребимости в сознании нашей элиты дремучей советскости.

В-третьих, попытка нарастить централизованные инвестиции при отсутствии рыночных сил на низовом уровне — бессмысленная трата сил и средств. Суррогатная инвестиционная система сродни дырявому ведру, которое можно усиленно и активно наполнять, но нельзя наполнить. Непонимание этого — диагноз для национальной экономической политики.

Успешное экономическое развитие России требует отхода от традиционно «российско-советских» методов хозяйствования, а не их укрепления. Прежде всего следует максимально использовать (как это сделали все быстро развивавшиеся экономики Азии) возможности заимствования технологий, управленческих практик и переманивания специалистов из развитых стран. Кроме того, не стоит бояться замедления темпов роста — эту паузу следует использовать для радикальной структурной перестройки (раз уж мы потеряли такую возможность в кризис 2008–2009 годов).

Наконец, особое внимание следует уделять не макроэкономической стабильности и созданию «институтов развития» на национальном уровне, а выращиванию той низовой среды, которая может быть восприимчивой к импульсам правительственных планов. «Деревья растут снизу».

«Пассивы» в нынешних российских условиях находятся довольно легко даже в условиях ограниченности внешнего финансирования. Они, как показывает история, всегда в основном были внутренними. Проблема в том, что нам нужно радикально пересмотреть качество «активов», которые будут формироваться за счет этих средств.

Дискуссии о российской экономике часто заводят не туда: вместо того чтобы обсуждать, кого финансировать, говорят лишь о том, где взять это финансирование. Об этом мы говорили в предыдущей статье, где пришли к двум выводам. Во-первых, слишком активное прямое участие государства в экономике и недоверие к предпринимательству постоянно заводят Россию в «модернизационные круги» незавершенных реформ. Во-вторых, доходы и инвестиции оторваны друг от друга: государство забирает ресурсы из эффективных бизнесов, затрудняя их рост, и перераспределяет их в менее эффективные, где они не могут создать новых «точек роста». Без решения этих проблем развитие российской экономики невозможно. Что следовало бы предпринять?

Первое

Необходим демонтаж суррогатной инвестиционной системы — механизмов и институтов финансирования экономики за счет государственных средств. И прежде всего нужно пересмотреть отношение к крупным государственным компаниям и проектам. Сегодня «Роснефть» просит у государства 1,5 трлн руб. «Ростехнологии» так и не удивили нас ни одним действительно инновационным продуктом — зато в последнее время инвестируют то в один, то в другой проект в сырьевом секторе (Удоканское медное, Огоджинское угольное месторождения и т. д.). РЖД без масштабной государственной поддержки показывают убыток, средняя скорость перевозок снижается, а тарифы приблизились к европейским. Про стоимость строительства дорог или стадионов мы и не говорим.

С такими «чемпионами» Россия скоро обанкротится. Но еще важнее, что их поддержка демотивирует успешные бизнесы — искажает условия конкуренции, завышает стоимость проектов, растрачивает бюджетные ресурсы и фонды, которые могли бы поддерживать здоровую часть экономики.

Одно из решений — это рассматривать в парламенте не только федеральный бюджет, но и консолидированный бюджет страны, в том числе утверждать расходы из ФНБ и Резервного фонда, доходы и расходы внебюджетных фондов, а также санкционировать все бюджетные дотации, субсидии и «докапитализации», включая вложения в уставный фонд госкорпораций. Это принесло бы массу сюрпризов и высветило бы новые возможности.

Второе

Российскую налоговую систему необходимо трансформировать и сделать более справедливой. Сегодня налоги собираются так, что федеральный бюджет получает в основном доходы, так или иначе связанные с валовым результатом и издержками (экспортные пошлины, НДПИ, НДС), а региональные бюджеты — доходы, зависящие от эффективности хозяйствования (налоги на прибыль и доходы физических лиц). В итоге и у центра, и у регионов снижается заинтересованность в более эффективной экономике: у первого — в силу избыточности ресурсов, у вторых — из-за почти полного отсутствия ресурсов. «Инвестиционная» система федерального центра в последние годы ориентирована не на инвестиции, а на траты. «Институты развития» и государственные банки приходится постоянно докапитализировать, хотя их финансовые результаты не улучшаются.

Сдвиг «инвестиционной» активности в сторону инфраструктуры обусловлен, на наш взгляд, особой непрозрачностью и принципиальной неокупаемостью соответствующих трат. ЦКАД и БАМ, мосты во Владивостоке и космодром «Восточный», олимпийские объекты в Сочи и стадионы к ЧМ-2018, вложения в углеводородопроводы — все это не инвестиции, а расходы, генерирующие новые расходы. Они могут поднять статистические показатели ВВП на какой-то процент в год, что позволит написать промежуточный отчет: Россия не скатилась в рецессию. Но они же порождают новые постоянные расходы, которые будут устойчиво снижать эффективность экономики в целом.

Действующая система практически уничтожила реальную конкуренцию регионов и стала одним из факторов, останавливающих экономический рост в стране. Трансформация этой системы требует снизить долю налогов, поступающих в федеральный бюджет, и перенаправить значительную их часть в регионы.

Третье

Третий шаг — перенесение акцента с государственного и около государственного бизнеса на частный. Фундаментальная проблема России не в том, что у нас нет инноваций или новых технических решений, а в том, что их трудно коммерциализировать. Добычу сланцевого газа мы могли начать еще в 1970-е годы, но ее начали американцы в 2000-е. Строительство на основе трубобетона в СССР можно было запустить в начале 1980-х, но оно развернулось в Китае в начале 2010-х. Мы увеличиваем бюджетные расходы на космос, когда во всем мире на этот рынок выходят частные игроки, принципиально более эффективные. В России все «стратегические» предприятия унаследованы из сталинско-брежневской эпохи.

Нам нужно не столько усиление государства, сколько сильный бизнес. Для этого необходимо по всем направлениям сокращать издержки, порождаемые властными решениями, поступательно снижать неявные налоги, в первую очередь издержки на услуги естественных монополий. Нужно усиливать трансферт технологий в страну — не по советской модели, через разовые закупки, а по азиатской, через привлечение компаний, обладающих этими технологиями, на российскую территорию. Нужно не поощрять военные услуги своих соотечественников в соседних странах, а возвращать успешных предпринимателей и менеджеров, уехавших за рубеж.

Четвертое

Четвертой мерой могло бы стать новое целеполагание в стратегии развития России. В экономике XXI века доминируют отрасли, где происходит постоянное снижение издержек при совершенствовании потребительских качеств товара (IT и коммуникации, новые источники энергии) — но в России этих отраслей практически нет. Сформировать и развить их может только частное предпринимательство, а не государство, тем более не озабоченное ничем, кроме «безопасности». Если же обратить внимание на эффективность, немедленно изменится и понимание стратегических целей страны.

Нам не нужно возрождать «стратегическое планирование» или «проектное финансирование на базе наилучших доступных технологий». Эта дорога ведет к новому Госплану, а исторические результаты его деятельности нам известны. Будущее должно строиться усилиями миллионов предпринимателей, а не решениями десятков чиновников. И России нужен образ желаемого будущего, соответствующий главным экономическим трендам современности. Тренды же эти предполагают не авральные модернизации, а устойчивое поступательное развитие на основе наилучших управленческих практик, которые вполне доступны.

В правительстве начинается дискуссия о том, откуда взять средства для ускорения экономического роста. Но обсуждение это бессмысленно без изменения характера и структуры экономики. Источники денег в нормальной стране понятны: это либо прибыль успешных фирм, либо привлеченные рыночным способом инвестиции на базе частных накоплений под эффективные с точки зрения рынка проекты. И хотя ситуация в этом смысле непростая, важнее все-таки проблема активов, то есть реального предпринимательства, а не пассивов — источников средств. Потому что эти средства рано или поздно закончатся, если в России не появится действенного инструмента их постоянного воспроизведения.

Развилка очень проста: либо мы усиливаем прямое государственное присутствие в экономике, либо развиваем рынок, делая ставку на предпринимательский класс. Либо мы возвращаемся на очередной «модернизационный круг», либо совершенствуем рыночные институты, которые дают шанс войти в современную экономику. Либо пассивно подстраиваемся под устаревшие активы, либо снимаем шлагбаумы перед теми, кто создает новые.

Печатается по тексту статей: Зубов Валерий и Иноземцев Владислав. «Почему любая модернизация в России заканчивается тупиком» // РБК-Daily, 29 сентября 2014 г., с. 6 и Зубов Валерий и Иноземцев Владислав. «Как России начать новую модернизацию» // РБК, 1 октября 2014 г., с. 5.

Бесперспективность импортозамещения

В последнее время, даже несмотря на то что Запад, похоже, отказался от планов введения радикальных санкций против России, отечественные политики начинают ориентироваться на ослабление зависимости от внешнего мира, видя основу такового в импортозамещении.

В некоторых случаях (например, в оборонной сфере, сельском хозяйстве или фармацевтике) эта стратегия имеет право на существование, но ее не следовало бы делать всеобъемлющей, причем дело даже не в том, что нигде прежде в развивающихся странах она не дала заметных результатов: проблема состоит в специфике и нашего мира, и самой российской экономики.

Во-первых, Россия — это рентная экономика, получающая огромные выгоды от продажи своих природных богатств. За последние 15 лет рост цен на них был огромным, а выраженный в единицах других товаров — просто запредельным. В 1998 году ноутбук с цветным экраном и самым большим на тот момент жестким диском стоил $4000, или 380 баррелей нефти, сейчас — около $1400, или 13 баррелей. То же самое происходит и с иной электроникой, мобильными средствами связи, лекарствами-дженериками. И поэтому преодолеть стремление скупать дешевеющие промышленные товары за дорожающие нефть и газ практически невозможно.

Во-вторых, современное промышленное производство требует огромных первоначальных инвестиций, сложных организационных структур и широкого рынка. Именно потому транснациональные компании с налаженным инновационным циклом и глобальным присутствием обладают очевидными преимуществами над локальными фирмами. С 1995 года АвтоВАЗ коммерциализировал 5 новых моделей автомобилей, а Daimler-Benz — более 40. А где наши «Е-мобиль» или Marussia? Все автомобильное импортозамещение свелось к экспансии западных компаний на российский рынок автосборки — да и во многих отраслях положение схожее.

В-третьих, прогресс никогда не был таким быстрым. Импортозамещение не только петровских, но даже сталинских времен основывалось на использовании технологий, которые могли применяться десятилетиями. Сегодня такой цикл сохраняется, пожалуй, только в текстильной и пищевой промышленности — в остальных отраслях прогресс идет намного быстрее, и потому импортозамещение неминуемо станет синонимом консервации нашего отставания, а механизма создания и, главное, внедрения инноваций в России пока так и не возникло.

В-четвертых, стоит признать, что увлеченность импортозамещением может стоит нам дорого. Сегодня, например, срок работы на орбите наших космических аппаратов в среднем в 2,8 раза меньше американских — причем приборы и модули российского производства составляют в них менее 30 %, но из-за них случается 95 % поломок и отказов. А если нагрянет новая волна импортозамещения? Не будет ни ГЛОНАССа, ни телевидения высокой четкости, ни пресловутого SuperJet-100. Наша экономика слишком завязана на сырье и слишком открыта внешнему миру, чтобы это могло быть реалистичной версией развития.

На мой взгляд, чтобы обезопаситься от санкций, нужен противоположный путь — не замыкаться от мира, а стать для него незаменимым. Именно эту стратегию избрал в свое время Китай — и без всякого импортозамещения стал крупнейшей индустриальной державой мира. Сегодня нужно не сокращать промышленный импорт, а наращивать промышленный экспорт — только так можно стать и оставаться современным.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Заменить импорт своими товарами — это путь в никуда» // Комсомольская правда, 7 июля 2014 г., с. 7.

Почем модернизация?

Правительство утвердило новую редакцию госпрограмм, на которые до 2020 года потратит 80 (!) трлн рублей.

Сама по себе цифра поражает — она означает, что за 7 лет по данным направлениям предполагают израсходовать 5 федеральных бюджетов. Не менее странно выглядят и отдельные цели расходов.

Например, до 2018 года 1,55 трлн руб. направят на реализацию программы «Управление федеральным имуществом», хотя имущество и так должно приносить доход, а не требовать дополнительных трат. Правительство снова побаловало себя расходами и на забытую было модернизацию: 444,5 млрд руб. выделят на подстегивание «инновационного сценария развития», «снижение административных барьеров в экономике», «создание условий для свободы предпринимательства и конкуренции» и «сбалансированное пространственное развитие РФ».

Цели — повышение с 9,2 до 25 % доли организаций, осуществляющих технологические новации, продвижение России в рейтинге Doing Business (оценивает условия ведения бизнеса в той или иной стране. — Ред.) со 120-го на 20-е место к 2018 году и рост занятости на малых и микропредприятиях.

Однако 444,5 млрд руб. ($12,5 млрд) только на инновации — ничто. Для сравнения: в США бюджет тратит лишь на один инновационный сектор — Национальные институты здоровья — более $30 млрд в год, причем без всяких «распилов». У нас же средства будут распылены между разными подпрограммами, и их движение заинтересует скорее не экономистов, а прокуроров.

Продвижения в рейтинге Doing Business на 100 позиций менее чем за 10 лет удалось добиться лишь Грузии — в ходе радикальных реформ и в условиях помощи со стороны Запада. Мы сейчас входим в полосу экономической «закрытости», страна столкнется с нехваткой кредитных средств и экспортными ограничениями, так что наши позиции в большинстве рейтингов лишь ухудшатся.

В мире накоплен большой опыт инновационных прорывов. Например, поддержка компаний, которые экспортируют промышленные товары, и ужесточение отношения к тем, кто неконкурентен на мировом рынке. Это основа японского прорыва 1960-х и 1970-х. Но мы к этому не готовы: нам милее сохранение убыточных моногородов и поддержка «государственных чемпионов».

Другой вариант — введение стандартов, когда в оборот поступает бензин более высоких марок, запускаются в серию новые двигатели, отметаются старые строительные нормы. У нас же государство традиционно стоит стеной на этом пути: Строительные нормы и правила (СНиПы) 1970-х годов хороши тем, что за неизбежное отступление от них можно собирать мзду, а решение о переходе на бензин стандарта Евро-3 в 2011 году торпедировала… «Роснефть».

Можно, если ничего не помогает, просто поощрять конкуренцию, чего в России с ее «национальным поисковиком», «национальной платежной системой» и, разумеется, главным «национальным достоянием» как не было, так и нет.

Сама экономика России — снижение темпов ее роста с 4,9 % в первом квартале 2012 года почти до 0 % в наши дни — дает простые ответы на все вопросы. Чтобы «машина» поехала быстрее, не снять ли ее с «ручника»: уменьшить число чиновников, облегчить ведение бизнеса, снизить налоги? И для этого не нужно тратить миллиарды, зато в итоге могла бы получиться бюджетная экономия…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Почем модернизация?» // Аргументы и факты, 14 мая 2014 г., с. 20.

Патриотический закон

«Патриотический» угар, в котором пребывает в последние месяцы вся российская политическая верхушка, порождает очередные юридические новации. Государственная дума старательно трудится над законом, требующим от россиян информировать власти о наличии у них двойного гражданства и/или вида на жительство иностранного государства, полагая, что это поможет «формированию в России национально ориентированной элиты, на решения которой не смогут влиять иностранные государства».

Не приходится сомневаться, что закон будет принят: чем абсурднее выглядит тот или иной проект очередной нормы, тем больше у него шансов стать в России правилом. Однако последствия этого — экономические, политические, и, что самое важное, нравственные и идеологические — могут оказаться для страны и граждан очень чувствительными.

Экономические аспекты выглядят самыми очевидными. Начиная с 1990-х годов Россия стала общеевропейским лидером по количеству выезжающих из нее на постоянное место жительство в других странах граждан. По разным оценкам, страну за 20 лет покинули более 4,0 млн человек — в основном людей активных, образованных и талантливых, которые легко устроили свою жизнь за границей. Российская эмиграция 2000-х в Европе — это не эмиграция 1920-х; русские настолько хорошо адаптируются к западным условиям и нормам жизни, что практически не образуют диаспор (за исключением тех стран, где «русскоязычным» как потенциальной «пятой колонне» уделяют особое внимание российские власти). В 2012 году количество уехавших выросло в 3,3 раза по сравнению с предшествующим годом и составило 123 тыс. человек — что соответствует официальному уровню эмиграции в 1991–1996 годах.

Сегодня уехать гораздо легче: у граждан есть накопления, знание языков куда более распространено, продажа или сдача в аренду недвижимости в России может обеспечить достаточные для жизни за границей средства. Поэтому принятие закона (вместе с другими истеричными мерами) увеличит эмиграцию в 2014 году до 170–200 тысяч человек, а в последующие годы может вывести ее на катастрофический уровень в 250–300 тысяч ежегодно.

Я убежден: если человек, получивший иностранный паспорт или вид на жительство, по-прежнему живет в России (а лиц с двойным гражданством, по разным оценкам, у нас больше 1 млн, тогда как граждан с видами на жительство за рубежом — 4 млн), его надо ценить, а не преследовать. Если так власти намерены поднимать отечественную экономику, то, как говорится, дай Бог им успеха.

Будут и политические последствия. Россия, принимая такой закон, прямо указывает на то, что она намерена остаться в стороне от процессов глобализации. Если в 1970-е годы, например, двойное гражданство было во всем мире явлением экзотическим, то с начала 1990-х оно начало становиться привычным — и во все большем количестве стран не вызывает проблем. Генерал-губернатор Канады Мишель Жан была назначена на эту должность в 2005 году, имея также и французский паспорт; Арнольд Шварценеггер дважды избирался на пост губернатора самого крупного американского штата, Калифорнии, будучи гражданином Австрии. С 1999 года в США отменены все запреты на занятие постов в правительственных структурах для американских граждан, имеющих также и иностранный паспорт.

В Германии премьер-министром земли Нижняя Саксония с 2010 по 2013 год был женатый на немке британец Дэвид МакАлистер — и таких примеров уже сотни. В ЕС вообще de facto существует институт транснационального гражданства, и гражданин любой из стран Союза имеет право занимать любое должности в другой. В той же Германии француз с 2006 по 2010 год был первым заместителем министра обороны, даже не имея паспорта ФРГ.

Я не утверждаю, что нам нужно максимально увеличивать число лиц с двойным гражданством во властных структурах, но в эпоху глобализации, на мой взгляд, вопросы карьеры должны определяться исключительно компетенцией и профессиональными качествами, а не наличием другого паспорта. Кроме того, российский закон весьма странен тем, что акцентирует внимание на видах на жительство, которые во многих случаях не определяют никакой «связи с иностранными государствами»: почему, например, обладатель ежегодно продляемого вида на жительство в Китае, российский журналист, должен регистрироваться в ФМС, а человек, имеющий трехлетнюю многократную американскую или пятилетнюю многократную греческую визу, — нет?

Однако самое важное — не экономика и не политика, а идеология и мораль. Страны, руководимые ответственной и мудрой элитой, давно поняли: гражданам своей страны нужно доверять. Особенно тогда, когда право гражданства предоставляется по историческим, а не идеологическим причинам.

В 1940 году Уинстон Черчилль своей знаменитой речью убедил палату общин отклонить закон о запрете Коммунистической партии Великобритании — сказав, что, насколько ему известно, «британская коммунистическая партия состоит из англичан, а я не могу заставить себя опасаться англичанина», и подчеркнув, что никакие убеждения не могут сделать его соотечественника un-British.

Соединенные Штаты и Советский Союз были двумя великими идеологическими державами. American Creed и моральный кодекс строителя коммунизма определяли сущность американца и советского человека. Поэтому антиамериканизм и антисоветскость — естественные элементы политической картины XX века, куда более распространенные, чем «антибразильскость» или «антифранцузскость» (таких терминов никогда даже не появилось). Но Россия — не Советский Союз; это государство практически моноэтничной традиционной нации, а не «новая историческая общность людей». Нельзя настолько

терять адекватность сознания, чтобы обосновывать свою внешнюю политику культурно-этническими соображениями, а во внутренней эксплуатировать риторику «идеологической нации».

Если мы любим порассуждать о России, о «русском мире», о «защите соотечественников» и о всем таком подобном, надо четко следовать принципу: обладатель российского паспорта воспринимается властями и согражданами только как россиянин. Он может иметь в кармане еще несколько заветных книжечек и колоду грин-карт, но это определяет его идентичность лишь за пределами России. Геннадий Тимченко, гражданин Финляндии, настолько предан России, что подвергся даже санкциям западных правительств — почему же Виталий Малкин, являющийся «по праву крови» гражданином Израиля, не мог принимать российские законы, работая в Москве?

Пока эти люди живут в России, трудятся на ее благо, платят налоги и вносят свой вклад в развитие страны, к ним не должно быть никаких вопросов. Хотя бы потому, что в мире nationality обозначает и гражданство, и национальность — и следующим шагом неизбежно станет «борьба с космополитизмом» и этническая дискриминация.

Конечно, можно поступать иначе — так, как и поступят российские власти. Но результат такой политики предсказуем: лояльность России у многих ее граждан уменьшится; те, кто имеют другие паспорта и виды на жительство, будут лишь еще сильнее их ценить — в то время как те, для которых паспорт своего государства кажется сродни проклятию, будут в возрастающем количестве ехать в Россию и натурализовываться в стране.

В итоге Россия окажется полна россиян, все хуже говорящих по-русски, но «тесно связанных исторической идентичностью» с территориями, «входившими в состав СССР или Российской империи», а масса тех, кто родился и вырос в России, будут искать (и успешно находить) новое место жительство там, где родиться в стране необходимо только для того, чтобы стать ее президентом.

Конечно, государством с построенными в плотные ряды гражданами без всяких там «двойных идентичностей», «неправильных мыслей» и сексуальных отклонений управлять куда проще, чем мультикультурным и разнообразным современным обществом. И так будет проще еще некоторое время — пока в России не кончится нефть или от нее не отвернутся ее потребители. А если это случится, власти первыми начнут кричать, что рады всем. Но будет уже поздно.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Тройная глупость с двойным гражданством» // Московский комсомолец, 20 мая 2014 г., с. 3.

Сколько нам нужно высшего образования?

Пару месяцев назад Россия была взбудоражена сообщениями об очередном «успехе» наших образовательных реформ: несмотря на то, что на развитие среднего образования в 2013 году из бюджетов всех уровней было выделено 1,17 трлн. руб., или в 4 раза больше, чем десять лет назад, показатели ЕГЭ достигли очередного «исторического минимума». Русский язык пришлось считать сданным при показателе выше 24 баллов, математику — если тест был написан на 20 баллов или выше. И, казалось бы, стоило ждать следующего акта драмы — резкого снижения проходного балла при поступлении столь успешных выпускников в российские вузы.

Однако этого не произошло. Вступительная кампания закончилась, и можно повести первые итоги. Например, в Высшей школе экономики на один из самых престижных факультетов — Мировой экономики и мировой политики — проходной балл составил 368 баллов из 400. В самый солидный юридический вуз страны — Московскую государственную юридическую академию — для зачисления на бюджетные места по специальности «юриспрудеция» требовалось 329 баллов, на экономическом факультете МГУ по специальности «экономика» — 323. Показатели сократились по сравнению с прошлым годом всего на 6-14 пунктов. При этом ни один из ведущих гуманитарных вузов не жаловался на недостаток поступающих, несмотря на пресловутую «демографическую яму».

Что это значит? На мой взгляд, сопоставление результатов выпускных и вступительных экзаменов чрезвычайно показательно. Оно означает, что российская система высшего образования окончательно стала «двухуровневой» и распалась на действительно достойные организации, удерживающие высокие конкурсы в любых условиях, и на «вузы», готовые поглотить любое количество выпускников любого качества. В 2014 году в вузы принято около 490 тыс. новых студентов только на бюджетные места, и почти 245 тыс. на коммерческие — при общем количестве выпускников школ в 765 тыс. человек. Сегодня из возрастной группы граждан 18–24 лет в вузах учатся 69 % — против 41 % во Франции, 36 % в Соединенных Штатах и менее 17 % в Бразилии. При этом численность вузов в России сегодня почти вдвое больше, чем в начале 1990-х годов, и в условиях сокращения числа абитуриентов значительная их часть превратилась в организации по выдаче — за государственный счет и за счет обучаемых — формальных сертификатов и «высшем» образовании, о которых выпускники забывают сразу после окончания вуза.

Никто не посмеет утверждать, что в снижении качества образования вчерашних школьников есть хоть что-то положительное. Однако любой тренд, имеющий длительный и устойчивый характер, необходимо не только абстрактно «принимать во внимание», но и учитывать в конкретной практике управления. И то, что произошло этим летом в аудиториях для ЕГЭ, четко показывает: значительная часть россиян не заслуживает высшего образования — ни государственного, ни коммерческого. Именно сейчас пришла пора массового сокращения числа вузов — с нынешних почти 1000 до 600–650 штук и отзыва лицензий у тех, кто готов поглощать растущий поток неучей, жаждущих «корочек». Не делая этого, мы, с одной стороны, заставляем будущих работодателей сталкиваться с непрофессионалами, и, с другой стороны, разрушаем саму мотивацию к хорошей учебе в школе, коль скоро любому школьнику практически предначертано стать студентом.

Идеальный момент для отказа от «всеобщности» высшего образования настал. И не страшно, что студентов у нас будет два раза меньше. Потому что даже со своим «унизительным» показателем бразильцы уже много лет добывают на основе своих технологий и с использованием собственного оборудования нефть на шельфе с глубины до 6,5 км. А мы как не умели добывать ее даже к 500-метровых глубин, так и не умеем…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Долой всеобщее высшее образование!» // Комсомольская правда, 25 августа 2014 г., с. 22.

Имитация российской науки

О развитии науки в России власть говорит много и охотно практически в любой ситуации; иногда заметны не только разговоры, но и действия (как у нас принято, в основном выражающиеся в росте финансирования) — но даже это не помогает отечественной науке занять более значимые позиции в мире.

Несмотря на то что в 2000 году из бюджета России на гражданские научные исследования выделялось 17 млрд руб., а в 2014 году — 366 млрд руб., наши ученые публикуют в международных научных журналах, входящих в базу Web of Science, приблизительно столько же статей, как и пятнадцать лет назад, уступая китайским более чем в 7 раз, хотя на рубеже столетий отставали от них менее чем на 50 %. Отечественные университеты пока также не в состоянии закрепиться в элите мирового образования: в топ-100 вузов по версии Times Higher Education входят 77 американских университетов, 4 китайских и ни одного российского.

Можно ли преодолеть подобное отставание? На мой взгляд, нет — прежде всего потому, что в России наука перестала быть ценностью, а занятия ею за государственный счет, как и многое иное, во все большей степени становятся профанацией.

Как мы уже говорили, количество научных работ, опубликованных нашими учеными в ведущих мировых журналах, почти не изменилось с 2000 года — зато за это время количество кандидатских и докторских защит выросло на 24 %. «Выработка» на одного «специалиста» падает, зато заработки их растут.

Если поставлена задача сделать публикации многочисленнее (в мае 2012 года В. Путин подписал указ, согласно которому к 2015 году доля публикаций российских исследователей в Web of Science должна увеличиться до 2,44 % с нынешних 2,11 %), то у бюрократов от науки готов ответ: с 2013 года начала резко расти доля иностранных преподавателей в ведущих отечественных университетах.

Зачисляясь туда на четверть ставки и подписывая свои статьи в том числе и как сотрудники Дальневосточного или Томского университета, эти ученые «делают план» нашим вузам, получая в качестве доплаты за публикацию в 3–4 раза больше, чем гонорар, выплачиваемый за статью тем журналом, в котором она публикуется. Примеры можно продолжать, но диагноз очевиден: в России наука не является престижным делом; государство делает вид, что ее финансирует, а ученые прикидываются, что работают.

Причина наших неудач в уникальном взаимоотношении науки и экономики, науки и государства. Обычно научные исследования призваны либо развивать экономику, либо ковать престиж страны, обеспечивать ее безопасность и доказывать ее лидерство.

В Советском Союзе доминировал второй подход — и ученые, непосредственно взаимодействовавшие с государством и обеспечивавшие его нужды, занимали достойное место в стране. Важно отметить, что результаты их деятельности были видны и осязаемы — для того чтобы в них нельзя было усомниться, работали целые отрасли. Вполне может быть, что такое развитие «прикладной науки» похоронило экономику страны, но в том, что оно имело место, сомневаться не приходится.

В США преобладает первый подход: исследователи создают не только абстрактное знание, но технологии и продукты, которые стремительно коммерциализируются и делают своих изобретателей богатейшими людьми. Эти успешные предприниматели дают заказы новым ученым, финансируют университеты и развивают научную благотворительность. При этом государство вкладывает миллиарды долларов в проекты, которые оно считает приоритетными, — но залог успеха состоит в том, что интеллектуальную собственность на технологии сохраняют те, кто их создал, пусть даже за государственный счет. В этой схеме нет места «распилу» и мошенничеству — вознаграждается только талант и его успехи.

В современной России не действует ни одна из этих схем. Экономика живет на нефти и газе и не требует новых технологий, а если и требует, то таких, которые гораздо легче купить за рубежом, нежели разработать в стране. В высокотехнологичных отраслях мы настолько сильно сидим на импортной «игле», что никогда с нее не слезем — более того: современный технологичный сектор является единственным, в котором конкуренция предполагает совмещение улучшения свойств и качества товара с сокращением издержек, а последнее противоречит всем канонам российской экономики.

Именно поэтому российская наука сейчас претерпевает катастрофические изменения. От ученого и специалиста фокус переносится на «экспертов» — людей, статус которых в развитых обществах неизвестен. Эксперты — это люди, делающие вид информированности в своих областях и готовые дать советы по тем или иным (а чаще всего любым) проблемам, но не несущие за результаты таких консультаций никакой ответственности. Будучи в этом похожими на государственных управленцев путинской эпохи, они прекрасно обслуживают власть, но не могут обеспечить приращения какого-либо знания.

Сегодня распространена точка зрения о том, что современная наука требует для своего развития демократического и свободного общества. На мой взгляд, этому утверждению не находится неопровержимых доказательств — в сталинских шарашках делалось чуть ли не больше открытий, чем в куда более свободные времена. Однако гораздо более очевидно, что такая наука выступает продуктом индустриального мира.

Современная наука — система, предполагающая поиск объективной истины, ее применение в экономике и постоянные социальные перемены, обусловленные использованием ее результатов. Проблема российской науки не в том, что страна не может себе ее позволить; она в том, что общество в ней не нуждается, как не нуждается оно в квалифицированных специалистах и рабочих, в независимых политиках и в критически мыслящих депутатах. Уходя от индустриальной модели к

сырьевой, от конкурентной политики к «суверенной демократии», Россия делает отечественную науку ненужной. В обществе, открыто провозглашающем курс на консерватизм, задача увеличения числа считающихся опытными профессоров и кажущихся значимыми журнальных статей, если ее ставит президент, будет решена — но самому обществу это ничего не даст.

Я убежден: Россия как научная держава возродится только тогда, когда она вернется на путь естественного экономического развития и откажется от ее «консервативных» идеалов. Только в этом случае наука сможет стать независимой от государства и навязанной им идеологии, только в таких условиях ученые смогут служить истине, а не определенным бюрократией показателям. А пока этого не произошло, российская наука будет развиваться в той логике — и в том пространстве, — в которой развивается современная мировая наука.

Русские ученые будут делать научные открытия, печататься в ведущих журналах, получать Нобелевские премии, становиться руководителями крупнейших технологических корпораций — но делать это вне России, отгораживающей себя от глобальных тенденций. Думаю, было бы очень интересно увидеть, насколько большим является процент публикаций, выходящих за подписью русскоязычных, а не российских ученых, — я уверен, что разница составит не менее 2–3 раз.

Однако русскоязычные ученые, рассеивающиеся по миру, интересуют нашу власть намного меньше русскоязычных чернорабочих, сконцентрировавшихся в Донбассе или Караганде, — они ведь заняты делом и не пойдут за несколько сот долларов бить окна в административных зданиях. Просто потому, что даже если власти этих государств и не признают русский язык государственным, для ученых это ничего не значит — ведь языком науки «великий и могучий» быть давно уже перестал.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Имитация российской науки» // Московский комсомолец, 13 мая 2014 г., с. 3.

Снова упала российская ракета «Протон» — это уже третий случай за год с этим видом носителя. Череда неудач с ракетами вызывает много вопросов о состоянии российского космоса. Что сегодня представляет собой космическая отрасль и в какой ее части сосредоточены основные проблемы?

Постсоветские фантазеры

Первый «лик» отечественной космонавтики — это наш «главный космонавт» Дмитрий Рогозин (как зампред правительства он курирует космическую отрасль). Возводя истоки российской космической отрасли к временам киевских и новгородских князей («Россия была обречена стать великой космической державой с самого рождения нашей государственности»), Рогозин считает ближайшими задачами отечественной космонавтики колонизацию Луны (с 2030 года), начало освоения Марса и других объектов Солнечной системы. Пока же до этого далеко, нужно «добиться превосходства в космосе, создавать точки роста и точки зависти для наших влиятельных партнеров».

Но пока российские космические программы не блещут результативностью. Основная ракета, «Протон», разработана в 1960-х годах, а два новых проекта, «Русь-М» и «Ангара», так и не взлетели (программа по «Руси» свернута, а первый пуск «Ангары», на которую потрачено уже около 100 млрд руб., с 2005 года переносится в девятый раз).

Система ГЛОНАСС, создававшаяся с 1976 года, введена в строй в 2011-м с 24 спутниками против 32 у американской GPS. При этом надо иметь в виду, что старейший из действующих американских аппаратов в их системе функционирует с 1993 года, а старейший российский — с 2006-го. В 2015 году в США и Китае будут запущены новые ракеты, по всем параметрам превосходящие проектируемую «Ангару».

Но самое неприятное, что аварийность российских запусков и отказы на орбите становятся массовым явлением — по «Рокоту» и «Протону» доля неудачных запусков составляет 13,3 и 7,95 % против 1,7 % у американской Delta и полного отсутствия катастроф у Ariane и Atlas-5.

Так что бодрые заявления вице-премьера Рогозина и калейдоскопически меняющихся руководителей Роскосмоса не должны вводить в заблуждение. Кстати, кадровая ротация руководителей раз в два-три года — классическая форма покрытия как некомпетентности, так и безответственности.

«Красные портфели»

Второй «лик» отечественной космонавтики — это наши производственные объединения: РКК «Энергия», ГКНПЦ им. Хруничева, ЦСКБ «Прогресс», ИСС им. Решетнева, ГРЦ им. Макеева и десятки других, нещадно эксплуатирующих имидж давно приказавшего долго жить советского ВПК.

Сегодня эти компании претендуют на то, чтобы быть «лидерами российской промышленности», но в этом есть большая доля условности. На протяжении последних лет их продукция становится более дорогой, менее качественной и уже почти не российской.

Цена того же «Протона-М» с 2001 по 2013 год выросла с 250 млн руб. до почти 1,4 млрд руб. — полная стоимость запуска достигает $80–85 млн. Между тем американская частная компания SpaceX только что доставила на корабле Dragon грузы на МКС и возвратила «грузовик» на Землю за $84 млн.

Заявленная стоимость спутника связи «Экспресс-АМУ2» ИСС им. Решетнева достигает 6,7 млрд руб. против 4,8 млрд руб. у конкурента — европейской EADS Astrium. При этом срок производства космического аппарата составляет в России не менее 24 месяцев, а во Франции — 21 месяц.

Качество российской продукции порой ужасает. Из 48 спутников системы ГЛОНАСС, запущенных с 2004 года, шесть были потеряны на старте, 18 уже вышли из строя, девять приближаются к критическому сроку службы.

При этом в компонентах космических аппаратов приборы и модули российского производства составляют лишь около 30 %. Но именно из-за отечественных деталей случается 95 % поломок и отказов. Новой продукции почти нет — хотя с 2015 года та же SpaceX начинает эксплуатировать ракету Falcon Heavy, которая способна поднимать на низкую опорную орбиту полезный груз в 53 т. Китайцы тоже стремятся не отставать.

Не имея ни того, что стоило бы запускать, ни того, что регулярно и без проблем отрывалось бы от Земли, мы задумались о новом космодроме — на 6 градусов севернее Байконура (что вызовет снижение полезной нагрузки) и в 5 тыс. км от основных площадок производства и сбора ракет и спутников! Космодром «Восточный» обойдется не менее чем в 492 млрд руб. в ценах 2010 года, при том что аренда Байконура за последние десять лет встала нам в $1,27 млрд (45 млрд руб.), а это значит, что затраты на новый космодром окупятся через 110 лет.

Но разве это важнее «государственных интересов», которые на деле давно подменены стремлением к новым «распилам»?

Бизнесмены

Третья ипостась российского космоса — люди дела. Сегодня во всем мире космос (если не говорить о военных задачах) — это прежде всего обеспечение навигации, вещания и связи. Занятые в этой сфере компании — одни из самых инновационных и капитализированных в мире.

Об объемах их капитализации можно судить хотя бы по этой сделке: на прошлой неделе было объявлено, что американский телекоммуникационный гигант AT&T покупает за $48,5 млрд (то есть почти половину текущей стоимости «Газпрома») ведущего оператора спутникового телевидения в США DirecTV.

Но Россия не хочет делать полноценный международный бизнес в сфере космической связи — у нас есть только ФГУП «Космическая связь» и ЗАО «Газпром — Космические системы». ГПКС эксплуатирует сейчас девять коммерческих спутников, ГКС — четыре.

Если бы не неудачный пуск «Протона» 16 мая, группировка ГПКС вывела бы компанию на пятое место в мире по объему выручки от оказания услуг космической связи. Хотя конечно до Intelsat и Eutelsat с их 52 и 36 спутниками ГПКС все равно было бы еще далеко.

По сравнению с иностранными конкурентами ГПКС и ГКС приходится выживать в неблагоприятной среде — космические «генералы» вынуждают их работать на отечественном оборудовании, которое работает существенно хуже европейского, а стоит гораздо дороже. ГПКС и ГКС — главные «жертвы» «продолжающихся успехов» российской космонавтики: из десяти отечественных аппаратов, подготовленных к запуску для ГПКС в 2003–2014 годах, три были потеряны на старте, два вышли из строя за пять лет (!) до планового завершения срока эксплуатации, а два находятся в критическом состоянии.

Но при этом в отличие от многих других коллег по космической отрасли ГПКС и ГКС все же умудряются получать деньги за реально оказанные услуги, а не дымящиеся груды металлолома. Этот бизнес мог бы стать самой перспективной отраслью российской экономики, если дать ему работать по рыночным законам, а не регулировать с помощью государства.

К сожалению, настрой на импортозамещение в космической отрасли перевешивает здравый смысл и экономическую целесообразность. Из-за аварии отечественного «Протона» Россия потеряла свой самый мощный и высокотехнологичный спутник связи «Экспресс-АМ4Р», созданный европейской компанией EADS Astrium. Но в результате катастрофы были сделаны парадоксальные выводы: создание нового спутника связи взамен угробленного собираются поручить не европейскому, а российскому производителю — ИСС им. Решетнева. Это значит, что делать его будут дольше, сделают хуже и дороже. А втридорога платить за неустойчивый сигнал придется нам с вами.

Лидерству конец

Похоже, Россия доживает свои последние годы в статусе глобального космического лидера. Причин этому как минимум три.

Во-первых, мы делаем ставку на авральное импортозамещение, тогда как космическая сфера во всем мире считается едва ли не самой интернациональной. Такой «изоляционистский» подход играет на руку неповоротливых госструктур, прикрывающих технологическую отсталость административным ресурсом — и эту проблему не решить ротацией руководства или очередным укрупнением компаний.

Во-вторых, мы здорово «просели» в прогнозной аналитике по международной кооперации в области космоса да и высоких технологий в целом. Похоже, санкции США в отношении поставок комплектующих для наших спутников стали для всех неприятным сюрпризом, которому нам нечего противопоставить, кроме надоевшей демагогии и очередной порции сказок.

В-третьих, надо, наконец, понять, что современная экономика определяется конечным потребителем, а не распределителем бюджетных средств. Надо идти от спроса, а не от фантазий. Надо, чтобы коммерческие структуры, причем лучше частные, чем государственные, определяли развитие отрасли. Только в этом случае наше отставание в космической сфере прекратится, а сказки (точнее, мечты) получат шанс стать былью.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Как Россия теряет лидерство в космосе» // РБК-Daily, 26 мая 2014 г., с. 5.

Повернуться лицом к Сибири

6 апреля 2014 года состоятся выборы мэра Новосибирска — как подчеркивают их потенциальные участники и политтехнологи, самого крупного муниципалитета страны. Кандидаты начинают озвучивать свои программы, важное место в которых занимают самые различные сюжеты: политическая стабильность, социальная справедливость, поддержка науки и образования, необходимость возрождения промышленности, и многое другое. Постоянно в том или ином контексте говорится, что новосибирские выборы могут стать прелюдией к выборам в Московскую городскую думу и указать на то, какие элементы современной повестки дня в наибольшей мере волнуют российских избирателей. Новосибирск считается городом, в котором уже создана «объединенная оппозиция» и где представители разных политических сил готовы тесно взаимодействовать друг с другом в противостоянии «партии власти». Именно поэтому, говорят эксперты, эти выборы могут иметь существенное значение для политической жизни всей страны.

Вероятно, в каждой из высказанных мыслей есть доля истины. Однако все подобные лозунги, на мой взгляд, недооценивают важный фактор — а именно место, где предстоят выборы городского головы. Новосибирск — не просто крупнейший муниципалитет России; это — столица Сибири, территории, которая играет огромную (если не определяющую) роль в экономике страны. И эти выборы могли бы — при соответствующей расстановке акцентов — открыть череду электоральных кампаний, ведущихся под совершенно непривычными для оппозиции лозунгами. Стоит признать, что в последние годы выборы в Сибири (губернаторов Забайкальского и Хабаровского краев в 2013 году, мэров Омска и Красноярска в 2012 году, Томска и Владивостока в 2013 году; горсовета Красноярска и областной думы Иркутской области в 2013 году, и многие другие) были весьма блеклыми, и мало кто на них играл «всерьез», кроме «Единой России». Сейчас наступает другое время — в пределах полутора лет будут проведены выборы глав регионов в Новосибирской, Тюменской и Кемеровской областях, Красноярском и Алтайском краях, Республиках Алтай и Саха; пройдет полтора десятка кампаний по выборам региональных парламентов и мэров крупных сибирских городов. И вызывает некое удивление, почему же сибирская повестка дня практически отсутствует в заявлениях кандидатов на пост главы сибирской столицы.

Нет сомнения в том, что выборы в Сибири привлекут внимание федеральных политиков — что уже сейчас видно на примере Новосибирска. Однако странно, что оппозиция не пытается предложить гражданам не общедемократическую, а региональную повестку дня — такую, которая могла бы в ближайшие два с половиной года сплотить всех критически относящихся к нынешней ситуации избирателей во всех частях зауральской России.

Сибирь — если относить к ней все регионы страны, находящиеся к востоку от Уральских гор — сегодня объединена многими общими чертами. Тут добывается основная часть сырья, которая обеспечивает российские экспортные доходы. Если считать, что за рубеж уходит пропорциональная доля полезных ископаемых и металлов, добываемая и вырабатываемая в каждом субъекте Федерации, то Сибирь обеспечила в 2013 году около 76 % экспортных поступлений России (не будь ее, наш экспорт был бы меньше, чем у Чехии). Два источника доходов федерального бюджета — экспортная пошлина на нефть и газ и налог на добычу полезных ископаемых — дают 52 % его поступлений: это тоже показывает, как перекошена региональная структура российских финансов. С распадом СССР и деиндустриализацией страны Сибирь обрела в России совершенно особую роль. Никогда в истории Московия не зависела так сильно от своей восточной поселенческой колонии — к которой она сегодня относится совершенно по-колониальному.

Собственно говоря, именно изменение статуса Сибири могло бы стать на ближайшие годы крайне значимым для российской конструктивной оппозиции лозунгом. Для этого я вижу несколько оснований. Прежде всего, призыв к определенной автономизации региона не может восприниматься как сепаратистский — никогда часть страны, населенная представителями титульной нации, имеющая общую историю с центром, и к тому же находящаяся в довольно «сложном» внешнем окружении, не искала сецессии. Более того, стремление сибиряков перераспределить финансовые потоки в государстве не будет воспринято негативно большинством россиян, осознающих как сложности сибирской жизни, так и реальный вклад региона в экономику страны. Наконец, сокращение доходов, собираемых в Сибири и потом возвращаемых туда же через программы государственных инвестиций поможет сократить коррупцию на такие величины, которые и не снились самым активным борцам с нею. В заключение можно сказать, что тезис, согласно которому лишь снижение цен на нефть может побудить российские власти к модернизации, легко становится менее жестким, если превратить его в утверждение о том, что ровно такой же эффект может иметь оставление в Сибири части «сибирских» доходов: федеральному центру придется задуматься об отходе от рентной модели экономики, но при этом огромные средства останутся в России и будут использованы на благо россиян, живущих за Уралом. Подытоживая, я бы сказал, что большая автономность для Сибири — один из главных рычагов российской модернизации.

Я убежден: российской оппозиции — и левой, и правой, и умеренной, и более радикальной — пришло время перейти от лозунгового сотрясения воздуха к предложению реальных программ преобразования страны. В современных условиях, нравится ли это кому-то или нет, Москва остается центром отечественного консерватизма. Здесь сосредоточены все структуры, выигрывающие и от «вертикали власти», и от «ручного управления», вместе со всеми их работниками (в том числе более 550 тыс. чиновников и около 350 тыс. «силовиков»). Не надо забывать и то, что бюджет Москвы (равный 13 % федерального и превышающий по размеру бюджеты 65 российских регионов вместе взятых) формируется в основном за счет налогов крупных вертикально интегрированных компаний, реальные доходы которых формируются, опять-таки, за Уралом. Именно поэтому уверенная победа оппозиции в Москве представляется мне относительно маловероятной — даже несмотря на заметный успех альтернативных кандидатов на недавних мэрских выборах. Напротив, в Сибири и на Дальнем Востоке под лозунгом расширения прав и увеличения финансовой самостоятельности региона оппозиция может получить гораздо больше голосов, чем власть — в большинстве своем зарекомендовавшая себя как прислужник Москвы, куда из регионов изымаются денежные

потоки.

Программа, основанная на повышении роли федеративных принципов, может стать очень успешной в восточных регионах страны. Ведь элементарное их сравнение с соседями показывает, насколько успешнее те развиваются. Разве не потому, что Аляска обладает всеми возможностями реального самоуправления и имеет собственный инвестиционный фонд в $43,6 млрд., штату удается привлекать инвесторов? Сейчас там добывается более 28 млн. т нефти в год (во всей Восточной Сибири и на Дальнем Востоке — чуть более 30 млн. т), заготавливается в полтора раза больше морепродуктов, чем на всем российском тихоокеанском побережье, а население Анкориджа выросло за последние 25 лет с 226 до 298 тыс. человек, тогда как число жителей Магадана — сократилось со 152 до 96 тыс. А посмотрите на Монголию с ее готовностью привлекать иностранных инвесторов: в России с ее госкорпорациями и олигархическими монополиями с 1991 по 2012 год добыча угля сократилась на 6 %, в Монголии — выросла в 3,1 раза; меди — упала на 6 % и выросла в 4,2 раза; золота — увеличилась на 20 % и в 3,7 раза; при этом ежегодные темпы прироста ВВП у нашего соседа достигали в начале 2010-х годов 18–22 %! Я не говорю о том, что территории, подобные Сибири, всегда развивались не как государственные проекты, а как следствие частной инициативы: в Соединенных Штатах частные компании провели к Тихому океану пять железных дорог против построенной в России одной, а потом… разобрали две из них за ненадобностью. Мы же до сих пор увлечены «модернизацией» БАМа, по которому гоним на экспорт руду и уголь. Москва, которая не смогла на протяжении XX века превратить Сибирь в евразийский аналог если не Калифорнии, то хотя бы Орегона или Британской Колумбии, должна смириться с отходом от командного метода управления.

Именно Сибирь, на мой взгляд, должна стать локомотивом развития современной России. Во-первых, здесь, как я уже говорил, сосредоточены ее основные богатства и именно тут могут быть сгенерированы финансовые потоки, необходимые для повышения качества жизни местного населения. Во-вторых, закономерности развития сибирской экономики требуют следовать традиционной модернизационной парадигме: идти от добывающих секторов к развитию промышленности более высоких переделов, оттуда — к передовым промышленным технологиям, и только потом — к инновационному сектору. Пока в центральной России руководство увлечено «сколковскими» небылицами, Сибирь может указать на куда более оптимальный пример развития. В-третьих, получив более высокий уровень самостоятельности, сибирские регионы могут либерализовать налоговое и хозяйственное право и привлечь как дополнительные инвестиции, так и население, приток которых невозможно добиться бюрократическими инструкциями из Москвы. В-четвертых, только поставив в зависимость местные доходы и развитие местного бизнеса, можно добиться повышения эффективности — ключевого показателя развития, обычно игнорируемого в государственных стратегиях, определяющих будущее Сибири.

Как и четыреста лет назад, современная Россия разделена на Москву и ее окрестности, населенные глобализированной элитой, паразитирующей на эксплуатации природных богатств, и остальную страну, в которой подавляется частная инициатива и насаждается государственное хозяйство. В такой ситуации «граждане Минины» должны прийти в российскую политику из региона, который больше других ощущает на себя перекосы российской экономики и политики.

Именно поэтому выборы 2014-2015годов в Сибири имеют, на мой взгляд, исключительное значение для будущего России. Если в течение данного избирательного цикла оппозиция не выстроит разветвленный региональный «каркас» противостояния бюрократическому центру, не стоит надеяться на перемены в стране до середины 2020-х годов. Для того, чтобы достичь этого, нужна мощная и продуманная мобилизация. На выборах мэров сибирских городов и губернаторов зауральских регионов внимание электората должно сосредотачиваться не столько на пусть и популярных, но московских политиках, «нацелившихся» на тот или иной регион, сколько на авторитетных местных общественных деятелях или сибиряках, стремящихся вернуться в регион после успешной карьеры в Москве или других частях России. Задачей победы на этих выборах должна ставиться всесибирская мобилизация в поддержку российского федерализма, за повышение региональной свободы. Любой альтернативный политик, идущий на выборы мэра ли Новосибирска, губернатора ли Красноярского края, главы ли Республики Алтай, должен предлагать свое видение будущего всего сибирского макрорегиона и указывать на политиков из соседних областей, краев и республик, которые могли бы в будущем сформировать костяк «сибирской команды» российских реформаторов.

Сегодня московские политики много говорят о «повороте на Восток». С каким бы уважением я ни относился к этим концепциям, у меня есть большие сомнения в том, что к Тихому океану повернут те, чьи капиталы и дети давно отправлены в Европу. Возродить Сибирь смогут только сами сибиряки — также как американскую Аляскуи канадские Северные территории развили не политики из Вашингтона или Оттавы, а люди, не побоявшиеся переехать в эти тяжелые для жизни места. История Сибири в большей мере изобилует геройскими поступками, чем освоение американского Севера. Но повторить их смогут только свободные люди, чувствующие ответственность за судьбы собственной земли, а не реализующие геополитические амбиции кремлевских политиков или коммерческие планы московских олигархов. К таким людям — которых сегодня в Сибири много, если не большинство — и должны апеллировать политики новой генерации. Если им это удастся, и сибирская повестка дня станет краеугольным камнем российской модернизации, у страны появится шанс на успех. Но для этого необходимо, чтобы в Новосибирске и Барнауле, Красноярске и Хабаровске, Тюмени и Якутске у оппозиции была одна общая повестка дня. Только в этом случае Россия озарится светом солнца, которое, как и везде в мире, встанет на Востоке. И первый луч этого света могут приоткрыть жители самого большого сибирского города. Всего через два месяца…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Поклонение Сибири» // Коммерсант-Власть, 10 февраля 2014 г., с. 20–22.

Устойчивой может быть лишь та великая держава, которая развивается за счет своей периферии, а не тратит все свои силы на то, чтобы развивать ее. Российское же правительство идет по второму пути: плодит дотационные федеральные округа и бюрократические структуры, ими управляющие.

Ошибка России

В 2000 году Российская Федерация была разбита на семь федеральных округов. Это деление можно считать относительно сбалансированным: вес каждого из округов определялся если не населением, то территорией или вкладом в экономику страны. Однако в январе 2010 года был создан Северо-Кавказский федеральный округ, объединивший территории, доля которых в ВВП страны не достигает и 1,8 %, но бюджеты которых дотируются из центра на 45–80 %. Население этого округа — менее 9,6 млн человек. В марте 2014 года в авральном порядке был образован Крымский федеральный округ — это 0,4 % от ВВП страны, население в 2,3 млн человек, а предполагаемые расходы на развитие округа до 2020 года оцениваются более чем в 1 трлн руб.

Параллельно шло и усложнение управленческой структуры. Изначально федеральные округа курировали полномочные представители президента, но с появлением Северо-Кавказского федерального округа положение начало меняться: полномочный представитель в этом регионе получил также статус вице-премьера и, таким образом, как бы двойное подчинение Кремлю и Белому дому. В августе 2013 года в ранг вице-премьера был возведен и полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе (с долей ВВП в 4 % и населением 6,2 млн человек) — неужели Дальний Восток менее важен, чем Северный Кавказ? В результате две части страны с суммарной долей в ВВП 5,8 % и с населением, составляющим 10,9 % от общероссийского, сейчас курируют два вице-премьера, тогда как все региональное развитие — один «простой» министр.

Управление территориями продолжает усложняться. Еще в мае 2012 года было образовано Министерство по развитию Дальнего Востока с министром в ранге полпреда (потом должности разделили: министр остался министром, а полпред стал вице-премьером). По этой же схеме в марте 2014 года в добавление к Крымскому федеральному округу создали и Министерство по делам Крыма, а в мае 2014 года возникло Министерство до делам Северного Кавказа, причем за полпредом в регионе был сохранен вице-премьерский статус. Осталось открыть вакансию вице-премьера по Крыму (что, видимо, и случится по мере того, как обстановка на полуострове начнет по накалу приближаться к северокавказской), и конструкция окажется завершенной.

Было бы наивно предполагать, что запущенный российской бюрократией процесс можно быстро остановить. Месяц назад появились сообщения о том, что готовится создание министерства по делам Арктики, которое может возглавить известный полярник, единоросс Артур Чилингаров. Правительство РФ опровергло такие планы, но предложение Владимира Путина создать госкомиссию, ответственную за «реализацию арктической политики», остается в силе. Чуть ранее Михаил Прохоров предложил учредить Полярный федеральный округ, в который могли бы полностью или частично войти территории северных субъектов Российской Федерации. Арктическая зона сегодня создает не более 3 % ВВП России, а ее население — 1,1 % жителей страны. Наконец, вскоре может быть реанимирована и идея министерства по делам эксклавных территорий, а может быть, даже формирования отдельного федерального округа в границах Калининградской области — у этого субъекта Федерации проблем накопилось уж никак не меньше, чем сейчас обнаружилось в Крыму.

Если этот процесс довести до логического завершения, в России появится пять федеральных округов или специализированных министерств, руководители которых в ранге министра или даже вице-премьера будут ответственны за территории с 13,6 % населения страны, 9,5 % ВВП и триллионными инвестиционными программами, финансируемыми из центра.

Урок СССР

Сегодня модно доказывать, каким прекрасным политическим конструктом был Советский Союз — государство, перенаправлявшее гигантские ресурсы из центра в регионы и впоследствии сполна испытавшее «благодарность» окраинных территорий. После распада СССР ни одна из бывших советских республик — даже те, которые обладают огромными запасами ценных природных ресурсов, — не достигла такого уровня благосостояния, как Россия (за исключением стран Балтии, быстро переориентировавшихся на стабильный европейский путь развития). Это подтверждает существование огромного трансферта благосостояния из Москвы на периферию в советские времена. Стоит учитывать, что большинство ныне окраинных территорий самой России были в период советской власти намного более производительными, чем сегодня (достаточно сравнить тогдашние и нынешние показатели добычи нефти в Чечне или состояние сельского хозяйства в Осетии или Дагестане). Но каким бы щедрым ни был Советский Союз, он рухнул входе самого большого центробежного движения территорий, ранее составлявших единое государство.

К сожалению, Россия сегодня все более напоминает Советский Союз не только по риторике, но и по практическим действиям властей. Оказываясь «в плену у окраин», правительство в результате осознанно ставит крест на их устойчивом развитии. Сибирь и Дальний Восток на рубеже XIX и XX столетий формировались как новые центры российского экономического роста в первую очередь по причине гораздо большей свободы хозяйственной деятельности, которую получали местные крестьяне, торговцы и промышленники. Приходящая в запустение Калининградская область была житницей Пруссии также благодаря особому отношению к местным предпринимателям. Рыночно развивающиеся приарктические страны и территории — Норвегия, Исландия, северные территории Канады и Аляска — сегодня тоже не нуждаются в дотациях и «министерствах развития».

Российские власти делают большую ошибку, погребая нормальные институты федерального правительства — в том числе, например, пока не упраздненное Министерство регионального развития — под завалами новых бюрократических структур. Единственное, чего можно ждать в результате этого — переход всех регионов в статус дотационных (к чему мы в последние годы, собственно, и идем).

Вектор развития должен быть повернут от поощрения слабых к созданию условий для их развития. К 2020 году в стране не должно остаться дотационных федеральных округов. Если они есть сейчас, это свидетельство только одного: плохого качества управления территориями. Пока Россия еще является, пусть в основном и на словах, федерацией, правительство имеет все основания для диверсификации условий хозяйствования, которая позволила бы раскрепощать инициативу регионов в мобилизации местных источников развития, а не в «вышибании» денег из федерального центра. Устойчивой может быть лишь та великая держава, которая черпает развитие из своей периферии, а не тратит все свои силы на то, чтобы развивать ее. Это, пожалуй, один из важнейших уроков из истории великих империй (и Советского Союза в том числе), и к нему стоит сегодня отнестись со всем возможным вниманием.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «В плену окраин» // РБК-Daily, 28 июля 2014 г., с. 6.

Россия: остановившаяся экономика

(2014)

Сегодня Россия — 8-я экономика мира по размеру ВВП; согласно данным МВФ, страна обеспечивает 2,8 % глобального валового продукта. На протяжении большей части 2000-х годов Россия была одной из самых динамично развивающихся стран, однако с 2008 года экономический рост серьезно замедлился, и сегодня практически равен нулю. Вероятно, в 2014 и 2015 годах страну ждет «мягкая» рецессия при сокращении ВВП на 1–1,5 % ежегодно.

Говоря о России, следует отметить, что за последние 15 лет страна достигла впечатляющих экономических успехов. В 2000 году ее ВВП в рыночных ценах составлял всего €285 млрд., а доходы федерального бюджета — не более €44,5 млрд.; в 2013 году эти показатели достигли €1,5 трлн. и €310 млрд. По показателю ВВП на душу населения Россия поднялась за эти годы со 102–104 на 50–53 позиции в мировом «табели о рангах». Будучи практически банкротом после кризиса 1998 года, страна по состоянию на 30 апреля 2014 года имеет золотовалютные резервы в $471,6 млрд., занимая по данному показателю 5-е место в мире. Правительству удалось нормализовать ситуацию в целом ряде сфер: сегодня Россия имеет современную налоговую и таможенную системы, развитый банковский сектор, восстановлен престиж государственной и военной службы, утраченный в 1990-е годы.

Основой быстрого возрождения России стали, как хорошо известно, доходы от нефти. Начальный рост цен на углеводороды сначала привел к восстановлению уровней добычи сырья (производство нефти выросло с 2000 по 2006 год с 327 до 486 млн. т год, газа — с 528 до 595 млрд. куб. м), а последующее достижение ценами рекордных значений — к огромному росту доходов бюджета и накачке экономики деньгами. Следует, правда, заметить, что на протяжении всей постсоветской истории страны России не удалось нарастить добычу нефти и газа по сравнению с концом 1980-х годов, тогда как ее конкуренты быстро увеличивали объемы производства (Казахстан и Азербайджан — в 3–3,5 раза как по нефти, так и по газу, Катар — в 24 раза по газу). В результате доля России в мировой добыче нефти сократилась с 1990 по 2013 год с 16,3 до 12,8 %, в добыче газа — с 29,8 до 17,6 %, и перелома в данной тенденции ждать не приходится.

Влияние нефти и газа на экономику России огромно. Страна в 2013 году экспортировала 389 млн. т нефти и нефтепродуктов и 196 млрд. куб. м газа — доходы от их продажи составили €188 млрд., или 53,5 % всех экспортных поступлений. Пошлины на экспорт нефти и газа принесли 36,4 % доходов федерального бюджета, а вместе с налогом на добычу полезных ископаемых — 51,3 %. Согласно официальным данным Министерства финансов, в случае отсутствия этих поступлений, дефицит бюджетной системы России составил бы 10,2 % ВВП — несколько больше, чем он был в самом «кризисном» 1992 году, сразу после распада Советского Союза. Только прирост цен на нефть и газ по сравнении с 2002 годом принес России €2,05 трлн. дополнительных доходов за последние 10 лет — практически столько же, сколько составляет годовой бюджет Германии.

Нефтяные доходы обеспечивают — через бюджетное перераспределение и рыночным путем — поддержку большинства отраслей российской экономики и гарантируют рост доходов населения, выступающих драйвером конечного спроса. Здесь же кроется и второй источник нынешнего «процветания» страны: огромное текущее недоинвестирование. В 1987 году в Советском Союзе доля ВВП, направлявшаяся на инвестиции, доставляла 32,6 %; сейчас в России она редко достигает 20 %. По сути, «проедаются» не только 10–11 % ВВП, которые составляют сверхдоходы от экспорта углеводородов, но и 10–12 % ВВП, которые направляются не на инвестиции, а на текущее потребление. Результат виден всюду: энергосети изношены на 60–70 %, число региональных аэропортов с 1991 года сократилось в 8 раз, автобан между Москвой и Санкт-Петербургом строится уже более 15 лет, но так и неясно, когда будет введен в строй. Через 5-10 лет устаревание советской инфраструктуры станет самой большой проблемой России, но пока это мало кого волнует — тем более что денег на ее развитие все равно нет.

Экономика рантье предрасполагает к коррупции, которая определятся двумя обстоятельствами. С одной стороны, перераспределение нефтяных доходов позволяет не задумываться о развитии предпринимательства и создании среднего класса (сегодня более 60 % россиян, относящихся к «среднему классу» по западному уровню доходов — это чиновники и члены их семей); с другой, стремление к прочному политическому контролю вынуждает власти закрывать глаза на коррупцию во властной вертикали в случае, если ее участники сохраняют политическую лояльность. Поэтому коррупция, которая оценивается в €220 млрд. в год, или в 14 % ВВП — системная черта российской экономики. Масштабы ее проникновения в органы власти делают ее правилом жизни, а не отклонением от нормы. Бороться с ней при сохранении нынешнего режима невозможно. Укравшие до $300 млн (!) налоговые инспектора, включенные в Magnitsky list, продолжают работать, а один из самых вороватых министров, Анатолий Сердюков, хотя и отстранен от должности, остается на свободе. Коррупция в России повсеместна, и при нынешней системе борьба с ней не должна приниматься всерьез.

Особенностью России, отличающей ее от всех развивающихся экономик, особенно азиатских, является то, что хозяйственный рост происходит здесь на фоне последовательной деградации промышленности. В Китае в 2000–2010 годах средний темп роста ВВП составлял 9,8 %, а темп роста промышленного производства — 14,4 %; в Бразилии эти цифры находились на уровне 2,0 и 3,4 %, в Южной Корее — 3,7 и 6,2 %, и только в России ВВП рос в среднем на 5,3 % в год, а промышленность — всего на 3,4 %. Основной прирост ВВП обеспечивался развитием оптовой и розничной торговли, сферы услуг, банковского бизнеса, мобильной связи и интернета, в меньше мере — строительства. Редким исключением является автомобильный сектор: в последние годы перед вступлением в 2012 году в ВТО Россия смогла привлечь сборочные предприятия крупнейших западных автоконцернов (Ford, Volkswagen, Peugeot, Toyota, Daewoo), и по итогам 2013 года выпустила более 2,2 млн. легковых автомобилей, из которых всего 438 тыс. составила продукция of the Soviet-time VAZ plant. В остальном похвастаться нечем: страна импортируют 100 % мобильных телефонов и 95 % компьютеров, практически всю оргтехнику и медицинское оборудование, 85 % самолетов и 70 %

лекарственных средств. Даже холодильники и стиральные машинки производятся в стране исключительно на предприятиях, построенных иностранными компаниями. В крупнейших торговых центрах Auchan, Metro или MediaMarkt нет никаких российских товаров, кроме продуктов питания. Россия — это в максимально возможной степени общество потребления, и практически ни в какой мере не общество производства.

Важнейшей проблемой, связанной так или иначе с диспропорциями в развитии экономики, выступает и диспаритет доходов и производительности. Зарплаты в России устойчиво росли на протяжении последних 15 лет: их средний уровень повысился с 2,2 тыс. руб (€86,3) в месяц в 2000 году до 28,9 тыс. руб (€690) в 2013 году. Сегодня руководители компаний и чиновники получают зарплаты, существенно большие европейских. Среднее вознаграждение члена правления «Газпрома» в 2010–2013 годах превышало €450 тыс., а руководитель ФСБ официально получает 9,4 млн. руб (€206 тыс.) в год — немного больше, чем президент Франции. Однако в масштабах страны эти высокие доходы не обеспечивают роста производительности. Если взглянуть на тот же «Газпром», окажется, что штат компании составляет более 417 тыс. человек — на 55 % больше, чем в BP и в 4,9 раза больше, чем в Shell. В Российских железных дорогах занято… 960 тыс. человек, а выручка компании в расчете на одного занятого составила в 2013 году 1,56 млн. руб. (€36,9 тыс.) — тогда как немецкой Deutsche Bahn — €136,9 тыс., а французской государственной компании SNCF — €134,7 тыс. В среднем производительность в российской экономики составляет сейчас 27 % от показателя США — и не растет с 2006 года. Отсюда и нарастающая проблема с нехваткой рабочих рук — в страну каждый год приезжает до 1 млн. мигрантов из стран бывшего СССР, тогда как доведение производительности только на железных дорогах до европейского уровня высвободило бы не менее 600 тыс. работников. Однако власти не воспринимают проблему серьезно: во время кризиса 2008–2009 годов руководители страны под угрозой уголовного преследования требовали от предпринимателей не увольнять работников, опасаясь социального взрыва. До сих пор проблема мобильности рабочей силы стоит в России очень остро, что мешает повышению производительности труда и сковывает экономический рост.

Но главная проблема российской экономики — это не ее технологическая отсталость и не зависимость от нефтяных доходов. Главная проблема России — это ее административный аппарат и та нагрузка, которую он оказывает на экономику. Бюрократия в России была традиционно сильна всегда, но в последние годы она прибрела гипертрофированные масштабы. В России сегодня 1,84 млн. чиновников, а на общегосударственные расходы в федеральном бюджете 2014 года выделено 1,03 трлн. рублей ($28,8 млрд.). Для сравнения: в США расходы по бюджетной статье 800 (general government) предусмотрены в сумме $28,9 млрд., хотя экономика США больше российской в 8 раз. Кроме того, в стране где насчитывается 32,2 млн. мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, около 1,1 млн. служит в армии, более 900 тыс. — в МВД, около 600 тыс. — в других «силовых» структурах, и, кроме того, более 1 млн. — в частных охранных агентствах, т. е. 12 % мужского населения только «охраняют» созданное другими — часто мешая их созидательному труду. Для создания видимости деятельности работники «силовых» структур практически постоянно терроризируют и обирают бизнес — в дополнение к официальной налоговой нагрузке, которая составляла в 2013 году 33,3 % ВВП — столько же, сколько в Канаде, на 4,5 процентных пункта больше, чем в Швейцарии, на треть больше, чем в Турции и вдвое больше, чем в КНР. Не приходится удивляться, что по качеству государственного управления Россия уверенно занимает все более низкие места в глобальных рейтингах, а предприниматели стараются выводить за рубеж значительную часть своих доходов (за 2008–2013 годы официальный capital flight превысил $425 млрд.). Ответом властей остаются попытки увеличить налоговые сборы: в среднем в 2011–2012 годах поправки в Налоговый кодекс вносились Государственной Думой один раз в три (!) недели. Результат налицо: экономический рост в России резко замедлился: с 4,9 % в первом квартале 2012 года до 0,7 % в первом квартале 2014 года — причем, как полагают специалисты рейтинговых агентств, сегодня экономика страны уже находится в рецессии.

Реакцией на произвол власти в России становится «офшоризация» экономики. Все крупнейшие частные компании сегодня принадлежат холдингам, зарегистрированным на Кипре, B VI и в других офшорных юрисдикциях, а крупнейшие государственные корпорации реализуют через них свою продукцию и привлекают кредитные средства. По разным данным, в 2012 году от 62 до 73 % российского ВВП производилось компаниями, собственники которых не были зарегистрированы на территории России. 53 % всех накопленных в России прямых иностранных инвестиций «поступили» с Кипра, Британских Виргинских, Бермудских и Багамских островов (тогда как на Германию пришлось менее 5 %). Столь большое участие офшорного капитала позволяет российским предпринимателям перепродавать бизнесы вне контроля налоговых и антимонопольных служб, судиться с контрагентами не в российских судах, минимизировать налоги на прирост капитала и дивиденды. Когда в январе 2011 года террорист-смертник убил 37 человек в основном московском аэропорту «Домодедово», власти в течение двух недель не могли точно установить личность конечного владельца этого терминала. В последнее время В. Путин неоднократно говорил о необходимости «деофшоризации» экономики, но пока на этом пути не заметно прогресса — прежде всего потому, что за офшорами скрываются многочисленные российские чиновники, формально не имеющие права заниматься предпринимательской деятельностью.

Все отмеченное выше показывает, что Россия способна развиваться только при условии, что в экономику постоянно ощущается приток средств от экспорта — в основном, как уже отмечалось, от экспорта сырья. Это означает, что для обеспечения устойчивого роста недостаточно высоких цен на нефть — нужны постоянно растущие цены. В 2011–2013 годах цены на нефть находились практически на максимуме, составляя соответственно $111,3, $111,7 и $108,0 за баррель, но экономика России при этом сбавила темпы с 4,3 % в 2011 году до 1,3 % в 2013-м, а сейчас практически остановилась. На мой взгляд, источником взрывного роста могли бы стать дерегулирование и децентрализация экономики, ограничение бессмысленных государственных расходов, снижение налогов и установление контроля над вмешательством силовых органов (которые никто в России уже не называет правоохранительными) в экономику. Это попытался делать в свое время президент Д. Медведев, но с возвращением в Кремль В. Путина «государство» стало еще более жестко наступать на предпринимателей. Проблема России — не в том, что возможное падение цен на нефть лишит ее бюджет доходов, а в том, что растущие аппетиты чиновников настолько завысят требующиеся расходы, что никакие цены на энергоресурсы не смогут их обеспечить.

Отдельно следует остановиться на экономических отношениях России и ее соседей. После распада Советского Союза страны новообразованного СНГ критически зависели от России; в 1993 году на Россию приходилось до 73 % их внешней торговли. Сегодня эти времена прошли, русское население в пост-советских государствах уменьшилось более чем вдвое, каждая из этих стран развивается как более или менее успешное самостоятельное государство. В то же время Россия стремится создать на территории бывшего СССР новые интеграционные объединения, преследуя в большей мере политические, чем экономические цели. Москву можно понять: если экономика Советского Союза была в 1987 году в 3,4 раза больше китайской и на 30 % больше экономики ФРГ, то сегодня Россия отстает по размеру ВВП от Европейского Союза в 8,3, а от КНР — в 4,7 раза. Экономическая интеграция постсоветских государств видится В. Путину как инструмент формирования нового «центра силы» в Евразии, который мог бы противостоять Европе и Китаю или хотя бы разговаривать с ними «на равных». Эта цель, на мой взгляд, недостижима по двум причинам. Во-первых, даже если объединить все постсоветские экономики, включая прямо враждебные России Грузию, Украину и Туркмению, ВВП нового союза окажется больше российского лишь на 23 % и сделает его по этому показателю немногим больше Бразилии (иначе говоря, никакого «скачка» не произойдет). Во-вторых, и Россия, и ее соседи (Казахстан, Азербайджан, Туркмения, Узбекистан) представляют собой типичные сырьевые экономики, сложение потенциалов которых не приведет к появлению серьезной промышленно развитой держ (т. е. новое интеграционное объединение может догнать Бразилию по показателям ВВП, но не по количеству произведенных автомобилей, самолетов или информационной техники). Именно поэтому та же Украина, которую В. Путин очень хотел видеть частью нового экономического союза, сделала все, чтобы не оказаться его сленом — и, на мой взгляд, поступила совершенно правильно. Евразийский экономический союз — это в лучшем случае ассоциация стран, стремящихся сохранить status quo, а не развивать свои экономики в соответствии с современными требованиями (о политических аспектах этого объединения я не буду высказываться).

В заключение можно подвести некоторый итог и дать краткий прогноз на ближайшие несколько лет.

В начале 2000-х годов радикальное изменение трендов на сырьевых рынках открыло перед Россией замечательные перспективы. Экономический рост в 2000–2007 годах составлял 6,6 % в год, фондовые индексы выросли за это время более чем в 13 раз. Однако российские власти не воспользовались открывшимися возможностями для привлечения иностранных инвестиций, обеспечения устойчивого роста промышленности, создания национального предпринимательского класса и формирования тесного интеграционного объединения с ЕС, в котором Россия могла бы стать тем же, чем Китай стал для США. Преимущество низких цен на сырье на внутреннем рынке было упущено, издержки производства повысились, квалификация рабочей силы упала вследствие как кризиса в образовании, так и оттока кадров за рубеж. Происшедшее замедление и остановка экономического роста представляется в такой ситуации естественным следствием излишнего огосударствления экономики, создания неблагоприятного инвестиционного климата и политики восприятия внешнего мира как враждебной силы, мешающей развитию страны. Пик российского экономического процветания и могущества безусловно остался в прошлом, на рубеже 2010/2011 годов.

Тенденции, сложившиеся в российской экономике после 2012 года, не могут быть изменены в ближайшее время, так как президент В. Путин убежден в приоритете политических целей над экономическими — что, в частности, показывает и продолжающийся кризис вокруг Украины. Более того, экономика, основанная на эксплуатации природных богатств государственными корпорациями, вряд ли может стать более конкурентной и рыночно открытой. По мере ужесточения политического курса новые отрасли экономики (такие, как интернет-технологии, платежные системы, отрасль связи и массовой информации) перестанут быть локомотивами роста, а отток капитала станет еще более массированным. В итоге следует предположить, что в 2014–2015 годах экономика России продолжит пребывать в рецессии, отношения России с сопредельными странами станут более напряженными, а внешняя политика государства — более агрессивной. Изменения ситуации следует, на мой взгляд, ожидать не ранее 2018 года, после очередного цикла парламентских и президентских выборов, результаты которых, вероятно, отразят изменяющееся под влиянием неизбежного экономического кризиса настроения населения.

Печатается по русскому тексту статьи, опубликованной на немецком языке как: Inosemzew, Wladislaw. «Die drohende Krise» // Internationale Politik [IP Länderporträt Russland], 2014, № 2 (Juli — Oktober), SS.4 — 11.

Последний год экономического роста

(2014)

Счет времени уходящего года идет уже на дни. Меньше чем через неделю россияне поднимут бокалы, желая друг другу, чтобы наступающий год оказался лучше предшествовавшего. Мы все, конечно, будем надеяться на то, что в 2014-м случится меньше катастроф и катаклизмов, что этот год принесет меньше конфликтов и противостояний, на какой бы почве они ни происходили. Однако в экономике я не вижу оснований для оптимизма — и считаю, что мы с вами провожаем последний год, в котором в России наблюдается экономический рост.

Не хочу, как это делают многие эксперты, запугивать читателей грядущим экономическим кризисом. Для него сегодня нет оснований. Запад продолжает исправно платить России дань за поставляемую нефть — и она не упадет в цене в ближайшие годы: слишком уж много сейчас денег в мировой экономике. Глобальная экономика восстанавливается: рост в США в 2014 году ожидается на уровне в 2,7 %, в Бразилии — около 3 %, об Индии и Китае лучше и не говорить. Еврозона вышла из рецессии; Япония, отстававшая долгие годы, разогналась в последнем квартале до 2,8 %. Инфляция близка к историческим минимумам и в Западной Европе, и в Северной Америке.

Но это нам не в помощь.

В первом квартале 2012 года рост ВВП в России составил 4,9 %, снизившись до 4,0 % во втором квартале, до 2,9 % — в третьем и до 2,2 % — в четвертом. В 2013 году динамика сохранилась: 1,6 % в первом квартале и 1,2 % — во втором. Сведения о ситуации во второй половине текущего года противоречивы, но последний прогноз Минэкономразвития (1,4 % за 2013 год в целом) показывает, что оживления не произошло. Ожидания на следующий год (2,5 %) оптимистичнее, но понимания того, что может ускорить рост, нет — в 2013 году промышленность, по предварительным данным, выросла на 0,1 %, а инвестиции — на 0,2 %.

Иначе говоря, в России уже четко сложилась ситуация, при которой экономика страны растет меньшими темпами, чем экономики США и большинства других крупных держав. И причины такого положения дел лежат внутри страны, а вовсе не связаны с мировой динамикой. Иначе говоря, правительство само загасило экономический рост, который два года назад составлял почти 5 %.

И загасило надолго.

Фундаментальная причина, на мой взгляд, одна: это жизненное кредо В. Путина, считающего политику выше экономики, а «ручное управление» — лучше любых институтов. С возвращением президента в Кремль прекратилась риторика модернизации, началось наращивание государственных расходов, усилились тенденции к монополизации, стал более заметным тренд на обособление страны от внешнего мира. Коррупция и давление силовиков на бизнес привели к ухудшению делового климата и к затуханию предпринимательской инициативы. В 2012–2013 годах мы увидели предельное огосударствление экономики — именно оно и стало причиной приостановления роста.

Поясню свою мысль.

Во-первых, налоги в России непомерно высоки. Совокупные доходы бюджетов всех уровней в 2013 году составили около 23,4 трлн руб., или 35,6 % ВВП. Для сравнения — в Китае, с его мощным государством и гигантскими инвестициями в инфраструктуру, этот показатель равен 18 % ВВП; в США — 26,9 %; в богатейших сырьевых экономиках — Австралии и Канаде — соответственно 30,8 и 32,2 % ВВП. В Польше — единственной стране ЕС, экономика которой не сокращалась в годы последнего кризиса, — 32,9 % ВВП.

Возникает вопрос: заслуживает ли государство, которое не способно обеспечить ни нормальной судебной системы, ни прозрачных выборов, ни защиты собственности, ни эффективной инвестиционной политики, таких «заработков»? Мой ответ однозначен — нет, не заслуживает. Справедливы ли «социальные платежи» в 30,2 % зарплаты в стране с такой продолжительностью жизни и таким состоянием здравоохранения, как Россия? Нет, несправедливы.

Но при этом каждый год триллионы рублей перекочевывают в государственный карман из кармана граждан и со счетов предприятий. Эти деньги могли бы развивать экономику, но они уходят на оплату «труда» правоохранителей, на закупку бессмысленных вооружений, элитного транспорта для чиновников и на экзотические инвестиции — то в саммит АТЭС, то в Олимпиаду, а то и в чемпионат мира 2018 года В такой ситуации бизнес не будет инвестировать — и это его трезвый и понятный выбор. Одно лишь бегство капитала из страны — $57 млрд в 2012 году и около $65 млрд в 2013-м — это по 3 % упущенного роста каждый год. Воровство 1 трлн руб. на госзакупках, о котором в бытность свою президентом упоминал Д. Медведев, — еще 3 %. Отбивая у бизнеса желание развиваться, государство подписывает приговор отечественной экономике.

Во-вторых, даже собрав высокие налоги, власть распоряжается ими крайне неэффективно. Согласно кейнсианским рецептам восстановления экономики, государственные инвестиции способствуют запуску экономического роста. В России они возросли с 1,6 трлн руб. в 2010 году до 1,9 трлн в 2012-м и 2,2 трлн в 2013-м — но экономика лишь замедлилась. Причины две.

С одной стороны, это направление инвестиций. Например, было потрачено почти 690 млрд руб. на подготовку саммита АТЭС во Владивостоке. Мосты, конечно, впечатляют. Но гостиницы так и не сданы, многие объекты брошены; аэропорт,

рассчитанный на 5 млн пассажиров, в этом году обслужил менее 1,9 млн, а аэроэкспресс, построенный к нему, приносит одни убытки. На Олимпиаду уйдет до 1,6 трлн руб., а большую часть объектов придется либо демонтировать, либо дополнительно тратиться на их содержание. Реконструкция Транссиба (около 1 трлн руб.) также не окупится и за 50 лет, как и космодром «Восточный» (дешевле арендовать Байконур). Иначе говоря, государство тратит не ради последующего экономического эффекта, а «абы как». С другой стороны, все эти стройки предполагают огромный «распил»: от 40 до 60 %, по консенсусным оценкам экспертов. Оставшееся уходит на зарплату в основном приезжим работникам; покупку оборудования, в значительной мере поставляемого из-за рубежа; материалов, которые на 30–40 % также являются импортными. Соответственно, из каждого рубля инвестированных государством средств лишь 10–15 копеек реально способствуют развитию нашей экономики. При таком мультипликативном эффекте рассчитывать на рост нереально. Украденные и заплаченные иностранным поставщикам деньги оседают в основном за рубежом: инвестиции не способствуют росту.

В-третьих, государственные компании денег, как говорится, не считают. Себестоимость добычи «Газпрома» или услуг железнодорожников растет быстрее, чем в частном бизнесе. Зарплаты чиновников сопоставимы с европейскими, но эффективность их работы несопоставима. В результате основной тренд в российской экономике — это постоянный рост издержек. Мы видим, как дорожают электроэнергия, газ, бензин, растут тарифы. И это рост не только рублевых цен, но и долларовых: с 2001 по 2013 год курс национальной валюты практически не меняется. Разумеется, в подобных условиях у инвесторов не может появиться интереса вкладывать средства в страну, где, может быть, много газа и металлов, но последние стоят столько же, сколько и на мировом рынке, а подключиться к газовым сетям катастрофически сложно.

Совершенно понятно, почему в России все 2000-е годы и позже ВВП рос быстрее промышленного производства, тогда как и в Китае, и в Бразилии именно индустриальный сектор является локомотивом роста. Мы же развиваемся за счет сферы услуг и розничной торговли — но они остановятся, как только перестанут расти доходы населения.

Российская экономика останавливается потому, что государство активно обескровливает ее — как прямо (через налоги, которые затем тратятся без пользы для реального сектора), так и косвенно (через ухудшение предпринимательского климата, вызывающее сокращение частных инвестиций и бегство капитала). При этом надо признать, что россияне в большинстве своем — активные и предприимчивые люди, и усилия правительства по дестимулированию экономики могли бы дать эффект намного раньше.

Властям потребовалось целых два года, чтобы героическими усилиями убить естественное посткризисное восстановление, зато результат впечатляет: более 70 % предпринимателей не собираются наращивать инвестиции; почти 10 % жителей очень хотят уехать из страны, а 44 % подумывают об этом; более половины россиян не уверены в дальнейшем росте благосостояния. При таких показателях возобновления роста не приходится ждать без смены экономической парадигмы. А смениться она в современной России может только со сменой единственного политика страны — Владимира Путина. Его же уход выглядит до 2024 года практически невероятным. Поэтому, я думаю, нас ждет десятилетие экономической стагнации.

Причем, вернусь к началу, именно стагнации, а не спада. Нынешняя власть не способна запустить рост, но имеет все инструменты для того, чтобы не допустить кризиса. Для повышения темпов развития нужно раскрепощение частной инициативы, чего В. Путин, как явствует из проводимой политики, категорически не приемлет. Но кризис опасен, так как подрывает стабильность, о которой он постоянно печется. Власть может распечатать резервы, медленно девальвировать рубль, нарастить государственный долг, даже пойти на увеличение эмиссии — и все это будет поддерживать экономику на плаву. Но не служить ее развитию. Как не служит ему сегодня само существующее Российское государство.

Поэтому в ближайшие годы в экономике стоит ожидать такой же «околонулевой» стабильности, какая уже установилась в России в политической сфере. Переживем ли мы десятилетие без роста? Почти наверняка. Последуют ли за ним перемены? Несомненно.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Последний год экономического роста» // Московский комсомолец, 2013,26 декабря 2013 г., с. 3.

Угроза западных санкций заставила задуматься о главной угрозе, маячащей перед российской экономикой: падению мировых цен на нефть. О том, что цены на нефть скоро резко упадут, не говорит сейчас только ленивый.

На чем основаны эти страхи? Как минимум на четырех обстоятельствах.

Во-первых, говорится, что темп роста спроса на нефть (а ее потребление выросло в последние 25 лет на 35 %) снизится, по мере того как китайская и другие развивающиеся экономики замедлятся. Во-вторых, утверждается, что новые технологии добычи обеспечивают рост запасов нефти куда больший, чем рост производства, и потому нефть может перестать быть редкой, что обеспечивало ей высокую цену.

В-третьих, упоминаются требования экологов, которые могут перенести акцент на неуглеводородные источники энергии. В-четвертых, подчеркивается преходящий характер спекуляций на нефтяных фьючерсах и возможность ограничений таковых со стороны финансовых властей, что способно привести к резкому обрушению рынка.

Однако пока заметить влияние этих факторов трудно. С 2007 по первый квартал 2014 года среднегодовые цены на нефть марки Brent оставались поразительно устойчивыми: $72,4/барр. в 2007 году, $97,3/барр. в 2008-м, $66,0/барр. в 2009-м, $79,5/барр. в 2010-м, $111,3/барр. в 2011-м, $111,7/барр. в 2012-м, $108,0/барр. в 2013-м и $105,8/барр. в первом квартале 2014 года. В последние четыре года колебания не превышали 3–5 % — рекорд стабильности, невиданный с рубежа 1960-х и 1970-х годов.

Все это время производство подтягивалось за спросом, серьезных проблем не возникало. Почему же сейчас аналитики пророчат крах? На мой взгляд, перспективы нефтяного рынка довольно безоблачны и на это есть как минимум четыре причины.

Экономика приспособилась

Первая, и самая фундаментальная причина, — экономика ведущих стран приспособилась к сложившимся ценовым пропорциям. Резко выросшая энергоэффективность позволяет не только экономить топливо, но и дорого за него платить. В 2012 году все автомобили Германии потребляли на 20 % меньше бензина, чем автомобильный парк ФРГ в 1974 году.

Цены на нефть растут, но расходы на энергоносители в экономике сокращаются. Сегодня в США потребляется 6,85 млрд барр. нефти в год — ее текущая стоимость составила в 2013 году $740 млрд, или 4,45 % американского ВВП. В ЕС в 2013 году было использовано 4,65 млрд барр. нефти на $507 млрд, что составило 2,85 % ВВП Евросоюза. В 1983 году соответствующие показатели для США и ЕС-12 составляли 4,84 % ВВП и 3,75 % ВВП.

А чем меньше роль энергоносителей в расходах, тем выше могут быть цены на них, не нанося существенного вреда экономическому росту. В 2003–2004 годах многие экономисты всерьез утверждали, что рост цен с тогдашних $30–35/барр. до хотя бы $60/барр. приведет мировую экономику к краху. И что-то подобное действительно произошло? Отнюдь. Поэтому рост цены до $120 и даже $150/ барр. вряд ли остановит экономический рост — а значит, «противопоказаний» против такого повышательного тренда нет.

Политика гонит цену вверх

Вторая причина — геополитическая. За последние полтора десятилетия в мире многое изменилось. С одной стороны, исламский мир и страны Персидского залива стали источником существенной нестабильности и головной боли для Запада. С другой стороны, набравший темп Китай превратился во вторую по мощи державу мира, которая бросает вызов США.

Из этого вытекают два обстоятельства. Мусульманский мир не стоит дестабилизировать — а это обеспечивается лишь высокими ценами на нефть. Бюджет Саудовской Аравии, например, сбалансирован при $85–90/барр. — а об «арабской весне» в этой стране не мечтает никто.

Китай в отличие от США остается преимущественно индустриальной страной и потребляет больше нефти на доллар произведенного валового продукта, чем Америка, следовательно, именно он окажется бенефициаром снижающихся цен на сырье, если они станут реальностью. Дестабилизировать наиболее «антиамериканский» регион мира и в то же время усиливать главного соперника — не слишком ли высокая для Америки цена новой игры на понижение?

Демпинга не будет

Третья причина — чисто экономическая. Сегодня считается, что падение цен будет вызвано открытием огромных резервов труднодобываемой нефти: сланцевой и нефти на глубоководном шельфе.

Действительно, прирост запасов составил более 1,1 трлн барр. — хватит на 30 лет добычи — и нашли эти резервы всего за пять последних лет. И газа тоже немало. Но давайте задумаемся о том, где их нашли: около половины этих ресурсов приходится на США, Канаду, тихоокеанский шельф и Европу. Венесуэла с запасами в 220 млрд барр. нефти в нефтеносных песках не в счет — она и обычной нефти добывает все меньше с каждым годом: занята революцией, а не экономикой.

В США и Канаде нефтяники заинтересованы в замещении импорта, но никак не в падении цен на свою продукцию. Сланцевый газ в Америке сегодня почти втрое дешевле, чем российский в Европе, но никто не доказал, что в случае формирования его глобального рынка подешевеет газ в Европе, а не подорожает в Америке. Разработка новых месторождений — дело недешевое, тем более когда они открываются в странах, никогда не отличавшихся стремлением демпинговать своими товарами.

Экологическое лобби

Четвертая причина — культурная и социальная. В последние десятилетия экологическое сознание стало фактором политики и экономики. В 2013 году в Германии впервые случился день, на протяжении которого в электросети страны поступало больше 50 % энергии, выработанной альтернативными методами генерации.

Это пока не правило, но Дания намерена отказаться от углеводородов при выработке электрической и тепловой энергии к 2028 году. Сегодня альтернативная энергетика — это бизнес с оборотом более чем $900 млрд в год, и он заинтересован в том, чтобы цены на нефть были возможно более высокими — иначе их инвестициям не окупиться. В середине 2000-х годов вложения сюда были эффективны при цене нефти в $55/барр., сегодня — при $65–70/барр. Дешевая нефть — кошмар для экологического лобби, а оно сегодня сильно как никогда.

Одним словом, я считаю, что наряду с вескими причинами для удешевления нефти имеются не менее серьезные, для того чтобы этого не случилось.

Более того, положение на рынке в последние годы показывает, что баланс между разнонаправленными группами факторов устойчив. Ситуация 2008–2009 годов, когда нефть за семь месяцев подешевела со $147/барр. до менее чем $40/барр., а затем за 15 месяцев вернулась к уровням около $90/барр., показывает, что даже обрушение спекулятивной компоненты, заложенной, казалось бы, в цене, не привело к нарушению баланса.

Наверное, в очень далекой перспективе нефть и не будет цениться так высоко, как сегодня. Однако ожидания ее радикального и долговременного удешевления выглядят не слишком рациональными.

Постиндустриальный мир, который, как считалось, должен обесценить значение ресурсов, оказался миром, в котором их роль настолько сократилась, что общество в силах платить за нефть и газ очень высокую цену, если это помогает решению многих других проблем — экономических, геополитических, социальных и даже отчасти идеологических.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Ценам на нефть ничего не угрожает» // РБК-Daily, 14 апреля 2014 г., с. 4

Страна без бизнеса не выживет

За последние несколько недель экономическая ситуация в России и вокруг нее существенно ухудшилась. Прогнозы по оттоку капитала за первый квартал достигают $70–75 млрд, рейтинговые агентства заявили о негативном сценарии по российским кредитным рейтингам, а некоторые (S&P, Moody's и Fitch) поставили их в список на понижение; прогноз Всемирного банка по темпам роста ВВП был снижен с +1,5 до —1–1,8 %. Рецессия является главным сценарием развития событий в этом году, и вопрос сегодня стоит только о ее глубине.

Не больше поводов для оптимизма остается и относительно перспектив крупных отечественных компаний. Последняя отчетность «Русала» указывает на убыток в $3,2 млрд по итогам прошлого года. «Мечел» избежал две недели назад дефолта по кредитам только благодаря экстренной помощи от ВЭБа, выдавшего компании $2,5 млрд на сомнительный угольный проект. Инвестиции крупнейших российских компаний в основную деятельность в 2013 году снизились впервые за несколько лет. Перед правительством может встать задача массового перекредитования крупных российских корпораций, подобного тому, что было предпринято в период кризиса 2008–2009 годов.

Насколько вероятен такой вариант и как стоит реагировать на ухудшающуюся конъюнктуру? На мой взгляд, новая волна государственной помощи в нынешних условиях была бы ошибкой. И главная причина тому — не очевидная слабость гигантских компаний, развращенных тепличными условиями бизнеса в нашей монополизированной экономике. Конечно, эти корпорации не выжили бы в полностью конкурентной среде, и, наверное, их реструктуризация назрела давно — но не в этом суть. Проблема в том, что правительство сейчас должно дать сигнал не отдельным олигархам о том, что не бросит их в беде, а всей экономике о том, что оно готово наконец перейти от запретительных и ограничительных мер к поощрению ответственного и честного предпринимательства.

Логика президента Путина и его окружения основана на уверенности в том, что все государственное по определению лучше всего частного. События 2008–2009 годов во многом утвердили российские власти в этом понимании. Бизнес рассматривается как слуга государства, а не как основной фактор развития и экономики, и общества. Политика, основанная на таком подходе, привела к гигантскому прессингу в отношении отечественных предпринимателей, к «сжатию» пружины, которая должна служить хозяйственному прогрессу. Поэтому, чтобы преодолеть надвигающийся кризис, государству, мне кажется, не обязательно поддерживать бизнес — куда важнее сейчас просто ему не мешать.

Государственные инвестиции всегда точечны, но негативный эффект от них имеет всеобщий характер. Вложения в Сочи облагородили отдельно взятый российский город, но собранные на них налоги ухудшили ситуацию по всей стране.

Строительство скоростной железной дороги в Казань может иметь позитивные последствия для части потребителей, но еще больше повысит тарифы РЖД, которые уже столь высоки, что товар из Германии во Владивосток выгоднее возить фурами, чем по Транссибу.

Государственные инвестиции всегда масштабны и изначально не рассчитаны на окупаемость. Космодром «Восточный» имеет смету, более чем в 100 раз превышающую годовой платеж за аренду «Байконура» у Казахстана. У нас есть понимание того, что произойдет с космонавтикой через сто лет? Ни один ответственный бизнесмен не будет рассуждать подобным образом.

Когда наступает пора экономических проблем, главным словом становится слово «эффективность». И если задуматься об этой проблеме, окажется, что государство, особенно такое, как наше, не может быть эффективным. Значит, в кризис государства должно стать меньше.

Если исходить из этого тезиса, можно довольно легко построить оптимальный план борьбы с наступившей рецессией. Прежде всего следует пересмотреть план государственных инвестиций. Я не открою чего-то нового, если предположу, что львиная доля средств, «отмытых» в последний год через Мастер-банк и прочие подобные конторы, — это бюджетные средства, украденные чиновниками и их подрядчиками. Утечки таких денег во многом обусловливают рекордные показатели по оттоку капитала из страны.

Бизнес сегодня трудно продать — проще увести наворованное. Поэтому стоит резко сократить государственные инвестиции и одновременно снизить налоги. Уверен: из 26 трлн руб. расходов консолидированного бюджета на 2014 год можно без проблем сэкономить 3–4 трлн. Эта сумма равна половине всех поступлений от НДС и налога на прибыль. Почему бы не снизить НДС, например, до 12 %, а налог на прибыль — до 14–15 %, вместо того чтобы выбивать дополнительные 200 млрд руб., увеличивая налоги на малый бизнес?

Нет сомнения, что предприниматели лучше распорядятся сэкономленными деньгами, чем чиновники. Заодно это будет сигнал и иностранным инвесторам, и рейтинговым агентствам.

Кто-то скажет, что государство не сможет выжить без этих нескольких триллионов. Не уверен. Чтобы обойтись без этих денег, можно, например, отменить возврат экспортного НДС — эта мера принесет не менее 1,3 трлн руб. в год и никак не затронет 98 % российских компаний. Можно нарастить государственный долг — привлечь $25–30 млрд на внешних рынках пока еще не составляет проблемы.

Если чему и учиться сейчас у Америки — так это именно тому, что кризис 2008–2009 годов был там умело преодолен именно за счет наращивания государственного долга при неповышении налогов и поощрении предпринимательства. В конце концов,

сокращение налогов в стране, где большая часть доходов бюджета формируется за счет таможни, может компенсироваться и продолжением управляемого снижения обменного курса рубля.

Экономический кризис 2014 года в России существенно отличается от кризиса 2008 года. Последний был очевидно обусловлен внешними факторами и резким падением цен на нефть. Российские экзерсисы в Грузии и на Украине совпали с наступлением рецессий совершенно случайно. В 2008 году российские резервы были более значительными, а капитализация отечественных компаний превосходила нынешнюю более чем вдвое, к тому же оставалась надежда на то, что внешняя конъюнктура улучшится после преодоления острой фазы кризиса на Западе.

Сегодня все иначе. В США и Европе происходит рост, причем все более устойчивый. Цены на нефть стабильны уже четыре года и близки к среднегодовым максимумам: путь отсюда скорее ведет не вверх, а вниз. Политика количественного смягчения в США заканчивается, так что шансов на рост фондовых рынков практически нет. России нужно надеяться только на саму себя — и при этом не на государство, которому нравится перераспределять финансовые потоки, а на бизнес, который один только может их генерировать.

Поэтому именно от того, удастся ли властям достичь нового «общественного договора» с предпринимательским классом (а не с отдельными олигархами, как в 2008-м), и зависит сейчас стабильность ситуации в стране. Если точнее — выживание самой той политической системы, которая сложилась в России за последние 15 лет.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Государству нужен договор с бизнесом, чтобы выжить» // РБК-Daily, 31 марта 2014 г., с. 4.

Не стоит грабить предпринимателя

Каждый уважающий себя российский эксперт-экономист когда-нибудь да высказывался об отечественной налоговой системе — и, как правило, критически. Либералов не устраивает постоянное повышение налогов и «строгости» налоговых органов, государственников — офшорный характер олигархической собственности, а радетелей социальной справедливости — плоская шкала подоходного налога. Довольных нет. При этом никто не спрашивает: а нужны ли вообще налоги в такой стране, как наша? Может ли существовать «Россия без налогов», коль «России без Путина», видимо, быть не может?

Что представляет собой российская экономика, которую искренний друг нашей страны сенатор Маккейн недавно назвал «бензоколонкой»? Собственно, ее она и представляет.

Экспорт России состоит из нефти и газа на 76 %, а доходы от этого экспорта достигают 19 % ВВП в рыночных ценах. Федеральный бюджет страны на 29 % наполняется экспортными пошлинами (3,903 трлн руб. по плану на 2014 год) и на 20 % — налогами на добычу полезных ископаемых (2,681 трлн руб. по тому же плану). При этом прибыль двух главных сырьевых компаний — «Газпрома» и «Роснефти» — составила в 2013 году до налогообложения 1,520 трлн руб. К чему все это? Скоро поясним.

А есть ли еще в мире экономики, к которым применимы ласковые слова почтенного сенатора? Разумеется, как на хорошей автостраде, подобных точек в мире предостаточно. Саудовская Аравия: ее экспорт нефти превышает российский по объему, а отношение стоимости продаваемого страной за рубеж «черного золота» к ВВП составляет 50 %. В Катаре последний показатель (включая нефть и газ) достигает 54 %, а в Кувейте — 57 %. Куда более классические бензоколонки, чем наша. Но у этих бензоколонок есть принципиальные отличия от российской.

В этих странах национальные энергетические компании принадлежат нации. То есть всем, и хотя не в равной степени, конечно, но в более равной, чем «Газпром» и «Роснефть». И потому что они действительно являются национальным достоянием, их доходы идут туда, где национальному достоянию и должно консолидироваться, — в бюджет. Но самое интересное — это то, сколько платят граждане и компании этих стран в тот же самый бюджет. Интегральный показатель бюджетной политики называется «налоговой нагрузкой на экономику» — и, согласно расчетам, приводимым в Index of Economic Freedom за 2014 год, он составляет в Саудовской Аравии 3,7 %, в Катаре — 2,9 %, а в Кувейте — 0,8 % ВВП.

В России в текущем году эта цифра находится на уровне… 34,9 % ВВП (не считая отчислений во внебюджетные фонды). Заметим, 34,9 % отличаются от 0,8–3,7 % куда больше, чем 50–54 % доли сырьевого экспорта в ВВП от 19 %.

А теперь предадимся фантазиям.

Доходная часть федерального бюджета России в 2014 году должна составить 13,5 трлн руб. На экспортные пошлины и налог на добычу полезных ископаемых приходится 49 % от этой суммы. Если пойти по пути нефтяных эмиратов и дополнить бюджет прибылями как «Газпрома», так и «Роснефти», доля «сырьевых» поступлений достигнет 61 %. Если повысить экспортные пошлины на 25 %, показатель дойдет до 70 %. Наконец, если добавить к этой массе прибыли государственных же Сбербанка, ВЭБа и ВТБ, федеральный бюджет будет наполнен на три четверти. Значит, НДС и налог на прибыль можно сократить как минимум вдвое, а если вспомнить, что в свое время Дмитрий Медведев говорил, что только федеральный бюджет теряет на воровстве до 1 трлн руб. в год, и начать не только пресекать коррупцию, но и пустить «под нож» десятки бессмысленных государственных программ — то и вообще отменить.

Но бюджетная система не исчерпывается федеральным бюджетом: есть и бюджеты регионов, и местные бюджеты. Общая сумма их доходов составляет 8,4 трлн руб. Чем закрыть эту дыру?

Прежде всего — более серьезными платежами за добычу иных полезных ископаемых (сегодня на них приходится 0,7 % данного налога, тогда как более 99 % платят газовики и нефтяники, — а где уголь, руда, бокситы, песок и щебень, лес и т. д.?), платежами за лицензии (на то же освоение месторождений, на частоты связи, телевещание, рекламу и т. д.), а также главным разумным налогом — на имущество физических и юридических лиц. В этой логике государство будет обеспечивать себя платежами за принадлежащие всему народу недра и за находящееся в собственности граждан и компаний имущество. Можно отменить налог на прибыль, НДС, ввозные пошлины и даже налог на доходы физических лиц. Главная цель такой реформы — полностью освободить от налогообложения любую производственную деятельность в несырьевом секторе.

Убежден: в условиях России эта задача вполне реализуема.

Можно ли представить себе, как отреагирует экономика на такую перемену? Из производственного сектора перестанет изыматься до $170 млрд в год — половина той суммы, которая пришла в нашу страну в качестве прямых иностранных инвестиций более чем за 20 последних лет. Проблема офшоров снимется как таковая: Россия станет самым привлекательным офшором в мире — при этом единственным офшором с огромным внутренним рынком и более чем стомиллионным населением. Будет нанесен смертельный удар силовой олигархии — ментам и прокурорам не за что будет сажать предпринимателей в тюрьму и в то же время придется заняться легализацией собственных имущества и доходов. В экономике начнут создаваться миллионы рабочих мест, возникнет спрос на инновации, начнется приток иностранных инвестиций. Через 10–15 лет Россия перестанет быть сырьевой державой, превратившись в промышленно-сервисную страну. Тогда и наступит развилка: либо нужно будет задуматься о сокращении трат на пособия и пенсии ввиду того, что уровень жизни населения повысится (такой вариант позволит сохранять предложенную систему очень долго), либо начать медленное повышение налогов

— но уже в совершенно иной экономике, где лидирующие позиции будут занимать промышленники, а не сырьевики, где сложится широкий средний класс, принципиально не зависящий от государства и способный ставить ему условия, и где иностранный капитал будет одной из главных опор экономического роста.

Негативные последствия? Да, «Газпром» и «Роснефть» не будут стоить на бирже миллиарды долларов. Ну и что? Крупнейшая в мире нефтяная компания Saudi Aramco никогда на ней и не торговалась. Еще проблемы?

Можно ли представить себе такую перспективу? Пока у власти находится нынешняя «элита» — нет. Но разве не предложенный план выглядит одним из самых реалистичных рецептов превращения России в великую страну? Если он будет осуществлен, миллиарды долларов ринутся в нашу экономику из западных финансовых центров; рубль станет конвертируемой и уважаемой в мире валютой; лучшие инноваторы мира обоснуются в «Сколково»; расцветет российская глубинка, а страна станет крупнейшим экспортером сельскохозяйственной продукции. Разве это не то, о чем мечтают наши правители? Наверное, то. Проблема лишь в том, что мечтают они об одном, а наслаждаются совершенно иным. И потому Россия останется тем, чем является.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Россия без налогов: миф или возможность?» // Московский комсомолец, 9 апреля 2014 г., с. 3.

Почему рубль — не валюта

Сегодня, когда российское руководство все радикальнее заявляет о готовности страны не подчиняться «диктату» Запада и идти — и в политике, и в экономике — собственным особым путем, часто слышишь о намерении сделать рубль средством международных расчетов и чуть ли не новой резервной валютой. Насколько это нужно и может ли это быть реализовано?

Начнем с потребности в рубле как средстве международных расчетов. Как правило, страны, не играющие в мировой экономике значительной роли, не стремятся к такому статусу собственной валюты. Причина проста: если ваша национальная денежная единица становится средством международных расчетов, на нее возникает спрос, ею начинают торговать повсюду в мире — и курс оказывается как минимум менее предсказуемым, чем он был, пока устанавливался по результатам торгов на национальной бирже.

Поэтому даже страны, которые имеют свободно конвертируемые валюты, но не замахиваются на особые позиции в мире, предпочитают заключать экспортные и импортные контракты в долларах и евро (как это делают, к примеру, Израиль, ЮАР или Мексика). К тому же рубль даже не является свободно конвертируемым; В. Путин пообещал сделать его таковым еще в 2003 году («стране нужен рубль, свободно обращающийся на международных рынках, нужна крепкая и надежная связь с мировой экономической системой… [а] для рядовых граждан это будет означать на практике, что, собираясь в дорогу за пределы России, достаточно взять с собой паспорт и российские рубли»), но кто мы такие, чтобы напоминать демиургу о его словах? Конечно, технически можно перейти на установление цен на российские нефть и газ в рублях хоть завтра: но это будет означать лишь то, что их покупатели будут обменивать доллары на рубли до проведения оплаты, а не их продавцы будут делать то же самое после, как это происходит сейчас. Что изменится от такой формальной смены последовательности операций, понять сложно.

Переведя российскую внешнюю торговлю на рубль, мы не обеспечим его распространения в мире. Потому что распространенность валюты основана на трех факторах: на масштабе экономики, которую она обслуживает; на доверии, которое испытывают к ней и к номинированным в ней инструментам владельцы финансовых активов; и на… масштабе сделанных в ней долгов (желательно, международных).

Начнем с первого. В мире сейчас обращаются две основные валюты — доллар и евро. Объем американского ВВП за 2013 год — $17,089 трлн, суммарный ВВП стран еврозоны — €9,602 трлн ($12,263 трлн). На этом фоне Россия с ее ВВП в 66,7 трлн рублей ($2,011 трлн) не выглядит особо впечатляюще. Тем более что нужно учесть еще один простой факт: США экспортируют в год товаров и услуг на $2,272 трлн, а страны еврозоны — на €1,490 трлн ($1,902 трлн), и сырья, которое обычно покупают лишь оптовики, среди вывозимых этими странами товаров почти нет.

Это значит, что по всему миру у десятков тысяч компаний есть мотив держать доллары и евро для последующих покупок, тогда как торговые отношения с Россией ведут только несколько крупных трейдеров газа и нефти, которым нет никакого смысла накапливать резервы в рублях. Стоит также отметить, что распространенность доллара и евро делают эти валюты главными объектами финансовых спекуляций (они выступают одной из сторон в 64 % сделок по купле и продаже валюты на рынке forex, дневной оборот которого превышает годовой валовой продукт России более чем в 2,6 раза). Китай пока не спешит выйти на этот рынок в полной мере: объем сделок с юанем за год превышает экспорт КНР в 21 раз, а объем сделок с долларом больше американского экспорта в 356 раз. Так что разговоры российских «экспертов» о готовности «подвинуть» доллар с лидирующих позиций как минимум преждевременны.

Второе обстоятельство еще более существенно. Чтобы валюта могла претендовать на статус мировой, она должна иметь широкое хождение за рубежом и дополняться мощными рынками номинированных в ней ценных бумаг. В мире оборачиваются наличными €951 млрд ($1,283 трлн) и $1,204 трлн (при этом за пределами еврозоны и США «крутится» до 30 % всех наличных евро и от 55 до 70 % наличных долларов). Наличных рублей, согласно данным Банка России, в обороте всего… 7,633 трлн ($220 млрд). Как в этой ситуации можно говорить о «мировой роли» рубля?

Но куда важнее то, что рубли некуда вкладывать: в тех же США есть рынок государственных казначейских бумаг текущей емкостью в $17,1 трлн — в России рынок рублевых госбумаг составляет менее 2 трлн руб. ($55 млрд, 0,3 % от американского объема). При этом международных займов в своей национальной валюте Россия не выпускает — хотя это давно делают Турция, Польша, Чехия и многие другие, не самые заметные в мире, экономики. Важность этих займов обусловлена простым фактом: если вы занимаете в собственной валюте, вам всегда будет проще провести ее дополнительную эмиссию и отдать долг, чем объявить дефолт. Именно поэтому Америке дефолт не грозит ни при каких обстоятельствах, а ее финансовое доминирование в мире не будет оспорено в ближайшие десятилетия.

Третье обстоятельство практически никогда не учитывается нашими экспертами. Любая валюта — это средство расплаты по долгам. Не случайно на тех же долларах написано, что они представляют собой a legal tender for all debts, public and private. В результате возникает парадокс: чем больше сделано в той или иной валюте долгов, тем она… устойчивее. Вспомним 2008 год, когда в США начался финансовый кризис, — за первые 12 месяцев после краха банка Lehman Brothers 15 сентября 2008 года доллар… подорожал к евро на 2,9 %, к британскому фунту — на 5,8 %, а к рублю — на все 19,5 %. А что было, например, в 1997 году, когда случился кризис в Азии? Или в 1998-м, когда он добрался до России? Валюты этих страх рухнули по двум причинам: во-первых, правительства данных государств получали свои доходы в местной валюте, а делали долги в долларах; во-вторых, в мире не было значительных долгов в этих валютах, которые могли создать на них спрос.

Сегодня, когда экономика в мире растет, банки и корпорации берут кредиты в долларах и вкладывают их в спекуляции и в

производство в разных регионах, в том числе и за пределами долларовой зоны. Поэтому в периоды подъема альтернативные доллару валюты растут — есть готовность рисковать, вкладываясь в них. Как только начинается кризис — даже если он стартует с Америки, — все скупают доллар, чтобы гарантированно отдать привлеченные в нем средства, и потому он растет. Не имея «подушки безопасности» в виде номинированных в ней обязательств, валюта не может стать мировой. Россия же, напомню, с трудом привлекает средства в долларах, не то что в рублях.

Вывод, на мой взгляд, прост: мы не можем позволить себе «продвижение» рубля в ранг мировой валюты. Не по Сеньке шапка. Но можно успокаивать себя тем, что нам это и не нужно. Потому что за самой идеей превращения рубля в мировую валюту стоит классическая глазьевская мечта: напечатать денег, заткнуть дыры, поднять безнадежно отставшую и неконкурентную промышленность через кредитную накачку. А если говорить прямо — мечта превратиться из рантье нефтяной скважины в рантье печатного станка.

По-человечески понятное, чисто российское стремление. Но чудес не бывает — за свой статус мирового финансового лидера Америка боролась больше ста лет, создав и коммерциализировав практически все производственные и информационные технологии, которые сегодня используются в мире. Страна сейчас если и «на пенсии», то на вполне заслуженной. России же стоило бы в нынешней ситуации брать пример скорее с Китая: продают свои товары за доллары, не боятся эти самые доллары накапливать триллионами, открыты к иностранным инвестициям — и при этом не стремятся к конвертируемому юаню, твердо держат валютный курс и не намерены превращаться в рантье. Потому что умеют и работать, и управлять. Чего нашему народу и его элите остается сегодня только пожелать…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Рубль: чудес не бывает» // Московский комсомолец, 24 июня 2014 г., с. 3.

Зачем вообще развиваться?

Противостояние Запада и России на фоне российской аннексии Крыма заставило вспомнить риторику экономических санкций. Многие политики искренне поверили в то, что российская экономика, и так практически остановившаяся в своем развитии, столкнется с дополнительными трудностями вследствие вводимых ограничений — что снизит доверие россиян к власти и создаст проблемы для Владимира Путина.

К сожалению или к счастью, ничего подобного не случится. Россия — это сегодня та уникальная страна, в которой темпы экономического роста не влияют ни на поведение элит, ни на лояльность населения. При ближайшем рассмотрении несложно понять, почему — следует только на время забыть про традиционные западные стереотипы.

Во-первых, Россия — не индустриальная, а ресурсная экономика. Благосостояние ее жителей зависит в большей степени от одного сектора, чем от всей остальной экономики. Экспортные пошлины на нефть и газ, а также налоги на добычу полезных ископаемых приносят 49,4 % бюджетных доходов — хотя увеличения производства в этих отраслях не наблюдается уже с середины 2000-х годов (нефти ныне добывается на 8 % больше, чем в 2006-м, газа — на 1 % меньше). Устойчивость политической ситуации и уровень поддержки зависят не от темпов роста реального сектора, а от ситуации с доходами населения, которые зависят от этих темпов куда меньше, чем от бюджетной политики. В 2008–2009 годах, когда в США реальные доходы населения снизились на 2,7 %, в России, где спад ВВП был самым значительным среди стран «Большой двадцатки», они… выросли на 5,4 %. Конечно, это убивает бизнес и предпринимательскую инициативу, но власть это не волнует.

Во-вторых, в России чиновники разного уровня являются в то же время и предпринимателями, а если и не являются, то получают значительную часть своих доходов от взяток. В период экономического подъема они довольны жизнью, т. к. обогащаются за счет своих предприятий или за счет коррупционного «налога» на успешные бизнесы. В случае кризиса они зарабатывают даже больше на распределении государственной помощи и субсидий; кроме того, в такие периоды наступает время для покупки обесценившихся активов. До 45 % покупок дорогой недвижимости в Москве в 2009 году совершалось госслужащими и членами их семей. Кроме того, чиновникам известно, что просчеты в управлении редко становятся поводом для увольнения — но кризисы хороши тем, что позволяют to write off даже наиболее вопиющие из них. Поэтому ничего страшного бюрократия в кризисах не видит.

В-третьих, безработица, которая в США и Европе считается чуть ли не интегральным показателем эффективности деятельности правительства, почти не волнует никого в России. Максимальное пособие по безработице составляет 4,9 тыс. рублей ($140) в месяц, а безработица в стране, по официальным данным, составляет 5,6 % — меньше, чем в США. При этом никакого контроля за тем, чем заняты «безработные», нет. Теряя работу, люди быстро находят другую — подчас такую же неофициальную, как прежняя. Вице-премьер правительства О. Голодец недавно признала, что правительство не вполне понимает, где заняты 38,2 млн. человек (или… 44 % трудоспособного населения). Поэтому рост безработицы, который способен напугать любое западное правительство, в России никого не волнует. Значит, темпы роста в реальном секторе экономики, который может поглотить избыточную занятость — тоже.

В-четвертых, ни один серьезный кризис ни в одной крупной экономике в последние 30 лет не рассматривался ни властями, ни населением как принесенный извне. Финансовые катастрофы в Мексике в 1994-м, в Азии в 1997-м, в той же России в 1998-м, в Аргентине в 2001-м, кризис dot.coms в 2000-м, и, наконец, кризис в США и Европе в 2008-м — все они были порождены причинами, зародившимися в тех странах, которые оказались затронуты ими в наибольшей мере. В России в последние годы власть настолько преуспела в убеждении своих граждан в том, что все зло исходит извне, что поверила в это сама. До сих пор президент объясняет экономические трудности «кризисом в США и Европе»; кризис 1998-го года описывается как вызванный происками западных советников, ну а распад СССР — как результат заговора США и Саудовской Аравии, обрушивших цены на нефть. Поэтому падение темпов роста станет подтверждением не непрофессионализма российских властей, а могущества врагов и конкурентов России.

Россия сегодня не является нормальной страной. Значительная часть людей, способных адекватно оценивать ситуацию, покидали и покидают страну. Многие предприниматели продают свои бизнесы чиновникам и выводят деньги из страны, понимая бесперспективность своей деятельности. Но пока существует экспорт энергоносителей и пока высоки цены на них, российское правительство может не беспокоиться об экономике. Резервные фонды бюджета превышают $175 млрд., государственный долг составляет менее 2,8 % ВВП, бюджет бездефицитен, а если и уйдет в минус, легко будет сбалансирован 10–12 процентной мягкой девальвацией рубля — ведь пошлины на экспорт нефти и газа номинированы в долларах.

Конечно, проблемы копятся — и когда-то дадут о себе знать. Но особость российской ситуации — и ее отличие от ситуации в демократических рыночных странах — состоит в том, что первые сигналы тревоги придут тогда, когда предпринимать что-то будет уже поздно. Тогда мы, наверное, увидим повторение драматических событий конца 1980-х годов — но до этого момента может пройти еще много времени. Времени, на протяжении которого экономические проблемы не будут интересовать российского президента — и который поэтому еще не раз удивит мир своими политическими безрассудствами.

Печатается по русскому тексту статьи, опубликованной на английском языке как: Inozemtsev, Vladislav. «Why Economic Growth Doesn't Matter in Russia» // Moscow Times, 2014, June 25, p. 8.

Бюджет — не резиновый…

Трата средств Фонда национального благосостояния (ФНБ) на помощь крупному бизнесу опасна и посылает инвесторам плохой сигнал. В распоряжении властей есть другие, гораздо более эффективные и традиционные методы поддержки экономики.

Российская экономика все увереннее скатывается в рецессию, и рассуждения чиновников о том, что нам удастся еще долгое время балансировать «около нуля», не вызывают доверия. Лучшим подтверждением того, что не все в экономике хорошо, становятся стремительно растущие запросы крупных компаний и банков, желающих получить поддержку из резервных фондов. Сегодня утверждены несколько крупных траншей помощи — прежде всего это выделение 239 млрд руб. на покупку привилегированных акций ВТБ и Россельхозбанка; 150 млрд руб. на строительство Центральной кольцевой автодороги и столько же — на модернизацию БАМа и Транссиба; 86 млрд руб. — на строительство железной дороги Кызыл — Курагино и портового терминала для экспорта сибирского угля в страны Азии. Претендуют на значительные суммы «Роснефть», Росатом, Министерство транспорта и многие другие структуры.

Трата средств ФНБ в нынешних условиях и на обозначенные цели крайне опасна. Деньги могут потребоваться на более близкие к основной задаче фонда цели — например, на покрытие дефицита пенсионной системы. Кроме того, данный подход посылает инвесторам плохой сигнал о том, что государство начинает в очередной раз менять ранее установленные им же самим правила и регламенты.

В то же время в распоряжении властей имеется намного более эффективное (да и более масштабное) средство накачивания экономики деньгами — инструменты кредитования банковской системы со стороны Банка России. Этот инструмент уже был опробован в кризис 2008–2009 годов. Сегодня, видимо, пришло время снова его использовать.

Кредитование банковской системы со стороны Банка России — вероятно, единственное средство направить в экономику средства, которые могут стать эффективным оружием в борьбе с рецессией. При этом нужно учитывать как тот опыт, который был накоплен ведущими странами в борьбе с финансовым кризисом 2008–2009 годов, так и ряд российских особенностей.

Прежде всего политика наращивания кредитования банковской системы (я думаю, что оптимальная сумма — до 20–25 % ВВП, или 12–16 трлн руб. в течение 2015–2016 годов) должна реализовываться в условиях снижающейся (а не растущей, как в 2008–2009 и 2014 годах) базовой процентной ставки. Сегодня инфляция в России не носит ярко выраженного монетарного характера. Потребительский спрос анемичен, и объективных условий для существенного повышения цен нет. Напротив, их рост обусловлен или будет обусловлен повышением тарифов на услуги и продукцию монополий, ростом налогов в связи с аппетитами правительства, высокими ставками по кредитам, а также искусственной дестабилизацией потребительского рынка ответными российскими санкциями. Существенное (до 4–4,5 % годовых) снижение базовой ставки ЦБ вкупе с расширением беззалогового кредитования банков должно стать главным инструментом борьбы с кризисом.

Вторым важнейшим инструментом должна стать система государственных гарантий. Не нужно непосредственно выделять средства из бюджета или резервных фондов на те или иные проекты. Правильнее насыщать деньгами банковскую систему, подстраховывать важные проекты гарантиями — и заставлять банки конкурировать за финансирование действительно перспективных проектов. Этот момент хорошо поняли в западных странах в годы недавнего кризиса: так, по подсчетам бывшего первого зампреда Счетной палаты РФ Валерия Горегляда, в 23 странах, реализовавших самые крупные антикризисные программы в 2008–2009 годах, в среднем почти половина всех выделенных средств (49 %) пришлась на государственные гарантии, тогда как в России — лишь 5,4 %. Между тем бесконтрольность трат — главная причина неэффективности антикризисных мер, и сейчас ничто не говорит о том, что мы вновь не наступим на старые грабли. Государственные гарантии стали бы приглашением бизнеса к инвестированию, а не инструментом волюнтаристского перераспределения средств, изъятых из экономики в виде налогов.

Выход из приближающегося кризиса в России сегодня возможен через существенное увеличение денежной массы, расширение кредитования банковской системы со стороны Центрального банка и управление инвестиционной активностью со стороны правительства через инструментарий государственных гарантий. Эти меры могут привести к насыщению экономики деньгами и установлению (при определенном росте инфляции) близкой к нулевым значениям реальной процентной ставки, которая станет предпосылкой для роста инвестиций. Опыт преодоления кризиса 2008–2009 годов в развитых странах показывает, что наращивание финансирования инфраструктуры не может привести к возобновлению экономического роста (именно поэтому на данные цели пришлось лишь 9,7 % антикризисных трат в США). В России надежды на успех программы «инвестирования» ФНБ и резервных фондов еще более иллюзорны: мультипликатор инфраструктурных программ невелик, их реализация слишком зависит от импортных комплектующих и труда гастарбайтеров, а окупаемость проектов далеко не очевидна.

Массированное кредитование банков со стороны Банка России способно, помимо роста инвестиций и конечного спроса, обеспечить перекредитовку перегруженных иностранными заимствованиями компаний. Это будет иметь следствием сокращение валютных резервов и ослабление рубля, которое в кризисных условиях также выглядит позитивным фактором (поскольку подталкивает собственное производство и ограничивает импорт).

Подводя итог, можно вспомнить, что кризис 2008–2009 годов сказался на России наихудшим из стран «двадцатки» образом (в 2009 году спад ВВП составил 7,8 %); но при этом Россия отличилась самыми высокими (и повышавшимися) процентными ставками и самой большой долей прямого финансирования отдельных компаний и банков в общем объеме антикризисного пакета. Сегодня пришла пора выучить уроки прошлого кризиса и ответить на нынешний (пусть он порожден и не глобальными

финансовыми пертурбациями, а во многом действиями российских властей) более традиционными мерами, чем те, которые сейчас лоббируют «генералы» государственного бизнеса — от «Роснефти» до РЖД, от ВТБ до Россельхозбанка.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Почему государству не надо раздавать деньги из ФНБ» // РБК-Daily, 1 сентября 2014 г., с. 7.

Чего ждать от санкций?

— Почему ЕС и США ввели в силу новые пакеты антироссийских санкций, несмотря на достигнутое на востоке Украины перемирие?

— Европейцы и американцы ориентируются на самих украинцев, которые вовсе не уверены, что установилось настоящее перемирие. Недавно повстанцы штурмовали донецкий аэропорт. Хватает и других примеров нарушения режима прекращения огня. Вообще же, мы имеем дело с логичным продолжением тех санкций, которые были приняты ранее. В отличие от Кремля, где президент утром сказал, а вечером — уже оформлено решение, в Европе и США действуют медленнее, но основательнее — и потому ужесточение санкций будет продолжаться. Нужно, чтобы Россия реально смогла убедить боевиков на Украине начать разоружение, и чтобы в Донецке и Луганске появилась совместно управляемая с Киевом администрация. Вот тогда Запад может решить, что санкции сыграли свою роль и с ними пора заканчивать. В ином случае ограничительные меры не то, что не отменят, но будут вводить все новые и новые.

— Многие российские чиновники и политики утверждают, что западные санкции не имеют отношения к ситуации на Украине, Дескать, они призваны разрушить экономику России как конкурента ЕС и США и были бы введены в любом случае. Согласны?

— В этом утверждении очень малая доля истины. Действительно, западные политики давно недовольны нашим руководством, но именно последние события окончательно вывели их из себя. Сегодня Запад убежден, что российская власть банально врет и абсолютно недоговороспособна. Это точка зрения 90 % политиков стран Запада. Я не думаю, что в санкциях есть какой-то экономический резон. Ни один бизнесмен в мире не скажет, что если Россия развалится, перестанет добывать нефть, начнутся голодные бунты, то кому-то станет хорошо. Это уровень рассуждений Дугина и Кургиняна. Такого на Западе нет. Никто там не хочет нам беды, но они понимают, что пройден предел, после которого нормально общаться с российским руководством просто нельзя.

— В тех же кругах и подчас теми же людьми высказывается и прямо противоположное мнение: западные санкции — это комариные укусы, ничуть не мешающие развитию российской экономики. Насколько санкции на самом деле опасны для нашей страны?

— Мнение о том, что санкции безвредны, неверно. Это выдумка, в которую очень хотели бы верить наши чиновники, но не верят на самом деле и они. Санкции вряд ли изменят российскую политику, они также не улучшат ситуацию на Украине — но в перспективе от года до трех санкции приведут к сокращению добычи нефти, а также к серьезным финансовым проблемам. Придется сокращать ряд правительственных программ и быстрее разбазаривать резервные фонды. Власти будут реагировать столь же талантливо, как и в случае с запретом на импорт ряда продовольственных товаров. Это разгонит инфляцию. Санкции не уничтожат нашу экономику, но в рецессию загонят.

— Пока что российские обыватели отмечают эффект от западных кар лишь в виде падения курса рубля. Какие меры Запада наиболее чувствительны для российского населения?

— Западные политики действуют так, чтобы не наносить ущерба массам россиян, не имеющим никакого отношения к событиям на Украине. Было бы безумием предполагать, что Европа вдруг прекратит поставлять нам продукты питания или автомобили.

— Но как раз то мы уже сделали или вскоре сделаем сами…

— Да, сами можем. Они не смогли бы до этого додуматься, поскольку действуют рационально. На Западе понимают, что в России никто не выйдет на антиправительственные демонстрации из-за того, что случатся какие-то экономические сложности. Даже в 1993 году в России бунт произошел не по экономическим причинам, которых тогда хватало. У нас вообще народ возмущается нехозяйственными сложностями. Русские лучше будут работать на трех работах и экономить деньги, чем пойдут на Красную площадь сносить власть не по поводу фальсификации выборов, а в связи с ростом цен. На Западе прекрасно понимают, что экономическими санкциями на российское население воздействовать невозможно. Зато можно влиять на элиты, включая бизнес, близкий к Кремлю. Что и делается. Запад будет и дальше срывать наш оборонный заказ и космические программы, поскольку более половины комплектующих в этих отраслях импортные. А также подрывать самые перспективные проекты (на шельфе и другие) в сфере добычи нефти и газа.

— Решитесь сделать прогноз курса рубля в столь непростой ситуации?

— Без проблем. Все говорят, что Центральный банк уйдет с рынка в стремлении сохранить валютные резервы. Я в это не верю. ЦБ у нас не такая независимая организация, чтобы пускать ситуацию на самотек. Курс рубля будет определяться исключительно фискальными потребностями правительства. Нефть чуть-чуть начала дешеветь, объемы ее добычи, скорее всего, увеличены не будут. Европейцы начнут сокращать потребление российских энергоносителей. Значит, наши валютные доходы будут уменьшаться. Бюджет при этом полностью расписан на «инвестиционные», социальные и военные расходы. Чтобы сбалансировать его, правительство вынуждено будет снижать курс национальной валюты. Пропорция такая: повышение курса доллара на один рубль дает дополнительных доходов в бюджет в размере 160 миллиардов рублей. То есть, чтобы заткнуть дыру, например, в триллион, необходимо опустить курс на пять рублей. Исходя из этого, полагаю, что через год мы увидим курс на уровне 43 рублей за доллар. Доллар будет дорожать на 4–5 процентных пунктов в год быстрее инфляции.

— Россиян пугают отключением наших банков от системы SWIFT. Так ли страшен этот конкретный «черт»?

— Я думаю, этого не будет, хотя Англия вроде бы и выступала за такую меру. Одно дело, когда вы не даете русским кредитов. Другое — фактическое отключение нашей страны от мирового финансового рынка, что и произойдет в случае прекращения доступа наших банков к SWIFT. Это будет означать, что в России случится финансовый коллапс — резко уйдет вниз фондовый рынок, намного сократятся транзакции, гораздо сложнее станет обслуживать внешнеторговые сделки… Мы оказались бы даже не в третьем, а в четвертом мире с точки зрения финансов. Это на сегодняшний день не нужно никому. Есть финансовое эмбарго против Ирана, но эта страна все-таки захватывала американское посольство и финансировала терроризм по всему Ближнему Востоку. Ничего похожего России предъявить нельзя. У нас далеко не такой запущенный случай. Тому же Ирану Запад еще и запретил продавать нефть. И та, и другая мера могли бы быть применены к России ну разве что в случае, если мы начнем бомбардировки Киева. Я такой вариант как реальный пока не рассматриваю.

— Насколько тогда вероятно применение Россией своего экономического оружия массового поражения — прекращение поставок энергоносителей в Европу? «Газпром», говорят, уже несколько снизил прокачку газа в Польшу, добиваясь отказа европейцев от перепродажи нашего голубого топлива Украине.

— Мы себя переоцениваем, полагая, что в Европе случится катастрофа в случае прекращения поставок российского топлива. Катастрофы не будет. У Европы достаточно энергетических мощностей и альтернативных каналов поставок сырья. В ЕС могут переключить часть генерации с газа на уголь, могут нарастить выработку электроэнергии на французских атомных электростанциях… Им, конечно, будет тяжело. Никто в Европе не хочет, чтобы, скажем, Словакия зимой замерзала. Но парадокс ситуации в том, что та самая Словакия или Финляндия, которые действительно критически зависят от российских поставок газа, являются едва ли не последними нашими союзниками в ЕС, упрямо выступающими против введения действительно жестких санкций в отношении России. Если Москва отключит газ, то ударит по своим собственным союзникам — по Чехии, по Словакии, по Финляндии. В то же время немцы, французы, шведы и прочие поборники антироссийских санкций спокойно перезимуют, используя имеющиеся альтернативы. Я надеюсь, что у российского руководства хватит ума не перегибать палку, наказывая немногочисленных оставшихся у нас в мире друзей. Впрочем, в любом случае европейцы в течении 7–8 лет от российских энергопоставок откажутся. Поскольку никто не хочет оставаться в зависимости от поставок нефти и газа от такой страны, руководство которой может как угодно повести себя в самое ближайшее время.

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Побить элиту, не задев народ» // Профиль, 22 сентября 2014 г., с. 26–28.

Ускорение без перестройки

Принято считать, что российское правительство находится в неустанном поиске резервов для возобновления практически замершего экономического роста. Дополнительно «простимулированные» западными санкциями, власти готовы вкладывать предназначенные для обеспечения национального благосостояния средства в инфраструктурные проекты, ослаблять курс национальной валюты ради поддержки отечественного производителя и проводить политику расширения денежной массы. Между тем пока не похоже, что предпринимаемые усилия приносят результат — частные инвестиции в экономику сокращаются, доходы населения стагнируют, бегство капитала не останавливается.

Сегодня очевидно, что правительство сделало выбор в пользу масштабного финансового стимулирования. Из Фонда национального благосостояния уже одобрено выделение более чем 600 млрд. руб., а введенные в середине сентября финансовые и технологические санкции против российской нефтянки не оставляют сомнения в том, что новые «пострадавшие» используют фонд даже не на определенные прежними правилами 60, а на все 100 %. Хотя процентные ставки и выглядят запретительными, Центральный банк постепенно наращивает кредитование банковской системы. Иначе говоря, «топливо» в бак останавливающегося «автомобиля» заливается в более чем достаточном объеме.

Однако остается два фундаментальных вопроса: во-первых, кто выступит локомотивом реального роста, и, во-вторых, какой характер этот рост будет иметь, или, говоря иначе, что именно поменяется в результате реализации государственных программ в российской экономике.

Государственные инвестиции в России по понятной причине «советскости» нашей номенклатуры могут иметь только очень масштабный характер. 607 млрд. руб. из ФНБ пока направлены лишь в 6 проектов — для сравнения стоит напомнить, что в США в эпоху «нового курса» (с 1933 по 1939 год) на $4,2 млрд. ($190 млрд. в нынешних ценах, или 7 трлн. руб.) правительство проинвестировало 34 (!) тысячи объектов (дорог, плотин, мостов, аэропортов, школ, больниц), причем все они были реализованы силами частных компаний по минимальным на тот момент ценам. В России же эффективность сегодня вообще не принимается в расчет: Олимпиада в Сочи стоила больше, чем 8 предшествующих зимних игр, вместе взятые; автомобильная дорога между Москвой и Санкт-Петербургом так и не построена, хотя работы идут уже почти 20 лет. Между тем государство тратит на все это средства, собранные в виде налогов или пошлин с реального бизнеса; деньги, в конечном счете либо вынутые из кармана потребителя, либо им недополученные. Если присмотреться к этой системе, можно увидеть, что в России годами производится массовый перелив доходов из рентабельных бизнесов в убыточные — что, собственно, и оказывается главной миссией бюджета. Валерий Зубов, депутат Государственной Думы и бывший губернатор Красноярского края, недавно удачно назвал этот феномен «суррогатной инвестиционной системой». В итоге средства, распределяемые государством, с одной стороны, практически не доходят до конкурентных секторов экономики, не создают новых точек роста и повышают в лучшем случае инвестиционный, но не конечный, спрос; с другой стороны, не снижают цены и тарифы на услуги естественных и неестественных монополий, позволяя этим компаниям и далее не заботиться об эффективности и инновационности. Таким образом, российские чиновники надеются подтолкнуть рост, изымая средства у частных предпринимателей, которые как раз могли бы его «запустить», и отправляя в сектора, которые на реальное экономическое развитие почти не влияют.

Иначе говоря, первой ошибкой руководителей экономического блока правительства выступает то, что они пытаются применить классические макроэкономические рецепты оживления к неклассической экономике. Проблема в России заключена не в дефиците инвестиционных ресурсов, в поисках которых проводят время наши власти, а в отсутствии рыночно ориентированных компаний, которые могли бы эти инвестиции эффективно «переварить». Эта проблема лежит не на макро-, а скорее на микроуровне, чего мы упорно не хотим замечать и что стало следствием хозяйственной политики последних двух десятилетий. Именно поэтому сегодня в России льют «топливо» в «автомобиль», у которого не работает двигатель.

При этом не составляет труда заметить, что государственные инвестиции в современной России направляются в первую очередь туда, где есть надежда на линейный рост валовых показателей. «Вал» отечественные руководители любят еще с брежневских времен — и этот тренд в полной мере воспринят современными «эффективными менеджерами». Все помнят, как в начале 2000-х годов президент В. Путин провозгласил в качестве ориентира удвоение ВВП, как будто оно может что-то сказать о развитости экономики. Сегодня мы слышим о необходимости «увеличения объема грузоперевозок на восточном полигоне железных дорог на 40 %», словно сам по себе грузооборот способен увеличить национальное богатство; о том, что «мост на Сахалин должен быть построен только потому, что нам нужно показать, что мы способны реализовывать масштабные проекты»; не прекращается финансирование строек, которые, даже будучи законченными, на десятилетия станут обузой государственной казны. При этом, замечу, федеральный центр (осознанно или, быть может, бессознательно) оставил в своем ведении налоги и платежи, которые связаны именно с объемами производства (НДПИ, НДС, экспортные пошлины), но отнюдь не с его эффективностью (налог на прибыль, на доходы физических лиц, на недвижимость, и т. д.). В тех же США, где с технологическими нововведениями дело обстоит немного получше, чем в России, федеральное правительство живет как раз за счет подоходного налога (46,7 % доходов) и налога на прибыль (10,7 %), в то время как аналог НДС — налог с продаж — поступает в казну штатов, а таможенные сборы обеспечивают около 0,1 % поступлений. Поэтому в нормальных экономиках абсолютизируется не рост, а развитие: вывод на рынок новой продукции, победа над отстающими конкурентами, создание новых секторов и отраслей. Более того — новейшие тренды в глобальном хозяйстве свидетельствуют, что ведущими оказываются те отрасли, которым удается постоянно снижать цену на свою продукцию на фоне столь же устойчивого улучшения ее качественных характеристик (компьютерная индустрия, производство средств и оказание услуг связи, разработка программного обеспечения, фармацевтика дженериков); отрасли, которых в современной России попросту не существует. Это должно указывать на совершенно иное отношение к замедлению роста: вместо того, чтобы разгонять безнадежно отставшую

экономику, период низкого роста следует использовать для структурной перестройки хозяйства, для новых масштабных технологических заимствований и для переобучения работников. На это, замечу, было нацелено большинство программ экономического стимулирования, одобренных в развитых странах в период кризиса 2008–2009 годов — и только в России правительство требовало не увольнять работников и вкачивало средства в потенциальных банкротов, с которыми и сейчас неясно, что следует делать.

Иначе говоря, второй ошибкой наших министров и советников выступает то, что одобряемыми «инвестициями» они не помогают, а мешают качественному развитию экономики, искусственно поддерживая ее примитивную и неконкурентоспособную структуру. В России сегодня не только убивается частный бизнес, финансирующий через собираемые с него налоги государственные монополии, но и демотивируются инновационные предприятия. Вспомним бензиновый кризис 2011 года, когда от нефтяных компаний потребовали полного перехода на стандарт «Евро-3»: кто тогда не добился обновления мощностей и спровоцировал тем самым сокращение поставок? «Роснефть» — та компания, которая сейчас просит (и наверняка получит) самый жирный кусок из Фонда национального благосостояния. И поэтому чем больше будет российское правительство столь талантливо инвестировать, тем иллюзорнее окажутся наши надежды на новые технологические прорывы.

Итак, даже довольно поверхностный обзор деятельности тех, на ком лежит ответственность за перспективы отечественной экономики, образно показывает, что они могут и чего они категорически не хотят. Они могут собрать, «напечатать» или иным способом мобилизовать значительные деньги для того, чтобы демонстративно направить их в «реальный сектор экономики» — и желательно в те его отрасли, которые в наибольшей мере затронуты санкциями и ограничениями. Но они не хотят ни создать в этом «реальном секторе» конкурентоспособные компании, ни дать возможность умереть устаревшим и неэффективным предприятиям и отраслям, ни спровоцировать даже умеренную и давно назревшую структурную безработицу. Они, как и коммунисты образца 1986 года, страстно желают ускорения, но не перестройки. К сожалению, четверть века тому назад мы увидели, каким бывает результат такого курса в эпоху смены технологических укладов и к каким политическим результатам он может привести. И я не вижу причин полагать, что итог очередной «советской» попытки «поднять экономику с колен» в новых условиях окажется хоть сколько-нибудь иным…

Печатается по тексту статьи: Иноземцев Владислав. «Ускорение без перестройки?» // Бизнес-Журнал,2014, октябрь, с. 10–11.

Вместо заключения Россия 2030*

*

Прогнозировать развитие на период, позволяющий войти в жизнь целому новому поколению — задача сложная и неблагодарная. Особенно это относится к России, где за последние полвека можно было наблюдать два долгих этапа политической консервации (с конца 1960-х годов по середину 1980-х и с начала 2000-х по наши дни) и бурное время никем не предсказывавшихся перемен (с 1985 года по середину 1990-х). Стоит также заметить, что российская история демонстрирует постоянную смену времен застоя и потрясений, и всякий раз периоды «стабильности» оказываются ограничены двумя-тремя десятилетиями — что, с учетом ускорения «исторического времени», означает, что новые пертурбации могут ожидать страну уже через пять-семь лет. Все это делает четкий прогноз облика России в 2030 году затруднительным, но мы попробуем изложить его «пессимистическую» и «оптимистическую» версии.

«Пессимистическая» предполагает сохранение трендов, сложившихся в 2000-е годы ввиду соединения ряда объективных и субъективных факторов. В числе первых выделяется экономический рост, «запущенный» кризисом 1998 года и поддержанный постоянно повышавшимися в 2000-е годы ценами на минеральное сырье. Вторыми стали разочарование населения в «демократии» и свободном рынке вкупе с сохранением в стране ностальгии по советскому прошлому и остатков номенклатуры, умело использовавшей эти факторы для консолидации власти. В результате за последние 12 лет Россия под руководством президента В. Путина стала намного более «сырьевой» экономикой (в 2000 году на долю нефти, нефтепродуктов, газа и электроэнергии приходилось 53,8 % российского экспорта, в 2011 году — 70,3 % (см.: по СССР: Внешние экономические связи СССР в 1990 году, Москва: Министерство внешних экономических связей СССР, Госкомстат СССР, 1991, табл. XI, стр. 20; по России: данные Росстата: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ftrade/, сайт посещен 16 мая 2013 г.), существенно менее свободным обществом (в рейтинге Freedom House она перешла в эти годы из категории «частично свободных» в категорию «несвободных» (см.: www.freedomhouse.org/report/freedom-world-2013/charts-and-graphs, сайт посещен 15 сентября 2013 г.), начала проводить куда более консервативную внутреннюю и менее конструктивную внешнюю политику. Основой функционирования системы стало превращение государственной власти в вид бизнеса, что сделало коррупцию не только широко распространенной, но и, судя по всему, неискоренимой (см.: Krastev, Ivan and Inozemtsev, Vladislav. «Putin's Self-Destruction» // Foreign Affairs, June-July 2013: www.foreignaffairs. com/articles/139442/ivan-krastev-and-vladislav-inozemtsev/putins-self-destruction, сайт посещен 15 сентября 2013 г.). Сегодня Россия — совершенно новый тип общества: открытое, но боящееся внешнего мира; образованное, но консервативное; обладающее рыночной экономикой, но ставящее на государственное предпринимательство и подавление частной инициативы. Оценивая перспективы данной модели, следует исходить из возможностей ее выживания в изменяющемся мире.

Будем откровенны: они достаточно велики. За годы путинского правления в стране создана мощная инфраструктура дирижистского управления экономикой; налажены сбор налогов и перераспределение финансов из регионов в центр; резко усилены органы безопасности и внутренних дел; выстроена система «суверенной демократии», позволяющая манипулировать выборами; населению привито недоверие к западному миру и либеральным ценностям. Особенно важно отметить, что в стране сложился мощный класс коррумпированного чиновничества и работников силовых органов, который присваивает значительную часть общественного богатства и не может «легализовать» его часто не только за рубежом, но и в России. Этот класс готов стоять на защите режима намного более последовательно, чем в советские времена стояла на страже «устоев» коммунистическая номенклатура. В то же время большая часть населения страны живет куда лучше, чем в 1980-е годы, и, вспоминая о распаде СССР и последовавших за ним событиях, вполне осознанно готова поддерживать власть даже в условиях, если экономический рост прекратится, а уровень жизни некоторое время будет стагнировать. Отсутствие разрушительного экономического кризиса в таких условиях достаточно для сохранения В. Путина у власти до конца его дней — и именно таковы, на наш взгляд, его планы.

Устойчивость режима велика сегодня даже в условиях продолжающегося экономического и политического ослабления России, которое власти успешно скрывают, но которое оттого не становится менее драматическим. Мы уже говорили о росте сырьевой направленности экономики; добавим, что налоги на добычу и экспорт энергоносителей обеспечивают более 50 % доходов федерального бюджета, а таможенные сборы обеспечивают такую же долю доходов, что в США в начале 1870-х годов. При этом даже базовые отрасли экономики не развиваются (в 2012 году в России было добыто на 7,6 % меньше нефти, чем в РСФСР в 1987 году — хотя бывшие советские республики Казахстан и Азербайджан произвели в 3,4 и 3,3 раза больше нефти, чем в конце своей советской истории): в результате с 1990 по 2012 год доля России в мировой добыче нефти сократилась с 16,3 до 12,8 %, а в добыче газа — с 29,8 до 17,6 % (рассчитано по BP Statistical Review of World Energy 2013, London: British Petroleum Plc, June 2013: www.bp.com/en/global/corporate/about-bp/statistical-review-of-world-energy-2013.html, сайт посещен 14 сентября 2013 г.).

Россия утратила лидирующие позиции в космической и ядерной индустрии; ее высокотехнологичные отрасли и военно-промышленный комплекс в критической степени зависят от зарубежных комплектующих; в плачевном состоянии находятся судо — и авиастроительная отрасли; разрушается инфраструктура транспорта. В стране почти остановилось строительство железных дорог (сегодня их строят в год меньше, чем в среднем в первой половине 1860-х годов) и автомагистралей (современную трассу между Москвой и Петербургом строят уже 19 лет). И это — после десяти лет быстрого экономического роста, который после восстановления экономики от кризиса 2008–2009 годов сейчас составляет не более 1–1,5 % и не имеет шансов на ускорение ввиду неблагоприятного инвестиционного климата.

Экономические проблемы усугубляются внешнеполитическими и социальными. Россия сегодня находится между двумя гигантами — ЕС и КНР. Ее экономика в рыночных ценах составляет 12,2 % от экономики ЕС-28 и 24,6 % от экономики Китая

(рассчитано по данным МВФ за 2012 год, размещенным на сайте www.en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP (nominal), сайт посещен 19 мая 2013 г.); попытки В. Путина консолидировать постсоветское пространство для создания нового центра экономического притяжения (логика проекта изложена // Путин, Владимир. «Новый интеграционный проект для Евразии: будущее, которое рождается сегодня» // Известия, 2011, 4 октября) похоже, обречены на провал после того выбора в пользу ЕС, который сделала Украина; а Центральная Азия становится все более зависимой от Китая. Серьезными проблемами становятся иммиграция и рост доли мусульманского населения. К середине 2020-х годов русские, чья доля в общем населении сейчас достигает 77,7 %, составят 66–68 % жителей страны, доля мусульман возрастет с 6,5 до 10–12 % (см. по доле русских результаты переписи 2010 года (www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm), по доле исповедующих ислам статью Religion in Russia (www.en.wikipedia.org/wiki/Religion_in_Russia), сайты посещены 19 мая 2013 г.). Число выходцев из России, постоянно проживающих в странах ЕС, вырастет с нынешних 2,8–3,2 млн. (расчеты приведены в: Иноземцев Владислав. «Тихий исход энергичных и молодых сограждан» // Известия, 2010, 15 декабря, с. 6) до 5-6млн. человек, а доля мигрантов в первом поколении в самой России достигнет 15–17 млн. человек. Эти процессы усилят нервозность в обществе и снизят качество человеческого капитала, уже сегодня недостаточного для поддержания конкурентных позиций.

Между тем, учитывая приобретенный властью опыт управления страной, следует предположить, что банальное ухудшение экономической конъюнктуры и даже — в случае, если оно окажется реальным — падение уровня жизни не станут критическими факторами, способными подорвать позиции путинской элиты. Расходы нынешнего российского бюджета более чем на 25 % направляются на финансирование неэффективных инвестпроектов или приобретение товаров и услуг для государственных нужд по завышенным ценам (в 2011 году Д. Медведев оценил прямые потери лишь от коррупции при госзакупках в 1 трлн. руб., или в 8 % бюджетных трат (см.: Медведев, Дмитрий. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 30 ноября 2010 года: www.rg.ru/2010/11/30/poslanie-tekst.html, сайт посещен 14 сентября 2013 г.). Поэтому у правительства есть значительные резервы повышения бюджетной эффективности, которые будут задействованы в сложных ситуациях. Кроме того, по мере роста проблем власть будет эксплуатировать синдром «осажденной крепости», весьма сильный в сознании россиян. Открытость границ позволит недовольным уезжать и жить за рубежом — в том числе и на доход с капитала или имущества, которые люди сохранят в России. Представители оппозиции, которым удастся проникнуть во власть, будут либо запутываться в злоупотреблениях новыми возможностями (как это произошло с мэром Ярославля Е. Урлашовым, находящимся ныне под арестом за коррупцию), либо сотрудничать с вышестоящими эшелонами бюрократии. Попытки реформ «сверху» также маловероятны — особенно учитывая то неблагоприятное впечатление, которое предпринятая Д. Медведевым скоротечная «модернизация» оставила как в элитах, так и у большинства населения.

В рамках этого «пессимистического» сценария можно дать следующий обобщенный прогноз состояния России в 2030 году. Экономика будет расти в среднем на 2–3 % в год на первой половины этого периода, оставаясь при этом столь же «сырьевой», как и сегодня. После 2017–2019 годов вероятно начало долгосрочного снижения цен на нефть и газ и возникновения ситуации, в которой доходы населения будут расти в основном за счет наращивания государственного долга и более «социально» ориентированного бюджета. Инвестиции в инфраструктуру и обеспечение военной безопасности окажутся иллюзорными; в результате de facto Россия утратит к 2030 году статус серьезной военной державы (уже сегодня положение в этой сфере намного хуже, чем оно кажется западным наблюдателям). России не удастся реализовать никакие значимые интеграционные усилия в Евразии; в результате в середине 2020-х годов Украина, Беларусь и Молдова станут членами ЕС, а большинство государств Центральной Азии — вассалами Китая. В. Путин будет переизбран главой государства в 2018 году и после шести лет довольно сложного президентства в 2024 году передаст власть преемнику, который начнет осторожные реформы, однако общее состояние экономики и уровень недовольства складывающейся ситуацией приведут к неконтролируемым политическим процессам. В итоге «путинский» режим рухнет, не пережив своего основателя — а к 2030 году Россия подойдет страной, только начинающей поиск нового пути. Сложности этого времени будут усугублены огромным оттоком капиталов за рубеж, сопровождающим упадок режима; новой волной передела собственности и массовой эмиграцией, в очередной раз оставляющей новую Россию без прогрессивной и ответственной национальной элиты.

Этот сценарий можно относительно условно описать понятием implosion: режим разрушится под тяжестью внутренних проблем и по причине банального нежелания обеспечивать развитие страны. Единственным позитивным следствием такого хода развития событий мы считаем неизбежность последующей активной модернизации страны: ее облегчат, во-первых, понимание бесперспективности очередной версии авторитаризма и спрос на ответственную власть; во-вторых, невозможность сохранения сырьевой специализации в условиях снижения цен на углеводородное сырье; в-третьих, разочарование в «евразийских» ценностях и излишней ориентации на Китай; и, в-четвертых, приближение ЕС к российским границам и «фактор Украины», вступление которой в Союз может стать решающим в проевропейском выборе России. Мы отнюдь не считаем «пессимистический» сценарий катастрофическим — мы убеждены, с одной стороны, что население, ныне в массе своей поддерживающее В. Путина, должно сполна вкусить плоды режима, чтобы впоследствии снова не очароваться «сильной рукой», и, с другой стороны, что усиление Китая и ЕС на российских границах практически исключает сценарий распада страны, который выглядит единственной подлинно опасной перспективой.

«Оптимистической» версией можно считать сценарий, предполагающий демонтаж режима сразу после 2018 года — т. е. до того, как российская экономика исчерпает возможности развития, а геополитическая ситуация необратимо изменится в нежелательном для страны направлении. Предпосылки для этого есть — хотя нам они кажутся менее основательными, чем условия для «пессимистического» сценария.

В данном случае факторами перемен станут объективные и субъективные моменты. К первым мы бы отнесли ухудшение экономической конъюнктуры и нарастание диспропорций внутри страны, ко вторым — усталость от несменяемости власти.

Сегодня правительство не способно обеспечивать экономический рост без повышения сырьевых доходов — во второй половине 2013 года промышленность начала сокращать выпуск продукции, доходы населения стагнируют. Стоит обратить внимание на то, что внутри-и внешнеполитическая стратегии власти прямо противоречат задачам стимулирования роста. Внутри страны продолжается повышение налогов для нужд финансирования госпрограмм, которые почти никак не сказываются на развитии экономики (на саммит АТЭС в 2012 году, Олимпиаду в Сочи в 2014 году и чемпионат мира по футболу в 2018 году уйдет более €100 млрд. бюджетных средств); на внешней арене В. Путин стремится снизить накал противоречий вокруг «горячих точек» типа той же Сирии — вопреки тому, что война и дестабилизация на Ближнем Востоке были бы крайне выгодны России, так как обернулись бы резким ростом нефтяных цен. Но в обоих случаях приверженность «государству» вынуждает российское руководство сделать ошибочный выбор. В условиях стабилизации нефтяных цен власти потребуется снижать расходы (разговоры о чем уже начались) — а это вызовет лавинообразный спад инвестиций, сокращение спроса и активизацию оттока капиталов. В результате Россия начнет проводить активную политику заимствований, доведя уровень государственного долга до 40–50 % ВВП к 2018 году — что сегодня кажется предельно возможной для ее экономики величиной. Государственные компании будут направлять все имеющиеся у них ресурсы на обслуживание интересов власти; фондовый рынок будет уверенно снижаться; обострятся отношения между Кремлем и крупными предпринимательскими группами — вплоть до «мягкой национализации» части их активов. Иначе говоря, тупик в экономике породит серьезные напряженности во властных элитах — вплоть до того, что возникнут явные сомнения в способности В. Путина руководить страной.

Одновременно начнет усиливаться недовольство регионов Центром. Уже сегодня дисперсия валового регионального продукта между самыми богатыми территориями страны (Тюменской и Сахалинской областями с показателями регионального продукта в 987 и 970 тыс. рублей на человека) и самыми отстающими (Чечней и Ингушетией с 55 и 52 тыс. руб.) составляет 18–19 раз, что в 10 раз больше, чем между самыми успешными и наиболее отстающими штатами США и в 2,4 раза больше, чем между такими же бразильскими территориями (см.: Зубов Валерий и Иноземцев Владислав. «Дотации никогда не порождают богатства» // Коммерсант-Власть, 6 мая 2013, с. 26). При этом около 75 % российского экспорта происходит с территорий, расположенных к востоку от Урала, что предполагает вывоз богатств на $370–400 млрд. в год — в то время, как бюджетные инвестиции в регион не превышают $20–25 млрд. ежегодно (см.: Зубов Валерий и Иноземцев Владислав. Сибирское благословение. Москва: Аргамак-Медиа, 2013, с. 48).

За время правления В. Путина доля федерального бюджета в общей бюджетной системе страны выросла с 49 до 67 % — а это означает, что регионы обладают сегодня все меньшими правами. Возвращение выборов глав субъектов федерации в 2012 году способно в относительно недалекой перспективе породить всплеск регионального самосознания и требования более справедливого распределения финансов и полномочий. В России, таким образом, реформы могут начаться не из центра, как в большинстве успешно модернизировавшихся стран, а из регионов, намного более заинтересованных в развитии страны, чем Москва, скорее стремящаяся сохранить status-quo.

На эти тенденции может «наложиться» и фактор усталости от несменяемости власти. Согласно опросам общественного мнения, менее 35 % граждан страны в 2012 году высказывались за то, чтобы в 2018-м во главе России вновь оказался В. Путин (согласно опросу, проведенному Левада-центром 19–22 окт. 2012 г.: www.levada.ru/26-10-2012/40-rossiyan-ne-khotyat-videt-putina-prezidentom-posle-2018-goda, сайт посещен 14 сентября 2013 г.) — хотя все те же граждане в том же 2012 году избрали его президентом с официальным большинством в 63,6 % голосов. Сегодня недовольство населения «назначенными сверху» руководителями нарастает: на выборах 8 сентября 2013 года не имеющий никакого административного опыта блоггер А. Навальный получил 27,2 % голосов на выборах мэра Москвы (и только фальсификации обеспечили действующему мэру победу в первом туре голосования), а в Екатеринбурге, 4-м по размеру городе России, мэром был избран популярный борец с наркоманией и преступностью Е. Ройзман. До 2018 года в России предстоят перевыборы более 70 губернаторов и всех мэров крупных городов — а потому в стране могут появиться новые политики федерального уровня. Выборы в Государственную думу, пока планируемые на 2016 год, могут быть проведены досрочно ввиду снижения рейтинга правящей партии — но в любом случае в 2018 году власть окажется перед крайне сложным выбором. Новое выдвижение В. Путина может вызвать жесткое отторжение избирателей, замена его очередным преемником означала бы признание слабости президента, что он вряд ли сочтет допустимым. Иррациональное стремление В. Путина к удержанию власти может стать главным «спусковым крючком» перемен уже в 2018 году. Однако этот сценарий выглядит намного более катастрофичным, чем тот, что был назван нами «пессимистическим»: в случае выдвижения В. Путина и его поражении на выборах система пойдет на массовые фальсификации и подлоги — следствием чего станут революционные события, чреватые в России затяжными потрясениями; в случае замены нынешнего президента любым человеком его команды будет дан старт активной внутриэлитной борьбе, которая в итоге также может привести к неконтролируемым последствиям. Россия в 2018 году, как бы ни пошло ее развитие в ближайшие пять лет, останется крайне привлекательным «призом», за который ее элиты готовы будут вести непримиримую борьбу как друг с другом, так и с собственным народом. В случае, если система достигнет точки нестабильности к 2018 году, переход ее в новое качество не будет столь мягким и «однозначным», как в середине 2020-х. Поэтому, хотя мы и считаем этот сценарий «оптимистичным» (каждый из авторов хочет, чтобы Россия сменила ее нынешний курс на более современный), мы отдаем себе отчет в том, ни в одном из вероятных сценариев эта смена не будет легкой.

Подводя итог, следует остановиться на тех чертах облика «России-2030», которые объединяют оба прогноза и представляются очевидными при любом ходе событий.

Во-первых, в 2030 году Россия будет более слабой экономически по сравнению как с ЕС (вследствие его расширения и дальнейшей политической консолидации), так и с Китаем (по причине его продолжающегося быстрого роста). Ее экономика останется сырьевой, промышленное развитие будет зависеть от кооперации с развитыми странами, а технологического прорыва не произойдет как по причине невостребованности инноваций в сырьевой экономике, так и вследствие «утечки мозгов» из

страны, где авторитарная власть заинтересована в деградации образования.

Во-вторых, в 2030 году Россия окажется более изолированной в геополитическом отношении за счет расширения ЕС на Восток, усиления Китая в Центральной Азии и краха интеграционного проекта на постсоветском пространстве. Последнее будет обусловлено как нежеланием самих россиян объединяться с культурно чуждыми государствами Центральной Азии, так и с кристаллизацией интересов элит постсоветских государств, заинтересованных в сохранении своего суверенитета и в сотрудничестве с более экономически состоятельными государствами, чем Россия.

В-третьих, уже с 2017–2020 годов в России серьезно обострятся внутренние социальные и политические противоречия — хотя сегодня нельзя с уверенностью сказать, приведут ли они к смене нынешней политической элиты до 2024–2025 годов. В то же время практически очевидно, что к 2030 году путинский режим будет демонтирован, и страна в очередной раз начнет экспериментировать с демократической системой и более свободной, нежели сегодня, экономикой. Мы не можем сегодня утверждать, лучше или хуже будет она подготовлена к такому экспериментированию, чем в 1987–1991 или в 1998–2000 годах; это будет зависеть прежде всего оттого, «прагматичной» или «политически активной» окажется современная российская молодежь.

Завершая, остается заметить, что Россия в 2030 году никуда не исчезнет с карты мира, не разрушится и не распадется на отдельные государства — и это значит, что Европейскому Союзу придется и далее иметь с ней дело как с важным экономическим и политическим игроком. Выступая за то, чтобы Запад в целом и Европа в частности шли сегодня на минимальные уступки путинскому режиму, мы тем не менее полагаем, что после 2020 года у Европы не останется альтернативы инкорпорированию России в состав Европейского Союза. Сегодняшние проблемы России во многом порождены тем, что на волне эйфории конца 1980-х — начала 1990-х годов ни США, ни Европа не предприняли ничего, чтобы ввести Россию в рамки современных интеграционных структур. Пропустить такой шанс еще раз было бы непростительным — потому что какой бы ни стала наша страна к 2030 году, она по духу будет несомненно более «европейской», чем нынешняя путинская Россия.

Печатается по русскому тексту статьи, опубликованной на французском языке как: Inozemtsev, Vladislav et Joutchkova, Ioulia. «La Russie en 2030» // La Revue internationale et strategique [Paris], № 92, Hiver 2013, pp. 157–165.

Примечания

1

Авторы — Владислав Иноземцев и Юлия Жучкова. Жучкова, Юлия Владимировна — магистр Отделения международных отношений Томского государственного университета.